

СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 4 (В ДВУХ ЧАСТЯХ)
«ДЛЯ МУДРЫХ»,
ЧАСТЬ 1

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-4

СБОРНИК КИФ-5 «Благотворительный». Том 4 (в двух частях),
«Для мудрых», часть 1. — Новокузнецк: Союз писателей, 2022.
— 330 с.

В этом томе рассказы для тех, кто уже никуда не торопится, для людей с богатым жизненным опытом. Ритм рассказов здесь плавный, а темы достойны того, чтобы обдумать их спокойно и с разных сторон. Кроме всего прочего книга нормализует артериальное давление и сахар в крови, если ее читать вместо просмотра телевизора.

УДК 82-32
ББК84(2=411.2)6-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

КИФ-5 означает «пятый конкурс имморт-фантастики». Им-морт означает, что самое ценное — это жизнь.

Мы проводим конкурсы светлых и добрых рассказов. Тексты во всех наших конкурсах не должны эстетизировать смерть и насилие. Мы также против того, что сейчас помечают знаком «18+»: массовых кровавых убийств, лихих киллеров, порнографии, постапокалипсисов, абсурда, депрессии и всего такого прочего. То есть мы против обесмысливания и обесценивания жизни. Зато мы ратуем за человеческое достоинство, нравственность и долгую-долгую, желательно бесконечную и молодую, мирную, осмысленную жизнь. И мы полагаем, что весь свой разум, все свои усилия, все свои ресурсы человечество должно направлять не на то, чтобы воевать между собой, а на то, чтобы жить всем вместе — бороться надо с внешними обстоятельствами.

Вообще говоря, наши сборники бесплатны — их несложно найти в интернете. Но сейчас перед вами особенный сборник рассказов — благотворительный. Это значит, что мы направляем вырученные средства в благотворительный фонд, помогающий детям — фонд Хабенского.

Для этого сборника нам прислали столько рассказов, что сборник получился из четырех томов.

Том 1 — «Детский».

В этом томе рассказы для детей — для тех, кто еще не умеет читать или только научился. Рассказы детям обычно читают мамы и бабушки. Но можно попросить и папу, и даже дедушку — когда они не очень заняты.

Том 2 – «Юношеский».

В этом томе рассказы для молодых людей – для старшеклассников и студентов, для людей, которые еще не отведали взрослых забот, но которые уже кое-что понимают в этом.

Том 3 – «Для взрослых».

В этом томе мы собрали рассказы для взрослых людей. Но мы хотим предупредить: здесь нет откровенных любовных сцен и всего такого прочего – того, что принято называть «рассказами для взрослых». Зато здесь есть истории, которые интересны взрослым, занятым людям – они ходят на работу, зарабатывают деньги для своей семьи и несут ответственность не только за себя но и за своих близких – людям со взрослыми заботами. Рассказы помогут биться сердцу бодрее.

Том 4 – «Для мудрых» (в двух частях).

В этом томе рассказы для тех, кто уже никуда не торопится, для людей с богатым жизненным опытом. Ритм рассказов здесь плавный, а темы достойны того, чтобы обдумать их спокойно и с разных сторон. Кроме всего прочего книга нормализует артериальное давление и сахар в крови, если ее читать вместо просмотра телевизора.

Из-за того, что четвертый том оказался в двух частях, сборник КИФ-5 состоит из пяти книг.

Приятного чтения.

КИФ. Март, 2022.

РАССКАЗЫ

Александр Волков

«ЖЁЛТЫЕ ЧЕРНИЛА»

Психиатр каждый раз спрашивает, как у меня получается предвидеть это. Просит описать мои ощущения. Я что-то бормочу в ответ. Ничего конкретного. Просто знаю, что сегодня будет та самая ночь. Всё время надеюсь, что в последний раз. Но сон повторяется снова и снова. Хотя трудно назвать это сном. Скорее, фильм, записанный в моей памяти. Можно, конечно, выпить двойную дозу снотворного или накачать себя успокаивающим, всё равно ничего не поможет. Только утром будет трудно разодрать веки. Мой психиатр говорит, что я не разобрался со своими воспоминаниями, не закрыл гештальт. Несколько лет он пытался избавить меня от «просмотров» — вводил в состояние гипноза, менял препараты, подбирал схему лечения, но без результатов. Я по-прежнему хожу на приём пару раз в месяц. Он интересуется, что у меня нового, и я выдумываю разные истории. Они должны убедить его, что мне становится лучше. Не хочу его расстраивать.

Не знаю, кто нажимает кнопку воспроизведения в моей голове. Просто вспыхивает экран, и я вижу семилетнего мальчика. Он крепко пристёгнут ремнём безопасности на заднем сиденье автомобиля. В его руках — новый комикс. За рулём сидит отец — он совсем не старый, но уже с пепельной сединой.

— У кого-то скоро день рождения, — говорит он.

— Ага, — отвечает мальчик. Он делает вид, что внимательно рассматривает картинки. На самом деле он почти перестал дышать.

– Мы тут подумали с мамой, – отец специально делает паузу, внимательно смотрит на спидометр, переключает коробку передач и, будто нехотя, продолжает, – может быть, отметить его в «Плазе»?

Вы же догадываетесь, почему мальчик так счастлив? Отметить свой день рождения в новом торговом центре – десять лет назад об этом мечтал каждый ребёнок в нашем городе.

Я слышу, как щёлкает застёжка ремня. Вижу, как глупый мальчик обвивает руками шею отца, поднимаясь со своего сиденья. Детская щека прижимается к грубому, небритому лицу.

– Папа, я тебя люблю.

Отец улыбается и смотрит в зеркало заднего вида. Счастливые глаза сына поблёскивают огоньками. Отец открывает рот, хочет сказать что-то важное, но не успевает. Он вдруг замечает, как у глупого мальчика глаза расширяются от ужаса. Мужчина быстро переводит взгляд на дорогу, и в этот момент фильм выключают. Я хорошо знаю, что будет дальше. Много-тонный грузовик сталкивается со старой Ладой и выбрасывает её на обочину. Легковая машина переворачивается несколько раз и врезается в угол заброшенного склада. Потом врачи скажут, что произошло чудо. Потому что пристёгнутый ремнём отец погиб, а мальчик остался жив. Я остался жив.

Сестра, она старше меня на год, до сих пор любит шоколадные шарики на завтрак. Насыпает полную тарелку и заливает молоком. Иногда она просит маму сделать ей омлет, и тогда квартира наполняется запахом нагретого масла.

Проснувшись утром, первое, что я вижу, – три таблетки, заботливо приготовленные для меня на столе. Рядом с ними – стакан воды. Сгребаю их ладонью и по одной забрасываю

в рот. Этот ежедневный коктейль поддерживает меня в приемлемом состоянии.

– Доброе утро, сынок, – мама острым ножом разрезает хлеб. – Лекарства не забыл выпить?

– Хай! – сестра машет ложкой, с которой падают белые капли.

– Сегодня же четверг? – спрашиваю я, вода пальцем по клеёнке, накрывающей кухонный стол. – Я собирался сходить за принтером.

– Может, позвонишь вначале? – мама ставит передо мной тарелку. – Странно, что его отдают бесплатно.

– В объявлении нет телефона, – смахиваю волнистую чёлку набок, но она всё равно сползает на лоб. – Только адрес.

Дверь была обтянута дешёвым дерматином тёмно-вишнёвого цвета. От времени он обтрепался, потрескался, кое-где висели кожаные лохмотья с нитками. Я не решаюсь позвонить снова. Нажать звонок в первый раз заняло у меня несколько минут. Врач говорит, что так проявляется моя социофобия. Страх незнакомых людей крепко засел внутри. Если бы мне не был так нужен принтер, я бы никогда не пошёл к незнакомому человеку. За дверью вдруг завозились, замок закричал, и мне захотелось убежать. Я уже развернулся и взялся рукой за лестничный поручень, когда услышал за спиной:

– Вы, наверное, по объявлению?

Молча киваю головой, не видя того, кто спрашивает.

– Ну, тогда проходите.

Я разворачиваюсь и вижу, как сгорбленная спина в клетчатой рубашке удаляется по коридору вглубь квартиры. Под шаркающими ногами скрипит ссохшийся паркет. Я закрываю за собой дверь и иду следом. В нос ударяет затхлый запах,

перемешанный с валокордином. В центре гостиной стоит круглый стол с пятью стульями. На нём коробка, перемотанная скотчем, с большими буквами на боку. Эпсон. Компьютера нигде не видно. Старик поворачивается ко мне, и я бросаю быстрый взгляд, успевая разглядеть его лицо. На самом деле, он не такой уж старый.

– Ну вот, молодой человек, – он похлопал рукой по коробке. – Всё ещё в рабочем состоянии. Только, знаете что, – я чувствую, как он смотрит на меня, хотя сам разглядываю проплешину на ковре. – Он иногда странные вещи вытворяет. Начинает печатать жёлтым цветом. Значит, нужно поменять картридж.

– Угу, – машу я головой.

– Ну и хорошо, – он берёт коробку и протягивает её мне. – Только не торопитесь с заменой, пусть чернила закончатся.

– Ладно, – соглашаюсь я.

Компьютер никак не может найти принтер. Я несколько раз переустанавливаю скачанные из интернета драйвера, но он продолжает упрямяться. Со злости я выключаю принтер из розетки и целый день играю в Линедж. В виртуальном мире я чувствую себя уютнее, чем в настоящем. За окном разлитым дёгтем застыла ночь, когда я отправляюсь спать.

Приглушённый шум вытягивает меня из сна. Не сразу понимаю, что это звук работающего принтера. Я хорошо слышу, как бегают каретка. Неожиданно принтер громко загудел, каретка взвизгнула, и всё затихло. Ещё несколько минут я лежу, боясь пошевелиться. Наконец мне удаётся побороть страх, и я включаю настольную лампу. Автоматически отмечаю время на часах. 4:11 утра. Из принтера торчит половина листа, застрявшего внутри. Я осторожно поднимаю крышку и вытя-

гиваю лист. На нём большими буквами напечатана фраза. Требуются усилия, чтобы прочитать под тусклым светом жёлтые буквы. ОН ХОТЕЛ. Я выдвигаю ящик стола, достаю таблетку феназепамы и выпиваю её, чтобы успокоиться. Делаю пометку в блокноте. Врач требует записывать каждый раз, когда я принимаю транквилизатор. Не хочет, чтобы у меня развилась зависимость. Через несколько минут мышцы приятно расслабляются, и я снова засыпаю.

Звонок трезвонит уже больше минуты, но знакомую, обшитую дерматином дверь никто не открывает. Тревога навалилась утром внезапно, как только я проснулся. Принтеры не печатают листы сами собой. Неужели старик решил так пошутить? Знаете, что такое газлайтинг? Так называется попытка убедить человека, что он сошёл с ума. Учитывая моё состояние, сделать это совсем несложно.

— Ты чего трезвонишь? — раздаётся старческий женский голос.

Я поворачиваюсь и вижу пухлые ноги в тёмных чулках.

— Мне нужен ваш сосед, — смущённо отвечаю я.

— Какой ещё сосед? — удивление в голосе старухи сменяется подозрением. — Тут уже давно никто не живёт. Наркоман, что ли?

— Да почему наркоман? — возмущаюсь я. — Просто нужно поговорить.

— Сосед десять лет, как помер, — неожиданно миролюбиво говорит она. — А квартира его детям досталась. Я приглаживаю за ней — они-то редко приезжают, а продавать не хотят.

— А как он выглядел? — На полу лестничной площадки — застарелое тёмное пятно.

– Кто? Боря, что ли? Обычно. Высокий, руки, как кувалды. Мастером на заводе работал.

– Нет-нет, – говорю я. Бабуля обута в смешные розовые тапки. – Сухой такой, небольшого роста.

– Да что я, не помню, что ли, Борьку? – удивляется старуха. – Заполосный ты какой-то.

Но я не слушаю её и скатываюсь по лестнице вниз. Странное ощущение. Я давно уже не говорил так много с посторонними людьми. За годы домашнего обучения я разучился общаться.

– Ты с ума сошёл? – кричит на меня мама, пока я снимаю кроссовки.

Мои глаза предательски наполняются слезами, хотя я пытаюсь сдержаться.

– Я не то хотела сказать, – она отводит взгляд в сторону. – Прости, пожалуйста. Ты так быстро вышел, что я за тебя испугалась.

Теперь она будет целый день ходить с чувством вины, стараясь задобрить меня ласковыми словами.

В комнате на столе лежит белый лист, пожёванный принтером. Чтобы удостовериться, что я не сошёл с ума, нужно показать его сестре. Спросить, видит ли она эти жёлтые буквы? Но та точно настучит маме, и меня потащат к врачу. Может быть, я не выключал принтер из розетки вчера вечером, а сделал это ночью, испугавшись шума каретки? Мой отравленный приёмом лекарств мозг вполне мог выкинуть такую штуку и обмануть память.

Дверь тихо приоткрылась, и в комнату заглядывает мама.

– Ты отдыхаешь? – спрашивает она и заходит внутрь. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – отвечаю я, лёжа на кровати и разглядывая паутину на потолке. Я не люблю наводить порядок в своей комнате и не разрешаю другим делать это за меня.

Мама берёт со стола лист бумаги и заглядывает в него.

– Заработал принтер? – спрашивает она.

– Вроде бы, да, – отвечаю я, внимательно наблюдая за ней. Значит, она видит жёлтые буквы. Она кладёт лист обратно и выходит из комнаты.

Прежде чем лечь спать, я сматываю провода от принтера и переставляю его в другой угол. Теперь я точно знаю, что он не работает ночью.

Врач говорит, что мои защитные ритуалы только усугубляют болезненное состояние. «Тебе нужно разорвать замкнутый круг, – говорит он, рисуя идеальную окружность карандашом. – Каждый раз, когда ты поддаёшься своим страхам, ты только делаешь их сильнее».

Звучит убедительно, но я ничего не могу с собой поделать. Когда на улице я вижу странного человека, я спрашиваю у мамы, будто невзначай: «Тебе не кажется, что его куртка чересчур яркая?» Она смотрит в ту сторону, куда я показываю, и отвечает: «Отвратительный малиновый цвет. Как парень мог в такое вырядиться?» Это наш условленный код. Значит, этот человек существует на самом деле. А мама делает вид, что не замечает в моём вопросе скрытый смысл. На очередной встрече врач спрашивает меня: «Ты не разговариваешь с людьми, которых не видят другие»? Страх лишиться рассудка преследует меня многие годы.

Ночь взрывается звуком двигающейся каретки. Ещё не успев окончательно проснуться, я понимаю, что происходит. Липкий ужас каплями покрывает меня с головы до ног. В этот раз я знаю точно, что принтер был выключен. Когда

шум стихает, я откидываю одеяло, на ватных ногах иду к столу и включаю светильник. На часах 4:11 утра. И вдруг цифры обретают для меня значение. Я сажусь на стул и закрываю глаза. В памяти всплывает номер нашей старой машины. 411.

В этот раз лист не застрял и теперь он лежит в лотке. Дрожащей рукой я беру его и подношу ближе к лампе. Большими, жёлтыми буквами напечатаны слова: ОН ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ТОГДА, ЧТО ТОЖЕ ТЕБЯ ЛЮБИТ.

Несколько книг никак не влезают в коробку. Конечно, можно сложить их в пакет, но тогда придётся лишний раз подниматься в квартиру. А этот переезд и так затянулся на дольше, чем мы планировали. Хорошо, дядя Андрей сосед помог с машиной. Хотя теперь уже — бывший сосед.

Заливистый звонок громко растёкся по пустой квартире, многократно отражаясь от стен.

— Витя, ты откроешь? — кричит мама из кухни. — У меня руки в мыле.

— Сейчас, — отвечаю я и бегу в коридор.

— Здравствуйте. Мы по объявлению.

На пороге стоит женщина с девочкой лет двенадцати. Видимо, мама с дочкой. Одеты одинаково — тёмная одежда и чёрные косынки на голове.

— Проходите, — говорю я.

— В объявлении не было номера телефона. Мы переживали, что дома никого не будет. А вы переезжаете?

— Да, — говорит мама, и я оборачиваюсь на её голос. — Сын в университет поступил, хотим жить поближе с учёбой.

— Понятно, — глухо говорит женщина. — Вы правда отдаёте принтер просто так?

– Да, – говорю я. – Он мне больше не нужен.

– Мы решили купить новый, – опять вмешивается мама. Она всё никак не может привыкнуть, что теперь я сам отвечаю на вопросы.

– Простите, – смущается женщина, – вы не можете вынести его вниз? Там нас такси ждёт.

– Конечно, – говорю я, – мне как раз надо вам кое-что объяснить про чернила.

Александр Никишин

«ЛЕЙТЕНАНТ»

– На него ничего нет, ни места рождения, ни из какого региона он приехал, абсолютно ничего. – Лейтенант докладывал майору свои соображения по поводу нового соседа по лестничной площадке. – Я снял отпечатки пальцев, которые он оставил на дверной ручке, нашёл его выпавший волос и сделал анализ ДНК. Ни отпечатки, ни ДНК никогда не числились в базах... Всё за собственный счёт, конечно, – предвосхитил лейтенант вопрос, читаемый в строгом взгляде майора.

– Может, он издалека приехал, из таёжного края, например? – предположил майор. – Из такого медвежьего угла, где до регистрации отпечатков и ДНК просто руки ещё не дошли. Страна-то у нас большая.

– Товарищ майор, приехавшие издалека, что побогаче, селятся обычно в отелях и гостиницах, а не снимают квартиру за бешеные деньги с видом на комплекс зданий правительственного значения.

– Никто не запрещает снимать квартиры, товарищ лейтенант.

– Я говорил с хозяевами, товарищ майор. Он заплатил наличными за полгода вперёд, втридорога, нагло оттерев прежнего кандидата в жильцы. С тех пор там безвылазно и сидит.

– Ну, домосед он.

– Но счётчики не крутятся. Совсем не крутятся. Электричество не потребляется. Вода не расходуется. Ни капли.

– Ты хочешь сказать, что он и в туалет не ходит?

– Так точно, товарищ майор. Стояк в его квартире, с тех пор как он вселился, так ни разу и не шумнул.

– Он что? Не ест?

– Так точно товарищ майор.

– Что значит «так точно»?

– За две недели он ни разу не вышел за продуктами сам и ни разу не заказал доставку еды на дом.

– Ну и что с того. Может, у него там запасы.

– Он въезжал, как показали хозяева, налегке. Только небольшой кейс. Они никаких запасов ему не оставляли. Он вселился в пустую квартиру.

– Ну, тогда он... Он... – майор запнулся на мгновение и выдал. – Йог! Точно – йог!

– Йог?.. – удивился лейтенант.

– Ну, бывает... Много есть на свете чудиков разных и разнообразных. Вот один из таких снял квартиру по соседству с квартирой офицера силовой структуры, чтобы помедитировать в безопасной обстановке. Кто их, этих йогов знает? Может, среди них существуют враждующие фракции, которые по-разному понимают процесс медитации. Может, сосед твой новоявленный, опасаясь, что к нему могут заглянуть ребята из враждебной фракции, чтобы жёстко научить, как правильно медитировать, специально пристроился втридорога рядом с тобой. Обзавёлся, так сказать, пассивной охраной, жупелом. Весь подъезд же знает, где службу несёшь?

– Жупелом? – переспросил лейтенант.

– Ну, пугало, страшила, чтобы всяких залётных отпугивать...

– Вы именно так считаете, товарищ майор?

– А что считать? Он там две недели как?

– Да.

– Ну, за две недели от голода не умрёшь, а по большому ходить... Я помню, в детстве, когда впервые в пионерлагерь попал, там общий туалет на улице отдельно от корпусов был, и я тогда две недели на горшок не ходил. Брезговал!

– А по малому? Воду не спускает... Был бы запах...

– В бутылки пластиковые, стало быть, нужду справляет. Их сейчас везде тьма. В любой квартире парочка да найдётся. Кто знает, какие у йогов правила для медитаций?

– Но вода?..

– С собой принёс. Ты же говорил, что у него кейс с собой был?

– Так точно, товарищ майор.

– Так вот, товарищ лейтенант, прекратите душить мне голову вашим соседом.

– Но я подумал что...

– Что вы подумали?

– Здания правительственного значения...

– Они стоят?

– Стоят.

– Не шелохнулись за эти две недели?

– Нет, вроде бы...

– Идите тогда, товарищ лейтенант, и приступайте к выполнению своих непосредственных обязанностей. Там проявляйте инициативу. Свободны!

– Слушаюсь, товарищ майор!

Лейтенант вышел из кабинета майора и вздрогнул лопатками, когда массивная дверь захлопнулась за ним. Несмотря на то что доводчик сделал это мягко, звук показался офицеру оглушительным.

«Ничего, ничего, – подумал он. – Посмотрим, что это за йог!»

Версия майора уязвила самолюбие лейтенанта. Так быстро перевести личность из разряда подозрительных в разряд безобидных.

«Ордера на хоть что-нибудь мне не дадут категорически, — неслись мысли в голове лейтенанта. — Данные отпечатков и анализа ДНК даже во внимание принимать не станут. Нужно проявить инициативу по месту...»

Дверь открылась сразу, едва лейтенант нажал на кнопку звонка. Слово специально стояли за дверью, ожидая сигнала, и, едва он прозвучал, дверь отворилась со скоростью включения электрической лампочки.

Сосед совершенно не походил на йога. Скорее на атлета средней весовой категории. Коротко стриженные волосы, волевое, но приятное лицо, недлинный нос и ярко-синие глаза. Одет он был в синтетический спортивный костюм без каких-либо фирменных символов, на ногах тапочки, похожие на носки с подошвой.

— Вы раньше графика, — сказал сосед, глядя на лейтенанта изучающим взглядом.

— Я... Э... Э... — только и выдавил тот из себя.

— Вы ещё не адаптировались до конца? — спросил сосед.

— Нет, не до конца, — согласился лейтенант, ничего не понимая.

— Входите. — Сосед отступил из дверного проёма и сделал приглашающий жест рукой.

Лейтенант вошёл и оказался в абсолютной тьме и тишине. Он в панике развернулся на сто восемьдесят, чтобы выбраться из этой тьмы, но тут дверь захлопнулась, напрочь отрезая путь к отступлению.

Лейтенанту стало страшно.

– Давайте. – Услышал он, словно гром, голос соседа и стал истошно кричать.

– Я думал, что он это вы. – Словно из-под воды слышал Лейтенант голос соседа. – Он пришёл всего за сорок две секунды до вашего прихода. Как раз в рамках допустимых лимитов.

– Совпадение? – послышался второй голос.

– Не думаю, – ответил Сосед. – Он служащий силовых структур.

– Вы не учли этот фактор?

– Я не думал, что он проявит интерес к моей персоне.

– Надо было учитывать, что он молод, не женат и амбициозен. В его годы строят карьеру и проявляют инициативу.

– Я рассматривал соседство с ним как благоприятствующий фактор.

«Жупел», – вспомнилось лейтенанту обидное слово майора, который тем не менее оказался провидцем.

– И даже не удосужились визуально ознакомиться с ним. – Услышал лейтенант нотки упрёка в голосе Второго.

– Как-то так... – замялся Сосед.

– Как-то так? – возмутился Второй. – Возмутительно! Вы знаете, как трудно найти удобную промежуточную точку вроде этой? А он нас фактически накрыл!

«Это про меня, – подумал Лейтенант. – Я молодец!»

– На его терминологии это называется «взять не того».

«Ещё чего?!..» – хотел вслух возмутиться Лейтенант, но обнаружил, что был способен только к внутренним монологам.

– Сколько перевалочная точка будет ещё работать? – спросил Второй.

– Примерно пять астрономических месяцев. Плюс-минус... – ответил Сосед.

– Поиск новой займёт примерно столько же времени. Плюс-минус... – В голосе второго чувствовалась издёвка. – Нахождение слабого места в темпоральной ткани – дело едва ли не случая. Очень трудно и противоречиво просчитывается. Вы представляете, какие последствия повлечёт за собой срыв поставок?

– Представляю.

– И что вы предлагаете?

– Надо принять меры.

– Какие именно? – Голос Второго вибрировал от раздражения.

– Савельтрон.

– Вы предлагаете отсканировать его мозг в Савельтроне? Вы полагаете, что это не привлечёт внимания?

– Осознание себя? Рапорт об отставке? В этом времени так понимают свободу. Отчасти...

– Свобода – миф. От неё выигрывают наглые, беспринципные и жестокие. Остальным уготована участь жалкого существования. Всегда необходимы рамки ограничителей. Савельтрон, значит?..

– Да, другого выхода, кроме физического устранения, не вижу.

– Даже не знаю, что хуже. До появления первого прототипа аппарата ещё тридцать четыре года, а до выпуска в серию – семьдесят два. Мы фактически породим человека будущего в этом времени. Это большая ответственность.

– Непрерывность поставок с Европы полностью окупает этот риск.

– Согласен. Лететь туда и обратно напрямую – огромные материальные и времязатраты с проблемами сохранности продукта.

Второй помолчал немного и спросил:

– Савельтрон-то он пройдёт, но его нужно будет как-то поставить перед фактом, кто же он на самом деле. Многим не нравятся советы посторонних.

– Он, по сути, натасканная ищейка. Если дать ему, как говорится «почуять след», он сам начнёт искать и найдёт.

– Найдёт себя, смею заметить.

– Найти себя в этом времени редко кому удаётся, поэтому они так интересно живут.

– Не завидуйте их приключениям. Лучше закажите Савельтрон прямо сейчас, чтобы уложиться в пару часов.

– Заказываю, – то ли сказал, то ли провозгласил Сосед. – А пока я выведу нашего гостя из ингибиции и пообедаем. Угостим нечаянного визитёра.

– Что на обед?

– Самый что ни на есть свежачок! Устрицы с Европы! С глубины сто сорок два километра!

– О! – восторженно сказал Второй. – Для нашего гостя это будет неповторимый вкус будущего!

Сеть ресторанов «Лейтенант» ворвалась в жизнь словно ураган. За какие-то пять лет она собрала все звёзды и распространилась повсеместно со скоростью метеора. Быстро и ярко. Все полюбили «Лейтенанта» за неповторимые, изысканнейшие, ни на что не похожие вкусы его блюд, от которых людям,

впервые их отведавшим, реально сносило крышу. Какой-то популярный историк заметил, что нечто подобное происходило со средневековыми людьми, впервые попробовавшими перец и чай.

Несколько «скандальных разоблачений», скомпилированных против «Лейтенанта» запаниковавшими конкурентами, закончились грандиозными пшиками и поднятием на вилы смеха горе разоблачителей.

Ни психоделиков, ни наркотических, ни галлюциногенных веществ в блюдах, подаваемых на столы ресторанов сети «Лейтенант», обнаружено не было, как и не было обнаружено нарушений санитарного и технологического характера в работе их кухонь.

Владелец «Лейтенанта» ответил своим очернителям массой встречных исков за клевету и нанесение морального и материального ущерба. Он наотрез не принимал мировых соглашений с отговорками вроде: «Это бизнес – ничего личного. Мы деловые и культурные люди – мы должны друг другу понять и простить. На обиженных воду возят», и требовал отвечать по полной. Сказывались молодые годы, проведённые на службе в силовых ведомствах.

После одного из процессов, решение которого превратило очередного нечистого конкурента «Лейтенанта» в подобие напоровшегося на айсберг «Титаника», глава ресторанной сети давал очередную пресс-конференцию по итогам завершившейся тяжбы.

Глава был молод, чуть за тридцать. Он был среднего роста, русоволос, с обычным, лишённым всякого намёка на аристократизм, лицом и серыми невыразительными глазами. Тщательно выбрит, аккуратно, даже стильно, пострижен и облачён

в неброский, но дорогой, хорошо подогнанный по его худощавой фигуре костюм.

Лейтенант, а это был он спустя пятилетку, плюс-минус, после пережитых им событий, на вопросы корреспондентов отвечал кратко и по делу, не отклоняясь от темы выигранного процесса. Однако на вопрос корреспондентки со смазливym личиком, представлявшей издательство, далёкое от освещения юридических вопросов, он среагировал нестандартно. Вопрос в общих чертах касался темы: «Как он, бывший сотрудник силового ведомства, «докатился» до такой жизни?»

Лейтенант оживился, его серые глаза заискрились и даже, казалось, приобрели зеленоватый оттенок. Определённо, девица задела в его душе чувствительную струнку.

— Скажем так, — начал глава ресторанной сети, — сколько я себя помню, я всегда осознавал, что мне нравится процесс поиска. Искать — было моё призвание, но только что именно я призван искать, я, к сожалению, до определённого момента не знал. Не осознавал, если выразиться по-иному. По молодости лет, будучи, как все, «юношей пылким со взором горящим», я между профессией геолога и службой, выбрал второе. — Он набрал в грудь воздуха и, глядя прямо в глаза девицы, которая тщетно пыталась спрятать их под козырьком короткой объёмной чёлки, продолжал:

— Таким образом, думалось мне, я реализую свою склонность к поиску. Органам, как вы понимаете, приходится много чего искать. Информацию, людей, предметы, вещества... Найти и, так сказать, взять. — Возникла пауза, словно Лейтенант что-то вспоминал.

— Так вот, — наконец продолжил он, — в один прекрасный день я взял не того. Мне дали понять: я по жизни ищу совсем не то, что должен! И подсказали, что именно я должен искать.

– И что вам подсказали искать? – спросила девица, держа диктофон на вытянутой руке.

– Вкусы! Гастрономические вкусы! Вкусы будущего, которых сейчас нет и в помине, которые не «хорошо забытое старое», согласно пресловутой поговорке! Вкус – это эквивалент счастья! Люди любят вкусненькое, потому что оно делает их счастливыми. Я обрёл миссию – делать людей счастливыми, одаривая их вкусненьким по сходной цене! Тем не менее палитра гастрономических вкусов, которой я одарил, не побоюсь этого слова, человечество, ещё далека от идеала, к которому я стремлюсь в своих исканиях. Я знаю, каков идеал на вкус и не смогу ошибиться, найдя его. Если же не найду, то приложу всё усилия, чтобы его синтезировать и подарить людям!

Глава ресторанной сети закончил свой экспромт.

От корреспондентов посыпались вопросы.

– Откуда вы знаете, какой должен быть идеальный вкус?

– Я сохраняю это в тайне, так как ещё не пришло время срывать покровы, – отвечал Лейтенант.

– Это правда, что вы финансируете исследовательскую деятельность некоего Савеля, учёного, известного своими скандальными работами по изучению человеческого мозга.

– Да, это правда. Ищущий должен помогать ищущему.

– Вы согласны с его утверждениями, что среди нас бродят как не вымершие до конца неандертальцы, так и неприкаянные люди будущего, родившиеся раньше времени?

– За неандертальцев не ручаюсь, но тот факт, что люди будущего уже среди нас достоверен на сто процентов.

– Не относите ли вы себя к таковым?

– Кто знает... Кто знает...

– Вы реально верите в то, что пресловутый Савель может создать так называемый «дуромер», аппарат мозгового ска-

нирования, который позволит определять, к чему наиболее пригоден обследуемый в общественной жизни?

– В этом есть рациональное зерно.

– Какое именно?

– Приведу пример из жизни. Жил-был человек. В детстве его родителям, людям, которым тяжело давался их хлеб, недосуг было приглядываться к своему сыну и вдобавок они порицали его за манеру вечно что-то напевать себе под нос. Шло время. Человек каким-то образом выбрался из того образа жизни, что вели его родители и решил не повторять их жизненный путь. Он завёл семью и отдал своего сына в музыкальную школу. Через несколько лет сын, делавший в музыке незаурядные успехи, переложил на досуге на ноты то, что его отец всё время напевал сам себе. Оказалось, что его отец был прирождённым композитором высочайшего уровня, фактически вторым Бетховенным. Человек стал востребованным композитором, к нему быстро пришли слава и деньги. Но до этого он двадцать пять лет просидел клерком в какой-то богом забытой конторе. Был тем, кого неуважительно называют офисным планктоном. Ему потребовалось всего сорок пять лет, чтобы кто-то заметил и раскрыл его талант. Это история так называемой «ошибке выжившего». А скольких можно будет спасти от житейского прозябания в клетке нереализованных способностей, появившись на свете такой аппарат.

– Но разве позволят создать такой аппарат? – раздался чей-то голос из зала. – Он же будет иметь обратный эффект. Кого-то вызволит из вашей клетки, а кого-то, наоборот, начнёт загонять в неё. Мало кто захочет мириться с результатом, не совпадающим с самомнением!

– Время идёт, критерии отбора будут меняться с его ходом. Если сейчас наверху наглые, беспринципные и жестокие,

то в будущем их сметут способные и адаптированные к грядущему. Именно такие, что приспособлены к будущему уже сейчас, воспринимающие его как свою естественную среду обитания в силу того, что они по природе своей и есть люди будущего. Таковых, благодаря этому аппарату, станет возможным отделить от нас, ограниченных и ретроградных, чтобы они сделали для всего человечества то, что лучше всего у них получится – качественное, уютное и безопасное будущее!

Александра Пушкина

«КОРОЛЬ ЛЕТО»

Странное у него было имя – Йошка. Да и сам он весь был странный – не похожий на пацанов из школы. Лопухий, рыжий, худой. Нескладный и солнечный как одуванчик. Серый подружился с ним сразу, как приехал из Мурманска в Зеленоборский. Может, почуял родственную душу – сам он тоже считался в классе немного странным за привычку, забывшись, говорить будто сам с собой. Как он её ненавидел!

Правда, не так, как летнее одиночество. А на севере сверстников в это время почти не оставалось. Многие уезжали к морю, на всамделишный юг, а не как дурачки всякие – к бабушке в северный посёлок. Хотя море было и здесь, купаться в ледяном заливе даже в разгар лета рисковал мало кто. Поэтому главным сокровищем Зеленоборска для мальчишек оставался лес. Особенно после прошлогоднего карантина в городе. В августе тут можно было собирать ягоду – хочешь, сразу в рот, хочешь, на деньги меняй у местных перекупщиков, а хочешь – домой носи, бабка варенье сварит. Но домой Серый не любил носить – её ж перебирать потом. И руки все чёрные или красные, липкие и сморщенные как от долгого купания. Фу!

В июне – июле на хоженных лесных прогалинах недалеко за домами можно было играть в прятки, войну, путешествия. Строить шалаши или просто жевать бутерброды, сидя плечом к плечу на поваленном замшелом бревне. Лениво ероша носком кроссовки смолянисто блестящие ягодные кусты.

Прямо как сейчас. Лёгкий летний ветер отгонял от разгорячённого лба звенящее комарье, а нежаркое солнце согрело через тонкую ткань ветровки.

– Глянь! – Йошка тыкнул грязным тонким пальцем куда-то перед собой, где росла кучка стройных сосен.

Серый поглядел:

– Ну сосны, и чего?

– Сам ты «сосны»! Белка вон. Видишь? Ну во-он же! Ну что ты как слепой-то! – Йошка всегда немного сердился, когда друг не замечал того, что он показывал. Правда, легко отходил, а Серый быстренько присматривался и тут же начинал видеть.

И правда, белка. Скачет по шершавому стволу, срывая коготками кусочки коры. Мордочка острая, уши торчком, и хвост – не сказать, чтобы очень пушистый и рыжий, но вполне беличий. Симпатичный.

– А ты знал, что белки друг с другом с помощью хвоста общаются?

– Не-а, прикольно...

Серому было странно, что друг так восторженно принимает любое лесное зверье, но спросить об этом побаивался. Вдруг Йошка обидится и не будет с ним больше дружить? Тем более что знал он про животных очень много. Может, он будущий зоозащитник, или биолог. Или книжки будет писать, как этот... Даррел, которого когда-то пятилетнему Серёже читала на ночь мама.

– Вот бы автограф... – Серый тут же осёкся, сообразив, что опять говорит вслух. Изнутри как кипятком плеснули.

Йошка серьёзно посмотрел на друга, а потом улыбнулся, сверкнув щербинкой между передних зубов:

– Мой, что ли?

– Да блин, – покраснел Серый. – Дебильная привычка! Извини...

– Мысли вслух говорить? Нормальная привычка. Это у дураков мыслей никаких нет, вот они и молчат. А тебе, значит, есть что сказать, раз говоришь.

Серый аж хохотнул от приятной щекотки где-то чуть выше желудка.

– А с автографом всё равно не получится, я расписываться не умею.

– Да это я в шутку так... ну, подумал, вдруг ты знаменитым будешь, когда про природу начнёшь писать. И потом, можно же просто фамилию там, имя...

– Угу.

– Йошка, слушай, а почему у тебя имя такое... не наше? – спросил и сам испугался. Мало ли...

Но друг только пожал худыми плечами:

– Да не помню. То ли немецкое, то ли чешское. Папин дед оттуда был, вроде. Вот и решили в его честь назвать, чтоб необычно.

– Да-а, блин... – понимающе протянул Серый, у которого в этом году появилась сестра Василиса, названная в честь деда Василия. самого его назвали в честь другого деда. Папиного. Будь он Василием – удавился бы.

– Да мне нормально, – снова улыбнулся Йошка.

– А пошли ко мне! Баб Надя оладьев напечь обещала. По-рубимся на приставке – зря я её что ли из города пёр?

– Не-е! – поморщился друг. – Пошли лучше на залив. Попробуем пробраться на старую баржу. Там сейчас отлив.

Серый даже замер от удивления. Приставка была его Козырем. Можно сказать, тузом в рукаве. Ни один сверстник ещё не отказывался «пойти поиграть в приставку». Со словом «при-

ставка» ты тут же приобретал вес в глазах любой компании. Ну, кроме мажоров, конечно. У тех были свои, и ещё покруче.

– Говорят, там в прошлом году мужик утонул, – задумчиво добавил Йошка, и это решило исход дела.

На заливе свежий прохладный ветер гонял барашки по свинцовой поверхности воды, но летнее северное солнце всё же согревало сквозь прорехи облаков. Жалостливо кричали о чём-то своём чайки и шумела набегающая на берег волна. Остро пахло солью и гниющими водорослями. Друзья скакали по скользким от тины прибрежным валунам, пока Серый чуть не полетел в воду.

Резкая паника, неловкий поворот и боль в копчике.

– Ай, блинский ёж!

– Серый, ты как? – с валуна свесилась пушистая рыжая шевелюра Йошки.

– Больно! – пожаловался ему друг, потирая ушибленное о гальку место.

– Эй, пацан! Нормально всё? – раздался неподалёку мужской голос.

Йошка замер на своём камне, а Серый повернул голову и закивал. Мужчина, стоявший на полосе прибоя, был явно уже немолод. В засаленном дождевике цвета хаки, с удочкой, ведром, и в резиновых сапогах. Седеющие нестриженные волосы трепал ветер.

– Давай помогу, – он переложил ведро и протянул широкую мозолистую ладонь, будто стоял совсем рядом.

– Да ничего, я сам, – неловко отмахнулся Серый.

– А вообще, не стоит тут шататься без старших. Прилив начнётся, что тогда? Или... – мужчина сощурился, будто что-то прикидывая, потом кивнул сам себе и продолжил: – или Король Лето заберёт.

– Чего-о-о?! – Серый аж растерял всю вежливость от возмущения. – Мы что, малыши, в бабайку верить?

Он посмотрел на Йошку, ожидая увидеть на лице друга презрительную гримасу. Но тот только виновато улыбнулся и вновь пожал худыми плечами.

– Ну, хочешь – верь, хочешь – нет, а летом у нас, бывало, пропадали люди, – почесал затылок мужчина. – Так и не нашли. И возраст у всех разный. Если б преступник какой, он бы определённых людей выбирал. А тут – без разбора. Бабки саамские говорят, мол, царь жоар объявился. К себе уводит.

– Чушь какая! – фыркнул, не выдержав, Йошка.

Мужчина развёл руками:

– Я б сам не поверил, но... кто знает, – он лукаво прищурился, глядя почему-то именно на Серого, да так, что того озноб пробрал. Потом хмыкнул: – Ладно, пойду. А то рыба сама не засолится.

– До свидания, – буркнул недовольный Сергей. Йошка и вообще только рукой махнул.

Мужчина ответил тем же и бодро зашагал по просёлочной дороге, ведущей к посёлку.

– Какой-то он... – поёжился Серый, поглядев на друга.

– Да пугал нас просто, – беззаботно отмахнулся тот. – Чтобы мы тут не шатались. Не утонули ненароком.

– Ага, – не очень уверенно согласился Серый и вновь поглядел на дорогу, по которой ушёл мужчина. Она была пустынная. – Эээ... ты видел?!

– Что?

– Мужик этот... пропал! – Серый аж вскочил на ноги, чтобы лучше разглядеть окрестности.

– Ну, свернул, может.

– Ага, в лес?! Рыбу там солить? Или в залив уплыл?

Йошка снова заразительно улыбнулся и пожал острыми плечами. Сразу как-то отлегло — ведь есть же друг. Он, если что, в обиду не даст. На помощь позовёт. И вообще, может, правда, у мужика дача тут в лесу. Но смутные подозрения с пузырьками восторга от «их» тайны беспокойным псом свернулись на задворках мыслей.

— Смотри-смотри! — Йошка вдруг толкнул друга в бок.

Посреди залива то там, то здесь прокатывались над водой тускло блестящие на солнце плавники.

— Слоновые акулы, — в глазах друга вспыхнуло веселье. — Они охотятся.

— На кого? — Серый чувствовал себя немного сбитым с толку.

— На планктон. Смотри! Они редко в залив заходят.

— Акулы? На планктон? — не поверил Серый.

— Это же слоновые, они как киты, — не очень понятно отозвался Йошка.

Вечером, стоя в пижаме у окна, с капустным пирожком в руках, Серый спросил:

— Ба, а ты знаешь про царя... как его там? Ну, Короля Лето, или Лета?

— А? — сперва не расслышала та. Потом поджала и без того тонкие губы: — Ой, да кто тебе чушь эту сказал? Дружок твой, что ли? Не бери ты в голову эти старые саамские сказки, лучше кушай. И морсику налей, вкусный морсик получился.

— А люди, которые пропадают?

— Да типун вам на язык! Если бы тут кто пропадал, я б тебя по лесам бегать не пустила.

Уже лёжа в кровати, Серый думал, как там Йошка. Ему-то меньше повезло. Тут хоть дом и деревянный, но двухэтажный и с удобствами. Поэтому, вроде ты и в посёлке, а вроде и в го-

родской квартире живёшь. А вот у Йошки — домик по-настоящему деревенский. Одноэтажный, из потемневшего от времени дерева, с туалетом на улице. И стоит у залива в поморской деревеньке. Друг сам показывал с другого берега. А вот в гости до сих пор не звал. Ну... может, стесняется.

Сам не зная зачем, Серый достал из-под подушки смартфон с трещиной через экран. Вылез в Тик-ток и переименовал свой пустой аккаунт на king.letto. Полусонная мысль проскользнула гибкой рыбой в глубине: «Буду снимать природу. А Йошка пусть говорит про неё. Интересно же говорит».

Но на следующий день Йошка не пришёл.

Его не было на их обычном месте встречи, не было у «штаба», сложенного из лапника и сухих веток. Не было на заливе. Холодное липкое предчувствие поселилось комом в груди. И тогда Серый отправился на другую сторону залива, куда сам ещё не заходил. Не по какому-то запрету или страху, а просто надобности не было. Зато теперь она была ого-го какой! Он ведь, идиотина, даже телефон у друга не узнал. Зачем? Если Йошка сам всегда पहले приходил.

Старый домик выглядел нежилым. Тут не было вездесущих кур и другой домашней живности. В окнах, правда, висели белые занавески, но и они казались посеревшими и безжизненными. Калитка, по мнению Серого, скрипнула как-то уж слишком громко. А если он домом ошибся? Что хозяевам говорить? Стало мучительно не по себе. Но реакции, казалось, не последовало.

И только завернув за угол, к крыльцу, Серёжка выдохнул. На поленице сидел Йошка в старой футболке и тёмных шортах, мусоля ранку на колене.

— А ты чего не пришёл? — он не хотел говорить так, с обидой, но та выходила сама, вместе со страхом за друга.

– Ой, Серый, привет! – тот расплылся в знакомой щербатой улыбке. – А я джинсы вчера продрал. Бабка наказала – запретила со двора выходить. А телефоном я не пользуюсь. Силу воли тренирую. И он теперь сел и включаться не хочет...

– А мы всё равно же номерами не обменивались, – хмыкнул, уже отходя от недавнего страха и обиды, Серёжка. Подумав, примостился рядом с другом. – А я, прикинь, чего придумал!

Угрюмая Йошкина бабушка, выглянув, буркнула что-то на приветствие Серого, но прогонять не стала. И тот решил – раз другу выходить нельзя, значит, они вместе будут сидеть во дворе и болтать. Или даже снимут первое видео. Надо же представить публике будущего великого натуралиста и писателя.

– А знаешь, – вдруг невпопад ляпнул Йошка. – Я через неделю домой уезжаю.

– Почему? – неподдельно расстроился Серый.

– Надо, – отвёл глаза друг.

– Ну и не хочешь говорить, не надо! – обиделся Серый. – Я думал, мы типа друзья.

Йошка вздохнул, снова помусолил ранку:

– Болею я. Да не заразно, не бойся. Но мне в дневной стационар надо. Доктору показаться, лекарство прокапать. Я думал, через месяц только, а им чё-то анализы не понравились.

– А... серьёзно? – почему-то спрашивать «чем» Серый постеснялся.

Йошка по привычке пожал худыми плечами. Потом улыбнулся, но как-то натянуто, без прежнего задора:

– Да норм. Папа говорит «прорвёмся».

Этой ночью Серый увидел странный сон.

Он стоял на лесной тропинке, среди шелеста сосен и глянцевого блестящего под солнцем ягодника. И смотрел вслед уходящему другу. Почему-то в груди тянуло и скребло тяжёлое чувство, что вот-вот, ещё чуть-чуть, и ничего больше не справишь.

Йошка обернулся и помахал рукой. Луч солнца вызолотил рыжую шевелюру светящимся ореолом.

Серый хотел было побежать за другом, но будто приросшие к мягкой торфянистой земле ноги, не слушались.

«А ты знал, что Лето нужно кормить печеньем с ладони? Здешнее любит овсяное, – вдруг знакомо улыбнулся друг. – А королей на самом деле выдумали. Ну кому, скажи, нужна корона, когда вокруг такое?! И когда друзья».

«Йо-о-ошка-а-а! Не ходи-и!» – крикнул Серый, но понял, что крик какой-то слишком слабый, и вообще он сам очень маленький.

А Йошка большой. Ростом с лес. И одновременно взрослый и мальчишка. И улыбается прямо небом. А из рукавов растут ветки и листья, и птицы выют в них гнёзда. А позади зелёный плащ, и в его подоле плещутся киты. И солнце горит над головой, как корона. Но совсем не страшно, а тепло.

«Ты что ли Король Лето?» – тянувший ком в груди пропал. Осталось любопытство и немножко восторг.

«Сам ты король! – Йошка снова стал Йошкой, по-детски показав язык. – А пошли на залив ящериц ловить?»

Проснувшись, Серый почему-то был полностью уверен, что теперь нужно делать. Сидя на прогретой трухлявой завалинке рядом с Йошкой, он рассказал про свой план.

– Ну-у... – с сомнением протянул тот. – Это странно. Я же не профессор какой-то. И вообще, говорить для кучи людей прямо из больницы – как-то... как будто я на жалость давлю.

– Странный – это про меня. Я привык уже. А ты – особенный. Ты вон сколько знаешь! И хочешь это прятать? Ну как... как я смартфон под подушкой.

– Всё равно не могу. Глупо это...

Серый продолжал уговаривать всю неделю, хотя дело уже доходило до ссор. Накануне отъезда Йошка чуть ли не со слезами заявил, что не умеет на камеру и вообще боится.

– Да чего тут бояться?! Вот! Сейчас я чего-нибудь запишу.

Он выбрался из их штаба на лесную пропешину, натянул большим пальцем приложение и выставил перед собой смартфон. Во рту моментально пересохло, руки и ноги стали «ватными», а в груди заныло. Он же сейчас чушь какую-нибудь ляпнет, а все это увидят.

Из шалаша вылез Йошка с покрасневшими от непролившихся слёз глазами. И черничной «кляксой» на подбородке. По кронам пронёсся ветер, скрипнуло сухое дерево, и на ветку села застрекотавшая сорока. Серый вдруг почувствовал, будто ветер у него внутри. И лес внутри. Большой и пахнущий землёй, хвоей, грибами. И улыбнулся. Прямо как Йошка во сне.

– Привет. Я Серый, я вообще ничего про природу не знаю, но я сейчас в лесу. А не на море, как нормальные люди. И мне нравится, представляете? Вот это сорока, и я не могу ничего про неё рассказать. А один мой друг, наверное, сказал бы, что она может достать семечки из десяти тысяч шишек за лето, и что она умеет читать мысли.

– Глупости! – хихикнул вдруг Йошка.

– Вот. Он знает, а я нет. Если вам интересно узнать про природу много такого, чего не знает никто, поставьте, пожалуйста, моему видео лайк. Может, тогда он согласится.

Уменьшить звук фоновой музыки, опубликовать. Всё.

Ощущение леса внутри ушло, оставив ноющий страх, дрожащие пальцы и восторг от содеянного.

Йошка глядел на друга круглыми большими глазами, будто впервые его видел. Где-то в переплетении ветвей солнечно и беспечно закуковала кукушка. Серый убрал телефон, поклявшись себе, что зайдёт в сеть только завтра.

А завтрашний перрон пах мазутом, железом и морошковым болотом, раскинувшимся за путями под серым от набежавших туч небом. Бабушка Йошки сидела в здании вокзала с чемоданом внука, а тот, поникший и взъерошенный, в синей ветровке и зашитых джинсах, стоял рядом с Серым на открытом воздухе.

Серёжка достал телефон, пока друг смотрел вдаль, откуда должен был вынырнуть поезд. Выдохнул и открыл приложение. Замер на секунду и протянул телефон другу:

– На.

Конечно, чуда не случилось. Пара десятков лайков и всего один комментарий. Но зато какой!

«Привет, Серый. Надеюсь, ты уговоришь друга, потому что я очень люблю Даррела, а книжки его уже все прочитала. А лежать в больнице – скучно. Буду за вами следить». Lisa.Elis.

Йошка выдохнул, как-то подобрался и кивнул, возвращая телефон Серому. Из-за туч робко выглянуло солнце, снова позолотив волосы друга рыжим ореолом. И почему-то стало тепло.

Алёна Ершова

«СУДАРЫНЯ-КРУЖЕВНИЦА»

За окном бушевала вьюга, а в избушке было тепло, уютно. В старой печке потрескивали дрова, а в открытой духовке остывали имбирные пряники, отчего аромат расходился вокруг неповторимый, душисто-терпкий, такой, который бывает только в канун Нового года.

Маша вырезала из белой бумаги снежинки и клеила их на окна, а её бабушка, склонившись над валиком, плела на коклюшках кружева.

— Ба, дай мне! — в который раз попросила внучка. — Я уже все-все твои задания выполнила. В комнате прибрала, пряники сделала, ёлку нарядила, окошки снежинками украсила.

— Ну садись, коли так. Да не торопись ты, по схеме иди, вот тут перевить следует, а тут поправить. Молодец.

— Бабушка, а без схемы можно кружева плести? Чтоб рисунок от души шёл?

Старушка вздохнула и погладила девочку по голове.

— Раньше, когда сама сударыня-кружевница мастериц обучала, лучшие из лучших плели кружева, словно рисунок морозом рисовали. Но с тех пор как Метель перестала оставлять узоры на окнах, так и умелицы перевелись.

Маша внимательно переплетала коклюшки.

— А кто она, эта сударыня-кружевница? И отчего больше узоры на окнах не оставляет?

Старушка уселась поудобнее и, не забывая поглядывать за работой внучки, начала рассказывать:

— Давно это было, ещё моя бабка сказывала эту историю. В одной деревне потеряли девочку. Ушла в самую длинную зимнюю ночь в лес за хворостом и заблудилась. Как ни звали, ни аукали, той и след простыл. А девочка забрела в глухую чащу, и так ей страшно и холодно стало, что села она под огромной разлапистой елью и горько заплакала. На улице стоял жуткий мороз. И слёзы её тут же замерзали и превращались в длинные вытянутые ледяные капли. Так бы и проплакала она до самой весны, если бы к той ели не пришли три Зимних брата, три Мороза. Старший был высок и могуч. Длинная белая борода его стелилась до самой земли. Средний суров и статен, синяя ледяная шуба его блестела в лунном свете, словно лёд на речке. А младший оказался краснощёк и улыбочив, его кафтан искрится, как свежий снег на ярком солнце.

— Ты кто такая и что здесь делаешь? — пророкотал старший из братьев.

— Меня Марьюшкой звать. Я заблудилась, — всхлипнула девочка.

— Но ты села под жертвенной елью и теперь пойдёшь с нами, — прозвенел средний из братьев.

— Собирай свои хрустальные палочки, что ты тут разбросала, и ничего не бойся, мы не обидим, — прожурчал младший из братьев.

Девочка подобрала свои слёзки, которые теперь действительно больше походили на палочки с капельками на концах, и зашагала вслед за Морозами. Долго ли, коротко шли они, наконец вышли на опушку. На той опушке домик стоял, ставенками резными красовался. Зашли братья в тот дом да оставили Марьюшку на хозяйстве.

— Ты избу вымети, окошки вымой да покрывало, что в светлице лежит, заштопай, — велел старший из Моро-

зов, — а мы в лес. Стужу зимнюю разгонять, снегом землю укрывать да ребят за щёки пощипывать.

Вот и осталась девочка на хозяйстве. Первым делом за уборку взялась. Схватила метлу и давай пол мести, а с пола снег поднимается, белой вьюгой кружит, серебрит одежду, волосы, лицо девочки. Застилает глаза. Наконец Марьюшка вымела пол, вычистила всё кругом. Утихомирилась метель, улеглась. Забелела светлица. А девочка уже набрала кадку водицы студёной и давай окошки мыть. Окошки ледяные, пальцы так и сводит от холода. Но Марьюшка подышит на ладошки и снова за работу. И вот уже руки стужи не боятся, и работа идёт веселее. Домыла всё, глянула и нарадоваться не может. Зимнее солнце сквозь стёкла светит, всё в доме блестит, переливается, искрится.

Лишь последний наказ осталось выполнить. Взяла девочка покрывало, встряхнула его, расстелила, и аж дышать забыла как. Большое, снежное полотно, дивными узорами выбрано, да вот беда — поизносилось всё, расползлось. И нету у Зимних братьев ни ниток, ни иголок. Призадумалась, как ей быть, потом достала своё веретёнце, с которым никогда не расставалась, вышла во двор, взяла охалку снега, вздыбила его, растрепала и села прясть на крылечке. Руки-то после мытья окошек холода не боятся. Напряла тонких снежных нитей мерено-немерено! Да вот беда — шить нечем. Как дело справить, не знает. Тут выпали из Марьюшкиного кармана палочки-слёзки. Обрадовалась девочка, перемотала на них нитки, прикрепила к пуховой подушке и давай перебирать, перекручивать. Выходит у неё из-под пальцев не узор, а загляденье.

Вечером приходят братья, в доме чистота, полы выметены, окна вымыты, и встречает их не Марьюшка, а белокожая девушка красоты неписаной. Платье на ней серебром искрится,

в русой косе снежинки блестят, а на плечах шаль кружевная тонкая. Поразились Зимние братья, порадовались.

А старший и говорит:

— Вижу я, выполнила ты наш наказ. Но скажи мне, удалось ли тебе починить моё покрывало?

Марьюшка поклонилась и подала сложенное полотно. Развернули его Зимние братья, посмотрели, поглядели и не смогли найти ни одного шва. Только кружево белое да морозное. Подивились Морозы, порадовались.

— С таким повоем вся земля до весны спать будет, — молвил средний брат, — но открой нам секрет: как удалось тебе так всё зашить, что ни одного стежка не видно, да ещё и без иглки с ниткой?

Улыбнулась Марьюшка и, поклонившись, подала ещё одно покрывало. Развернули его братья и узнали своё старое истёртое полотно.

— Не сердчайте, добрые Морозцы. Я из снега зимнего сплела новый кружевной повои, а этот не годен более землю укрывать, оттого и зимы прошлые малоснежные были.

Младший из братьев рассмеялся, обнял девочку и произнёс.

— Зимы потому и выходили худыми, что ни одна из девиц наказ старшего Мороза выполнить не могла. Ленились да бросали на полпути. Оттого и вьюга не мела, и солнце снег не искрило, и земля голая, бесснежная стояла. Ты, Марьюшка, молодец, справилась. По труду и награда будет. Оставайся с нами, сестрицей названной. Будешь кружева плести да людские окна ими украшать. Метелью летать по белу свету да лучших мастериц мастерству учить.

А Марьюшка и рада согласиться. Так и стали они жить в избе вчетвером. Старший Мороз снегом белым землю укрывает, средний Мороз льдом сковывает, младший искристым золо-

том украшает, а сестрица, названная Метелью, летает, кружева на окнах плетёт да смотрит, есть ли мастерицы в доме. Если найдёт такую, то дарит ей коклюшки. Да не простые, а волшебные. В них память всех морозных узоров хранится. Такова сударыня-кружевница.

Но годы шли. Постепенно старые стеклянные окошки стали заменять на новые тёплые окна из пластика. На них не остаются узоры, через них не глядит сударыня-кружевница, да и мастериц, умеющих на коклюшках плести, всё меньше и меньше. Скоро исчезнет наше умение, как исчезли зимние узоры.

Маша отложила коклюшки и внимательно посмотрела на бабушку.

— Что ж это выходит, из-за того, что у всех стоят теперь пластиковые окна, Марьюшка теперь учениц не берёт? Не справедливо. Вот я бы пошла к ней мастерству учиться, и коклюшки волшебные тоже хочется. — Девочка мечтательно прикрыла глаза. — Эх, я бы такие узоры плела!

Бабушка мягко улыбнулась.

— Звёздочка моя, так может пришла пора загадать желание? Ведь в самую длинную ночь — Новогоднюю ночь, грань между мирами становится тоньше, а сила Зимних братьев и их сестрицы Метелицы сильнее.

Маша подпрыгнула. Сжала кулаки, зажмурилась, встала на носочки и быстро-быстро проговорила:

— Хочу быть лучшей мастерицей! Хочу, чтоб сама сударыня-кружевница меня плести кружева научила, и коклюшки свои собственные волшебные тоже очень, очень, очень хочу!

Бабушка беззвучно рассмеялась.

— Ладно, егоза, спать давай, утро вечера мудренее.

Маша побежала умываться, по дороге заглянула в большую комнату, где стояла нарядная ель.

«Надо, как Марьюшка, под ёлкой заснуть, и тогда всё сбудется».

Ночью, когда бабушка ушла к себе, девочка подхватила подушку, плед и пошла в большую комнату. Там легла под ёлку и, глядя на мерцающую разноцветными огнями гирлянду, заснула.

В эту ночь все окна в избушке покрылись ледяными рисунками. Девочка, затаив дыхание, смотрела, как плетутся белоснежные узоры на стекле. И всю ночь сударыня-кружевница делилась мастерством, а утром, лишь позднее зимнее солнце озарило комнату, Маша проснулась в своей кровати.

«Неужто всё приснилось?» – испугалась она и босиком бросилась к ёлке. Там, под разлапистыми ветвями, стоял, искрился деревянный ларчик, украшенный кружевом, а в нём лежали самые настоящие, волшебные белые палочки-коклюшки.

Алиса Горислав

«CONFLICT OF INTEREST DISCLOSURES»

Свою работу Элиза нежно любила.

Мир цифр увлекал её с раннего возраста; она могла часами складывать-вычитать любые числа, попадавшие на прогулке в поле зрения: хоть рекламные телефоны, больше-красно выписанные на гигантских баннерах, хоть робкие обозначения улиц, хоть стремительно удаляющиеся номера гонщиков, с трудом пробивающиеся сквозь слой грязи. В такие моменты родители обычно терпеливо вздыхали и вновь оборачивались с Энтони: шумному, неугомонному, нормальному ребёнку, который лазает по деревьям в поисках птичьих гнёзд, исследует лужи, воображая себя пиратом огромного галеона, и гоняет ленивых рыжих котов, степенно забрédших на участок в поисках какой-нибудь еды.

Иными словами, два категорически разных и, казалось бы, несовместимых мира, но, как ни странно, Элиза и Энтони удивительно ладили. Никогда не дрались, никогда не спорили криком, никогда не создавали проблем друг другу, разве что родителям, не раз вздыхавшим, за что же им такая головная боль и такая напасть.

Взрослея, они становились всё различной меж собой.

Энтони построил карьеру в высоких технологиях, в юношестве попробовав нарушить запреты и не остановившись на том; безопасность компьютерных систем — именно так звалась наиболее любимая им книга, какую он зачитал до мятных страниц и сломанного корешка. Идеальное прошлое с вымаранными

давно проступками дало ему идеальное настоящее; и одна только фамилия открывала перед ним многие и многие двери.

Элиза же любила цифры, сторонилась людей, часто уходила в себя и не нарушала правила. Приткий энтузиазм Энтони не отравлял её некоторой неестественной меланхоличности и не тревожил неизменного хладнокровия; как бы ни силился близнец убедить её в том, что прокрасться ночью в школу и выкрасть завтрашние контрольные — это, вне всяких сомнений, отменная идея, Элиза не попадалась на эти уловки. Как обычно говорят, «носила свою голову на плечах». Довольно странно, если бы можно было носить чужие.

Только один раз Элиза поддалась на уговоры Энтони — и не пожалела.

StolzPharm как раз искали специалиста по статистической обработке данных клинических исследований, преимущественно с уклоном в метаанализ и анализ результатов четвёртых фаз. Предлагали хорошую зарплату, но не то чтобы с родительским обеспечением Элиза в первую очередь гналась за деньгами; куда как сильнее её интересовала возможность заниматься любимым делом, так ещё и родной человек, с которым без опаски можно войти в кафетерий и пообедать, совсем рядом. Предлагали ещё много что: и страховку, и комфортный офис, и курсы повышения квалификации, но всё меркло в сравнении с грядущими задачами.

По итогам собеседования Элиза понравилась эйчару; не сказать, чтобы взаимно: Элизе редко кто-то нравился из посторонних, но она не распространялась о том, как и просила мама. Не надо говорить людям о том, что они тебе не нравятся, Элиза: люди не любят слушать негатив в свою сторону и ожидают, что ты будешь относиться к ним хорошо.

Руку руководителю группы Элиза так и не пожалала, но после четвёртого собеседования, наконец, получила долгожданный

и более чем ожидаемый оффер. Больше Элизы мог обрадоваться разве что Энтони: он даже купил сестре её любимое фисташковое мороженое с миндальной крошкой, и они проверили вечер, обсуждая первый рабочий день.

И поначалу всё правда шло хорошо.

StolzPharm занимались многими лекарственными препаратами, однако Элиза вошла в подразделение, специализированное именно на разработке таргетных препаратов. Вряд ли Элиза знала больше обученного фармаколога, однако в университете, который неторопливо окончила за шесть лет вдумчивого и многообразного обучения, кое-что знала про них. Будущее противоопухолевой терапии – именно так и называли; то, что поможет однажды победить рак; наиболее вдохновляющая группа препаратов, заставляющая поверить, что совсем немного усилий, и человечество непременно забудет про эту страшную напасть.

Она тоже в это верила, и ей нравилось, что одна молекула, пусть даже и крупная белковая, может выключить всего один сигнальный путь – и раковая клетка погибнет. Только потом она задумалась о некоторых генетических, биохимических и физиологических процессах; например, о том, что раковая опухоль крайне гетерогенна, а потому подобные точечные убийства не могут поражать всю опухоль, а также в перспективе способствуют тому, что выживать будут наиболее агрессивные клетки внутри популяции. Впрочем, никто не отменял недостатков таргетной терапии, и работой Элизы не было разрабатывать препараты – этим занимались умные коллеги из подразделения медицинской химии, предлагавшие утончённые молекулярные дизайны и испытывавшие новые подходы к моделированию.

Элиза здесь только перебирала цифры и представляла сухие числовые данные, которые преобразовывал в важные вы-

воды её начальник. Какое-то время Элиза пыталась спорить, говоря, что наука не так должна работать; и что в идеале нужно только представлять общественности обработанные данные, но начальник только отмахивался, мол, большинство людей не поймёт, что это за *p-value* такое загадочное, и как его расшифровать, чтобы понять, о чём речь-то. Затем она примолкла — и делилась переживаниями только с братом, который, растерявшись, сказал, что, должно быть, мистер Моран хорошо знает свою работу, иначе не продержался бы в руководительском кресле столько.

Пришлось смириться и не замечать странностей. Некоторые не самые утешительные выводы мистер Моран деликатно называл «обладающими скрытым потенциалом» и «требующими больших исследований», но, наверное, ему и правда лучше знать?

Всё больше странностей Элиза заметила тогда, когда ей на глаза совершенно случайно попала та самая научная статья. Чтобы разобраться в своих данных, она читала много новинок из мира фармакологии, особенно высокорейтинговых; и одна такая статья, опубликованная в журнале *Cancers*, никак не выходила из головы. Казалось бы, что такого в фундаментальном обзоре двухлетней давности использования современных таргетных препаратов в терапии метастатических раков? Но взгляд зацепился, и Элиза продолжила чтение.

Ни слова о том, что в 2011 году, спустя два с половиной года после ускоренной регистрации для терапии метастатического рака груди, весьма активно упоминающийся беразимаб был срочно отозван ввиду того, что, как оказалось, несколько не продлевает общую выживаемость и не замедляет прогрессирование заболевания в достаточной степени, чтобы перевесить риск пациентов. Более того, у него обнаружилась

(даже с поправкой на класс) неприемлемо высокая кардиотоксичность, что поставило крест на применении беразимаба... но только в лечении метастазирующего рака груди, в то время как для всех остальных типов рака препарат не получил «красной карточки».

Только больше вопросов Элиза задала, когда, наконец, дошла до заветного раздела «Conflict of interest disclosures»: один из авторов признался, что получил загадочные «личные гранты вне проделанной работы» в том числе от StolzPharm, производителя и патентодержателя беразимаба, слишком уж лестно (для нелестных статистических данных Элизы) описанного в статье. Не только, в общем-то, от StolzPharm, но и от пары чуть менее крупных, но оттого ничуть не менее известных фармацевтических гигантов.

Элиза написала обоим авторам довольно большие письма с вопросами, но ответа так и не получила – ни спустя неделю, ни спустя месяц, ни спустя десяток вежливых напоминаний о себе. Она даже порывалась сходить к авторам на работу: благо, интернет позволил выяснить, что это за люди, однако Энтони, как только Элиза рассказала ему о своей идее, почему-то отказался.

– Послушай, – произнёс он тогда крайне серьёзно. – Ты увидишь ещё множество... малопонятных моментов, но постарайся сказать о них сначала мне, договорились? Не спрашивай так прямо у мистера Морана: он человек нервный и уже не самый молодой, сама понимаешь.

Но Элиза не понимала. Впрочем, своего Энтони добился: теперь Элиза обращалась напрямую к близнецу и докладывала ему обо всех мелких находках, которые, к сожалению, пока не позволяли обвинить StolzPharm в чём-то достаточно серьёзном. Подумываешь, раздают гранты практикующим онкологам. Ничего подозрительного.

Следующее разочарование наступило после всей этой маловразумительной истории с уникамабом: StolzPharm, кажется, никогда не получал настолько много исков; даже Элиза, обыкновенно игнорирующая происходящее вокруг и всецело сосредоточенная на цифрах, знала некоторые аспекты. Жаловались на то, что, дескать, цену на препарат взвинтили совершенно неоправданно; что якобы он продлевает жизнь только на десять дней, а стоит как несколько новых машин приемлемой марки. StolzPharm держали лицо – и не выплачивали компенсаций совершенно, отыскав поводы оправдаться по всем пунктам. Да и разве есть что-то, что не могут решить репутация, деньги и связи?

Если бы не один вечер, Элиза, пожалуй, не стала бы действовать всерьёз.

– Элиза, тут архивы по уникамабу отсканировали с нулевого по пятый года, – говорит ей мистер Моран. – Я бы хотел, чтобы ты сделала метаанализ.

– Какой дедлайн? – только и спрашивает она.

– Это твоя задача на ближайшие два месяца, – он кивает сухо. – Прочие документы я вышлю тебе к концу рабочего дня, завтра же переставляешь приоритеты на неё.

Вместо толстенных и совершенно не подъёмных архивных папок Элиза получает несколько гигабайт отсканированного материала; ей придётся хорошо поработать, чтобы найти что-то и выложить в открытый доступ эти сведения первой, но Элиза – старательная работница. Что-то, а кропотливо и монотонно работать она умеет.

Если бунтовать, то с доказательствами.

И теперь всё необходимое – в её руках.

Арина Абламейко

«ВРЕМЯ ДОЖДЯ»

«Если бы время подчинялось понятной нам логике, я бы умер от старости, и в то же время – задолго до своего рождения...

Жизнь за жизнью проживая в Питере, я чувствую, как наши с ним лики сплелись воедино: двое из будущего, обречённых стареть под маской вечной молодости.

Простите, сегодня я крайне угрюмый собеседник. Дождь, поглотивший сугробы и заливший каток по всей Северной столице, вызывал у меня приступ старческого недовольства.

Не так я хотел начать свой отчёт. Если быть честным, я вообще начинать его не собирался. Но мне нужен собеседник, а вам – информация о двух сотнях лет прошлого. Думаю, исповедь в виде дневниковых записок вас устроит. Всё же лучше, чем ничего.

Итак, тринадцатое декабря года две тысячи двадцать первого. С момента начала миссии прошло более ста тридцати лет...».

У писавшего дрогнула рука. Ещё семьдесят лет до возвращения домой – прорыва в науке, путешествий во времени и эксиполярного мира, космических плантаций и нейрохирургической психиатрии. Ещё семьдесят лет до того, как Эле исполнится тридцать, и они, наконец-то, встретятся. Ещё семьдесят лет до того, как он начнёт стареть.

Серафим тряхнул головой и засмеялся, вспомнив слова невесты перед расставанием:

– Будь добр, не скучай по мне. Я умею разочаровывать и без экстремально завышенных ожиданий.

Она была права – унывать, да ещё и так заранее, не стоило. Лучше пойти прогуляться (прокатиться) по зимнему Санкт-Петербургу. Серафим глазами начал искать шарф. Его взгляд остановился на входной двери. На пороге стояла, промокшая до нитки, девушка невиданной красоты. Густые чёрные волосы растрепались, намокли и прятали ярко-голубые глаза, которые уже более ста лет покоряли чуть ли не каждого, в них заглянувшего. Серафим тотчас поднялся и, пробубнив что-то про свою невероятную удачу, направился вглубь квартиры-мастерской. Он вернулся буквально через пару минут с пледом в руках. Вымокшая красавица уже сидела на стуле и пыталась стянуть с себя прилипшую к телу куртку. Серафим кинул плед ей на ноги и сам принялся за куртку.

– Скажи что-нибудь приятное.

– Лёд растаял.

– Ты словно первый год в Питере живёшь! За ночь намёрзнет вновь.

– Ты был прав: эта куртка никуда не годится.

– Уже теплее.

– Они встретились.

Серафим замер на мгновение, улыбнулся своим мыслям и пошёл к двери. Выбросив промокшую одежду за порог, он, как ни в чём не бывало, повернулся к красавице лицом:

– Не хватало ещё разводиться сырость в доме. Иди, прими горячий душ и переоденься, пока я заварю чай.

Серафим Надеев и Ефросинья Покровская – ведущие специалисты в сфере исторических преобразований – науке, которая в 2115 году насчитывала всего пару лет и считалась исключительно теоретической. Машина времени была изо-

бретена 20 лет назад и использовалась как источник нескончаемых денег: люди готовы были выложить огромные суммы, чтобы очутиться в предыдущих веках, провести сеанс с психотерапевтом на примере ошибок прошлого, увидеть любимого человека живым ещё разочек.

Менять что-то в прошлом откровенно боялись: эффект бабочки, смещение полей, дискордантность струн и прочее и прочее. Группа теоретиков-энтузиастов, в которую входили социологи (таковым был Серафим), историки, математики (к ним относилась Ефросинья) представляла десятки вариантов по использованию машины времени в целях изменения прошлого, но приходили физики и пресекали проекты на корню. Вступать в ряды преобразователей они не желали – считали тех шарлатанами и еретиками. Но упорство и умение толкать вдохновенные речи перед не очень-то разбирающейся публикой, которым обладал Серафим, сдвинуло дело с мёртвой точки: решено было отправить исследовательскую экспедицию в прошлое. Так как шанс, вероятно, был первый и последний, условились на двухсотлетнее путешествие. Двоих добровольцев забросят на двести лет назад, откуда они уже самостоятельно вернутся в точку, из которой попали в прошлое.

Время и вправду играло в странные игры с теми, кто пытался им управлять. Те, кто оказывался в прошлом, не старели. Это, определённо, шло Серафиму и Ефросинье на руку. Чего они не знали, так это того, что изменить прошлое – непростая задача. Оно извивалось и ускользало из рук, поступая согласно заданной программе. Для простейших вещей, как, например, изменения времени прибытия автобуса, который стоил кому-то жизни, необходимы были недели расчётов от Ефросиньи и весь талант Серафима в сфере социальных коммуникаций. Изменить такие глобальные вещи, как голод и во-

йну они вдвоём точно не могли. Вернуться раньше времени не было возможности.

Так они и жили, тренируя способность менять время и тоску по дому, где каждого кто-то ждал. Его – Эля, её – Мурзик.

– Как думаешь, я сильно изменюсь к нашей встрече?

– Ни капельку не постареешь, останешься таким же противным снобом и любителем драматизировать – готова поспорить на любимую миску Мурзы.

– Но... Мы тут с тобой, по факту, целую жизнь прожили. Другую жизнь...

– И что с того? Не по запаху же она тебя отличает от остальных мужчин. И потом, вы же буквально за полгода до начала экспедиции встретились. Она тебя почти не знает. У тебя будущего все шансы тебя прошлого её покорить.

Такой разговор происходил между ними чуть ли не каждый день. Элеонора – рыжеволосое зеленоглазое чудо – спустило Серафима с небес на землю и чуть не заставило остаться в настоящем. Рядом с ней было уютно и спокойно, и ничего не хотелось менять – хотелось лишь жить.

Сегодня, смотря на промокшую до костей Ефросинью, заглядываясь на её чёрные как смоль волосы, любуясь яркими синими глазами, думая о том, что сегодня, если им повезло, они изменили будущее к лучшему, познакомив двух важнейших учёных XXII века, он наконец-то отважился задать давно мучивший вопрос:

– Почему ты одна?

Ефросинья поджала губы и горько хмыкнула:

– Это сложно объяснить.

– Мы никуда не торопимся: семьдесят лет впереди!

Тяжело вздохнув, математик посильнее укуталась в плед, которым дал ей старый товарищ, и попыталась сформулировать мысли. Через несколько немых минут она удивлённо усмехнулась:

— А знаешь, понятия не имею! Я то искала кого-то невероятно-го, то разочаровывалась в мужчинах, то ждала, что Судьба преподнесёт мне подарок, то верила, что не создана для любви. Короче говоря, мне не было смысла искать кого-то, потому что я и не жила, по сути... Не в настоящем. То с головой уходила в прошлое, то витала в мечтах о будущем... Я думала, что сначала жизнь, с моей помощью, станет лучше, и вот тогда... А теперь мы застряли здесь, не способные реально изменить ток времени, не имеющие возможности вернуться. Переживающие те же горести и печали, что и прежде. Но знаешь что? — впервые за свой монолог Ефросинья подняла на слушателя глаза: — С тобой проходить всё это — намного проще. Я правда чувствую, что наконец-то живу.

Серафим мягко улыбнулся и протянул девушке кулак с выставленным мизинцем. Старая традиция, означавшая примирение у детей прошлого, неизвестно отчего страшно веселила Ефросинью. И в этот раз она засмеялась и ухватила за мизинец друга своим.

— Что-то не помню, чтобы мы ссорились.

— Как доктор социологии утверждаю: хорошее перемирие никогда не помешает!

Ефросинья засмеялась ещё сильнее:

— А ты так и не отвык прикрывать любую глупость своей степенью.

— Ну я же не мешаю тебе всё привязывать к математическим расчётам!

То был хороший вечер. Серафим надеялся, что ближайшие семьдесят лет не изменят ситуацию в худшую сторону.

Санкт-Петербург словно не умел меняться. Он то проливал слёзы непрошеными дождями, то укутывал внезапным уютом

из снега и тумана. Двадцатого декабря было сухо и солнечно, повсюду лежали сугробы, и народ повалил на улицы города насладиться зимой. Среди гуляющих был высокий сероглазый мужчина с мягким, располагающим лицом, и невероятной красоты женщина. Вот только парочка не просто прогуливалась — они наблюдали за плодами двухлетних трудов: парнем и девушкой, что увлечённо обсуждали химию, физику, астрономию...

— Как думаешь, их дружба изменит что-то к лучшему?

Серафим пожал плечами:

— Понятия не имею. Что говорят цифры?

— Пятьдесят на пятьдесят. Есть расчёты, в которых их союз может быть даже губительным для научного прыжка, — помолчав немного, Ефросинья добавила: — В любом случае, я нами горжусь.

Серафим вопросительно взглянул на подругу:

— Мы двух людей спасли от одиночества.

— Говоришь как социолог.

— Всё твоё негативное влияние.

Оба рассмеялись.

— А знаешь что? Пошли отсюда. Купим пиццу, устроим марафон Пуаро... Ладно, соглашусь, моё влияние не настолько разрушительно.

Парочка продолжала вести полушутливый диалог, который многим мог бы показаться немного странным, даже повернув в сторону квартиры.

Солнце зашло за тучи, с питерского неба в очередной раз начал накрапывать дождь, и почти все разбежались под навесы или попрятались в парадные. Но двое из будущего не спешили. За 130 лет они научились любить дождь — символ непобедимого постоянства.

Владимир Марышев

«НЕДОСТАЮЩАЯ ПОЛОВИНКА»

В один далеко не прекрасный день я наконец собрался с духом и убедил себя, что проблему нужно решать здесь и сейчас. Нам со Славиком больше не было места в одних стенах. Или сумею от него отделаться, или придётся уходить самому. Третьего не дано.

Что ж, всё к тому и шло. Хотя, если честно, изначально он не вызывал у меня особой антипатии. Долгое время я просто не обращал на него внимания.

Мы учились вместе с пятого класса. Если бы меня попросили описать Славика Тимофеева одним словом, я ответил бы: «Никакой». Вялый, застенчивый, слегка сутулый, с мягкими чертами лица и жидкими светлыми волосами, он существовал словно отдельно от остальных. Не потому, конечно, что считал себя особенным. Просто его не больно-то замечали, а сам он ни к кому не мог подобрать ключик.

Ко мне Славик начал присматриваться сразу, а потом робко попытался завязать дружбу. Подходил и мямлил что-нибудь на разные темы – видимо, хотел выявить мои интересы, чтобы знать, как дальше строить общение. Я его не гнал, не отталкивал, но и раскрываться не собирался. Отвечал коротко и обтекаемо. Если ты не совсем дурак, то должен понять: тебя не хотят пускать в свою жизнь. И он в конце концов понял...

Мы с ним продолжали ходить в один класс до последнего звонка. Но, хотя Славик всё время был рядом, я воспринимал

его скорее как предмет мебели. Перекинуться словом доводилось редко, а чтобы завести беседу — такого и не припомню.

Жили мы в разных районах города, поэтому нам вряд ли было суждено увидеться после выпускного. Встретив Славика как-то на улице, я счёл это случайностью. Повстречав повторно, удивился, а после третьего раза заподозрил, что бывший одноклассник меня преследует.

Спросил его об этом в лоб, но Славик посмотрел на меня невинными глазами и заверил, что наше randevу — всего лишь вывих теории вероятностей. Я сделал вид, что поверил, однако дальше вывихи пошли стайкой.

Мы пересекались с ним в парках, скверах, торговых центрах, музеях, и это напрягало меня всё сильнее. Одно дело, когда тебе не даёт прохода симпатичная девчонка — от такого «хвоста» я бы не отказался. А тут...

Окончательно добил меня Славик тем, что устроился в ту самую фирму, где я корпел сотрудником низового звена. Подобранных контор в городе было достаточно, поэтому в совпадение мог поверить только очень наивный человек.

Я вытерпел две недели. Пытался приободрить себя тем, что в школе не замечал Славика годами, но теперь этот довод не работал. С каждым днём белобрысый тихоня бесил меня всё сильнее, и однажды стало предельно ясно: ещё немного — и взорвусь...

Итак, я подловил его в коридоре и кивнул на выход:

— Пойдём-ка подышим свежим воздухом. Поговорить надо.

Он удивлённо посмотрел на меня, но ничего не сказал и послушно двинулся следом.

Как только мы вышли на улицу, я крепко взял Славика за пуговицу. Он попытался высвободить её, но у него ничего не получилось.

– Слушай, – начал я тоном, от которого собеседник должен был превратиться в ледышку. – Мне это порядком надоело. Всякому терпению приходит конец, не находишь?

Он молчал и только хлопал ресницами.

– Ты понимаешь, о чём я?

– Нет...

– Да ну? – Я изобразил улыбку, она тоже была ледяной. – У тебя что, мания? Собираешься всю жизнь меня преследовать? Так вот, говорю открытым текстом: я сыт по горло!

– Всё не так просто, – тихо сказал Славик. – Поверь, это нужно тебе самому.

Я вздохнул и начал крутить пуговицу в пальцах.

– Слушай, дружище, мне от тебя ничего не нужно. Кроме одного. Прошу тебя по-человечески: исчезни, пожалуйста, из моей жизни!

Лицо Славика страдальчески сморщилось. Он был такой беспомощный, подавленный, что меня неожиданно пробило на жалость. Захотелось похлопать его по плечу и сказать: «Ладно, забудь, погорячился, ничего не было». Но такой роскоши я позволить себе не мог. Стоит всего раз в ответственный момент проявить слюнтяйство – и будешь потом костерить себя за это годами. Нет уж, рвать – так с корнем!

– Хорошо, – сказал он убитым голосом. – Если тебе так неприятно... Больше ты меня не увидишь.

– Никогда?

Он долго молчал, глядя куда-то под ноги. Наконец выдавил:

– Как получится...

– Ты уж постарайся, чтобы получилось, – сказал я и отпустил его пуговицу.

На следующий день Славик уволился из фирмы. Это была безусловная победа, но, как ни странно, большой радости я от неё не испытал. Слишком уж безропотно мне уступили поле битвы...

Однако избавиться от ощущения, что над твоей душой стоит соглядатай, было большим делом. Примерно неделю после нашего расставания я чувствовал себя так, будто с плеч свалился груз. Всего неделю. А потом со мной стало твориться непонятное.

Первым делом я внезапно наехал на шефа. При всех подвѣрг сомнению его новую стратегию, фактически обвинил в некомпетентности.

Шеф позеленел от злости, но попытался обратить всё в шутку. А чуть позже вызвал меня к себе и угрожающе заявил:

– Ещё одна подобная выходка – и вылетишь к чертям собачьим. Ты меня хорошо понял?

– Понял, чего же тут не понять, – гордо ответил я и вышел из кабинета.

Следующей жертвой стала моя девушка. До Насти было трудно докопаться, но у меня, похоже, к этому делу прорезался талант:

– Ну чего ты вырядилась в такие страхолюдные джинсы? Сплошная рванина, дыра на дыре!

– Не заводись, – спокойно ответила она. – Отлично знаешь, что это модно.

– Мода модой, но головой тоже нужно думать. Смотришься так, будто вылезла из подворотни.

– Да что это за муха тебя укусила? – встревожилась Настя. – Никогда таким не был.

– Всегда был! – рявкнул я. – Не виноват, что ты слепая!

– Ах, вот ты как заговорил? Тогда ищи себе зрячую, а с меня хватит! – крикнула Настя и выскочила из квартиры, хлопнув дверью.

Я не стал её удерживать, а на следующий день разругался вдрызг сначала с соседом, затем – с соседкой. И опять без мало-мальски серьёзного повода!

Во всех случаях я считал, что безусловно прав. Но все-таки заставил себя устроить «разбор полётов» – и впервые испытал настоящий страх. Похоже, во мне поселился демон разрушения. Поддашься ему – лишишься работы, близких людей, станешь изгоем. А потом... Думать об этом «потом» не хотелось – оно виделось намалёванным исключительно чёрной краской.

Надо было что-то делать с собой. Некоторое время мне удавалось сдерживаться, но чем становилось паршивее, тем отчаянней хотелось на ком-нибудь отыграться. Однажды, придя с работы, я понял, что дошёл до точки: кот вышел меня встречать, но вдруг попятился и юркнул под кресло. Серая скотинка явно чего-то опасалась. Точнее – кого-то.

Я не стал трогать кота. Вместо этого подошёл к зеркалу, глянул в него – и неожиданно испытал острое желание надавать самому себе по мордасам. Просто потому, что больше было некому.

«Чёрт», – пробормотал я. Для полного счастья мне не хватало только стать пациентом мозгоправа!

Я взял пульт, плюхнулся на диван и, чтобы расслабиться, принялся по очереди переключать телеканалы.

На одном из них спортивного вида парень отстреливался от доброго десятка преследователей со зверскими рожами, причём все они по очереди валялись, как снопы, а его даже

ни разу не оцарапало. На другом раскрасневшиеся дядьки и тётки истошно орали, махали руками, брызгали слюной, а главной задачей ведущего было не дать им вцепиться друг другу в волосы. На третьем два лощёных типа отпускали шутки, а чтобы зритель не усомнился, что это именно шутки, каждую сопровождали раскаты смонтированного смеха. На четвёртом...

На четвёртом, как ни странно, оказался вполне нормальный мужчина лет сорока в костюме, галстук и очках. Вылитый профессор! Он не вышибал из врагов мозги, не ругался и не отпускал тупые остроты, а спокойно, бархатистым голосом, вкладывал мне в голову знания по химии.

— А теперь, — говорил профессор, — обратимся к щелочному металлу, который показывает в лабораторных условиях наивысшую активность. Это цезий. Все мы знаем, как медленно идёт процесс окисления железа, превращающий его в ржавчину. С цезием всё совершенно иначе: он окисляется так бурно, что вспыхивает фиолетово-розовым пламенем. Ещё сильнее реакция с водой: если в неё бросить крупинку этого металла, произойдёт взрыв. Чтобы избежать неприятных последствий, приходится держать цезий в вакууме или атмосфере аргона. А причина столь удивительных свойств кроется...

«Достал! — подумал я, выключая телевизор. — Нужны мне твои щелочные металлы, тут в себе бы разобраться. А впрочем... Что, если мы с этим цезием два сапога пара?»

Я криво усмехнулся — мысль показалась мне дикой. Но отделаться от неё уже не мог. Цезий загорается без всякого повода, от простого взаимодействия с окружающей средой, даже спичку подносить не надо. Так ведь и я точно так же! Вспыхиваю ни с того ни с сего, разжигаю конфликты на пустом месте. Может, меня тоже надо поместить в атмосферу аргона?

Кот высунулся из-под кресла, уставился на меня янтарными глазищами и неуверенно мяукнул. Я сгрёб его за шкуру, посадил себе на колени и стал размышлять.

В младших классах меня никто не назвал бы пай-мальчиком. «Только по бедам ходишь!» – причитала мать, и с ней трудно было не согласиться. Я постоянно всех задираю, даже тех, кто старше, без нужды ввязывался в чужие ссоры и разборки. Результат понятен: кое-кому, конечно, удавалось навалить, но гораздо чаще наваливали мне. Однако я не отступался, а полученные синяки и ссадины носил с гордостью, как боевые награды.

Другой моей забавой было ловить учителей на неточностях и изводить их поправками. Дело в том, что я рос головастым малым и знал кое-что за пределами школьной программы. Можно представить, какие обжигающе горячие чувства питал ко мне педагогический коллектив!

А потом всё переменялось. Видимо, я взялся за ум и начал притираться к обществу, пока не исправился окончательно. Этаким винтик социума – не идеальный, но вполне благонадёжный.

И вот тебе на – сейчас, спустя столько лет, у меня вновь сорвало резьбу! В самый неподходящий момент – когда я, может быть, выстраиваю вектор на значительную часть жизни. И в профессиональном плане, и в личном, и во всех остальных...

Чем вызван этот рецидив? Что во мне, давно избавившемся от детских бзиков, могло измениться, да ещё так стремительно?

Я думал, думал и думал, мучительно перебирая варианты. Казалось, мозги вот-вот задымятся, и тут в голову с щелчком вошла догадка. А у догадки имелось имя – Славик.

Это казалось невероятным, но я всегда преклонялся перед фактами. А факты были упрямы.

Славик начал учиться в нашей школе с пятого класса. Именно тогда моё поведение резко изменилось в лучшую сторону – какое-то время я сам себя не узнавал. Оставшиеся годы мы проучились вместе. Потом расстались, но он то и дело оказывался рядом. А когда я наконец его прогнал, ко мне очень скоро вернулась прежняя дурь. Словно кто-то её всё это время держал под жёстким прессингом, а потом прекратил давление и отошёл в сторону.

Моё сознание раздвоилось.

«Полный бред! – безапелляционно заявила первая половинка. – Признай, что ты просто обчитался фантастикой. Ну как Славик мог это сделать? Он что – волшебник? Или пришелец с Альфы Центавра?»

«Может, и пришелец, – ответила вторая половинка. – Но это маловероятно. Скорее всего – такой же хомо сапиенс, как и ты, только с очень необычными способностями».

«Как это?»

«А что мы знаем о самих себе, своих возможностях? Галактики разглядываем, квазары пересчитываем, а в собственном мозге до сих пор не разобрались. Думаешь, гении бывают только писателями, художниками, шахматистами?»

«Да пусть он трижды гений, я-то ему зачем? – не унималась первая половинка. – Какой от меня прок?»

«Не знаю, – честно призналась вторая. – Но предположить могу. Что, если мы со Славиком антиподы, но в то же время неразделимы, как Инь и Ян?»

«Чего?»

«Ну вот представь. Скажем, я – огонь, и меня, чтобы не сжёл всё вокруг, время от времени надо заливать. А Славик – пе-

реполненный сосуд, из которого приходится регулярно отливать воду. Вот только потратить её можно единственным образом – на тушение огня. Теперь понимаешь? Поодиночке и мне, и ему было тяжело. Но потом нас как-то притянуло друг у другу, и каждый обрёл недостающую половинку. Только я до сих пор ни о чём не догадывался, а Славик давно всё понял. Потому и ходил за мной».

«Понял, говоришь? Так что же он, дубина этакая, мне ни разу ничего не сказал?!»

«Такой человек...»

Первая половинка охнула, и сразу вслед за этим моё сознание вновь слилось воедино.

Я сидел как оплётанный. Всё сходилось. Вот кто годами усмирал рвущегося из меня демона! Наверно, одной нашей встречи хватало, чтобы сковать его на неделю. А я так ни разу ничего и не почувствовал, не уловил связавшую нас невидимую нить. Проглядел, обидел, оттолкнул!

Вновь захотелось надавать себе по морде – теперь уже не от дури, а за дело. Немедленно найти Славика! Но как? У меня не было даже его телефона...

Спихнув кота на диван, я включил комп и начал шарить по соцсетям. Нашёл целую россыпь Вячеславов Тимофеевых, но это все были не те.

От отчаяния хотелось завывать. Я нервно ходил из угла в угол, пока в голове не прорезалась мелодия телефонного звонка. Машинально взял мобильник, машинально поднёс к уху...

– Привет, – раздался тихий, словно доносящийся из другой вселенной, голос Славика. – Ну, как ты?...

Геннадий Авласенко

«БЕРЁЗКА»

Осень была поздняя, очень поздняя.

И был лес, которому надоело ждать зимы.

И был человек, который шёл куда-то по осеннему этому лесу.

Куда он шёл? Зачем?

Наверное, человек и сам не знал этого. Он просто шёл. Шёл напрямик, не выбирая даже дороги... шёл, а почерневшая опавшая листва тихо шелестела у него под ногами и словно шептала ему что-то – потаённое, своё...

Но человек не обращал никакого внимания на старческое её шелестение. Он просто шёл, а мысли его блуждали где-то далеко отсюда... они, вообще, не имели никакого отношения ни к этому лесу, ни к холодной поздней этой осени, и уж, тем более, никакого отношения не имели эти мысли к чёрной промокшей листве, по-старчески шелестящей у него под ногами...

Человек просто шёл сквозь лес...

И вдруг на маленькой лесной полянке он увидел берёзку. Берёзка стояла как раз посреди полянки, она была красивая и печальная. И ещё... беззащитная, такая беззащитная, что у человека как-то странно и тревожно защемило на сердце.

Человек подошёл к берёзке, остановился подле неё и некоторое время молча рассматривал растрёпанные жёлтые кудри, мокрые от ненастья.

– Здравствуй, берёзка! – проговорил, наконец, человек.

– Здравствуй! – отозвалась берёзка.

И человек почему-то совершенно не удивился этому. Он лишь вздохнул и осторожно провёл озябшими пальцами по белой прозрачной коре.

– Тебе не холодно? – спросил человек.

– Мне не бывает холодно, – ответила берёзка. – Мне бывает грустно.

– Мне тоже бывает грустно, – сказал человек. – Вот и сейчас мне грустно, сам не знаю почему.

– Тебе и в самом деле сейчас грустно, – сказала берёзка. – Я это ощущаю. Но твоя грусть пройдёт и уже скоро...

И они замолчали... а сверху вновь набежала очередная осенняя тучка, и вновь принялся сыпать сверху мелкий и надоедливый осенний дождик. И человек невольно поправил воротник куртки и тоскливо, без всякой надежды посмотрел на низкое свинцовое небо над головой.

– Я приду завтра! – сказал он. – Я обязательно приду завтра!

– Буду ждать, – ответила берёзка. – Даже если ты не придёшь завтра, я всё равно буду ждать!

– Я приду! – сказал человек и ушёл.

А ночью ему снился сон. Станный, удивительный сон, так не похожий на все прежние его сны...

Во сне человек вновь был маленьким и бежал куда-то по огромному цветущему лугу, бежал босиком, напрямик, без дорог и тропинок. Он бежал по удивительно росной и удивительно мягкой траве, бежал, а вокруг звонко стрекотали кузнечики и весело разлетались в разные стороны яркие разноцветные бабочки. И, казалось, даже воздух вокруг был до самых краёв наполнен терпкими ароматами лета, счастья и детства. Человек бежал босиком, а там, куда он бежал, было

что-то, волшебное что-то... и человеку так нужно было, так необходимо было добежать...

Но он проснулся раньше, чем добежал. И, не раскрывая глаз, долго и неподвижно лежал в кровати, слушая, как мелко и непрерывно барабаняют в оконные стёкла прозрачные капли дождя. Не хотелось вставать, не хотелось никого видеть... жить человеку тоже не особенно хотелось...

И тут он вспомнил берёзку.

И представил вдруг, как холодно и грустно ей там одной, посреди пустого мокрого утра. Представив всё это, человек сразу же встал и принялся торопливо одеваться.

В лесу всё было по-прежнему. И по-прежнему шептала-шелестела под ногами человека промокшая чёрная листва... и берёзка тоже стояла на прежнем своём месте. Капли дождя непрерывной чередой сбегали вниз по её белоснежному стволу... и человеку вдруг показалось, что берёзка плачет.

— Здравствуй, берёзка! — произнёс человек тихо, еле слышно. — Я пришёл!

— Ты пришёл, — тоже еле слышно прошелестела в ответ берёзка. — Я думала, что никогда больше не увижу тебя...

— Ты ошиблась, берёзка! — сказал человек. — Я здесь! Я пришёл, как и обещал!

— Ты пришёл! — повторила берёзка. — Пришёл, как обещал...

И человеку вдруг показалось, что берёзка вздохнула.

И тут он вспомнил свой сон.

— Я видел сон, — сказал человек. — Сегодня ночью. Знаешь, мне никогда не снились такие сны. Я словно воротился в детство, снова был маленьким. Я бежал босиком по траве. Только вот куда я бежал? Не помню...

И человек замолчал, понимая, что не в силах рассказать свой сон, что у него просто не хватает для этого слов...

— Я был маленьким... — повторил человек. — Я куда-то бежал...

— Я тоже была маленькой! — прошептала берёзка. — Я тоже любила бегать босиком по траве. И ещё по лужам. Я так любила бегать босиком по лужам после дождя!

— И у тебя были рыжие волосы? — спросил человек. — Такие же красивые, как сейчас?

— Я не помню! — снова прошептала берёзка. — Это было так давно, что я почти ничего не помню! Я помню только, как любила бегать по лужам после дождя. А потом...

— Что потом? — спросил человек.

— Потом случилось что-то страшное! Я не помню что, но это было так страшно! Я всё-всё позабыла, но я не вру! Это было... ты должен мне верить!

— Я верю тебе, берёзка! — сказал человек. — Я верю каждому твоему слову!

— Эти долгие ночи, когда нельзя уснуть... — шептала берёзка. — Эти долгие зимы, когда нельзя проснуться. Эта неподвижность, бесконечная, безнадежная неподвижность. Но теперь всё уже позади! Спасибо тебе за это!

— За что, берёзка? — даже удивился человек. — Что такого особенного я сделал?

— Ты подошёл ко мне вчера... ты пришёл и сегодня! Этого достаточно. Жалко только, что я...

И берёзка замолчала недоговорив.

— Почему ты замолчала, берёзка? — спросил человек. — О чём ты жалеешь?

— Я забуду всё это! — снова прошептала берёзка. — Эти долгие ночи, когда нельзя уснуть... и эти долгие зимы, когда нельзя проснуться... И эту бесконечную неподвижность я тоже

её позабуду... но я позабуду и тебя! И мы больше никогда не встретимся! Никогда, понимаешь!

— Мы встретимся, берёзка! — сказал человек. — Я приду завтра, если ты этого, конечно, хочешь? Ты ведь хочешь, чтобы я пришёл к тебе завтра, берёзка?

— Я этого очень хочу! — прошептала берёзка. — Больше всего на свете я хочу этого! Но ты не придёшь ко мне завтра!

— Не приду? — переспросил человек. — Почему

— Потому, что это будет уже другое завтра...

А ночью человеку вновь приснился сон.

И вновь бежал он куда-то по бесконечному лугу, вот только луг этот уже не был зелёным и цветущим. Да и сам человек не был уже тем маленьким мальчиком, что бежал во вчерашнем сне босиком, без дорог и тропинок, по росистой и мягкой луговой траве.

Человек был взрослым... он вырос за одну только ночь...

Но то «что-то», удивительное и желанное «что-то», оно по-прежнему ожидало его там, впереди! И человеку так нужно было, так необходимо было попасть туда... попасть как можно скорее. Потому что ещё существовала... опасность. Невидимая, неосязаемая, но, тем не менее, реальная, до боли, до ужаса реальная опасность. И приближалась она куда быстрее, чем мог бежать человек...

А потом он увидел девушку. Незнакомую и, одновременно, такую знакомую. Высокую, стройную, с густыми, золотисто-рыжими волосами. Девушка бежала ему навстречу, бежала босиком, напрямик, без дорог и тропинок, бежала и смеялась... и их пути вот-вот должны были пересечься, но...

...но та опасность, незримая и невидимая опасность, она была куда ближе! И человек вдруг понял, что он просто не успевает, что всё кончено... и сейчас произойдёт что-то

страшное, непоправимо ужасное что-то должно произойти сейчас... и человек...

...и человек в отчаянии зажмурился, лишь бы только не видеть, как всё оно будет происходить, но это не помогло! И зажмурившись, человек продолжал видеть сон...

А потом он всё же смог проснуться по-настоящему и открыл глаза... и долго не мог понять, где он находится, и что с ним такое произошло...

Ярко светила с неба большая полная луна. И небо было на удивление ясным, и на удивление звёздным... и человек не сразу узнал маленькую лесную полянку...

— Берёзка! — прошептал человек, и ему никто не ответил.
Человек подошёл ближе.

Берёзки не было. Даже следа не осталось на том месте, где ещё вчера стояла, покачиваясь под ветром, маленькая рыжая берёзка...

А на земле...

...на земле что-то отсвечивалось, словно отражённое ярким лунным светом...

Человек наклонился.

Это были следы босых человеческих ног.

Следы начинались как-то сразу, внезапно и ниоткуда, потом они вели к небольшой лужице у самого края полянки, входили в неё и исчезали...

Геннадий Авласенко

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ СКАЗОЧНОЙ ФЕИ»

В реальной жизни для фей нет места, но вот в сказочных историях они время от времени встречаются. В том числе и лесные феи...

В одном сказочном лесу жили именно такие феи, и феи довольно необычные. Дело в том, что все сказочные феи делятся на добрых и злых, причём добрые всегда стараются помочь людям, попавшим в беду, злые же, наоборот, – всячески пытаются людям навредить и даже, если получится, вообще загубить их.

Феи сказочного леса, о котором пойдёт речь ниже, не были, ни добрыми, ни злыми. Вернее, они могли быть как добрыми, так и злыми... и эти два состояния лесных фей строго чередовались. Ведь ежели сегодня любая из таких фей была доброй и отзывчивой к чужим несчастьям, то уже на следующее утро она просыпалась, не просто злобной и мстительной, но и в высшей степени жестокой и безжалостной. А потом всё вновь повторялось...

И, что самое удивительное, феи этого леса не видели в постоянных своих изменениях ничего особенного. Просто так испокон веку повелось в волшебном лесу.

Но была среди лесных фей одна, которая в каждый из «добрых» своих дней очень страдала из-за необходимости уже на следующее утро вновь превращаться в злобную и мстительную фурию. О, как хотелось ей навсегда остаться доброй и отзывчивой, как же в наивных своих мечтаниях желала она,

чтобы такое однажды произошло... но ничего подобного, увы, так и не происходило. И, проснувшись на следующее утро, Фея, не просто со злобным презрительным хохотом припомнила вчерашние свои грёзы и мечтания, но и даже всячески потешалась над собой вчерашней. И такое повторялось раз за разом... и конца этому раздвоению даже не предвиделось...

И вот в один со своих «злых» дней Фея эта, пролетая над самой лесной чащей, вдруг заметила на одной из редких полянок что-то не совсем обычное. Заинтересовавшись этим, Фея сначала замедлила стремительный свой полёт, а потом, совершив над полянкой широкий полукруг, опустилась ниже.

И вот что она увидела?

На полянке под величественным столетним дубом лежал какой-то мужчина в роскошной одежде из парчи и шёлка. Правда, одежда эта была во многих местах порвана, а ещё на ней виднелись многочисленные кровавые пятна.

Рядом с мужчиной стоял, низко опустив голову, статный вороной жеребец в богатом золочёном убранстве. А неподалёку от них лежала, возвышаясь в густой траве, грузная туша огромного щетинистого вепря, который, как знала Фея, проживал в дремучих этих местах и уже загубил немало охотников, сначала заманивая их в самую лесную чащу, а потом внезапно нападая из засады. Впрочем, теперь грозный вепрь был мёртв, из толстой шеи его торчал обломок копья, рядом валялся окровавленный меч.

— Ха-ха-ха! — злобно захохотала Фея, зависая неподвижно над поляной. — Вот и ещё один никчёмный человечиска вздумал померяться силами с нашим славным вепрем! Жаль только, что человечиска этот ухитрилось каким-то невероятным образом лишить жизни моё любимое животное, и бедняга вепрь не сможет больше погубить хоть кого-либо из его пре-

зренных соплеменников! Но ещё больше меня огорчает тот факт, что человечиска этот, кажется, уже отдал концы, а значит, я не смогу получить, ни с чем не сравнимое наслаждение, наблюдая за его медленной и мучительной агонией! Хотя... возможно, он ещё жив, это ничтожество...

Фея опустилась ещё ниже и окинула презрительным взором человека, лежащего под дубом.

Человек этот, кажется, был жив... во всяком случае, он ещё дышал, резко и прерывисто. И был человек этот довольно молод и очень красив... впрочем, злобной Фее до его молодости и красоты не было совершенно никакого дела.

— Прикончить его, что ли? — пробормотала она и даже потянулась было к отравленному кинжалу на поясе, но в самый последний момент передумала и лишь мстительно расхохоталась. — Ну, нет! Такой милости, как быстрая смерть, этот человечиска явно недостоин! Пускай умирает долго и мучительно, жаль только, что...

Тут Фея замолчала и, подняв голову, с тревогой посмотрела на солнце, которое уже успела наполовину прятаться за густые кроны деревьев.

— Жаль... — задумчиво проговорила она и, вздохнув, добавила: — Как жаль, что наступает вечер и мне нужно срочно вернуться домой, так и не дождавшись его окончательной гибели! Одно только радует меня: этому человечиску никак не дотянуть до утра и моя глупенькая вторая половина, ежели и пожелает каким-то образом его спасти, обязательно опоздает со своим дурацким желанием! Тем более, что местные волки обязательно учуют лёгкую добычу и обязательно захотят полакомиться и этим горе-охотником и его такой аппетитной лошадьё!

И Фея торопливо полетела прочь, прилагая максимум усилий, чтобы всё же успеть залететь в свой уютный древесный домик ещё до того момента, когда солнце окончательно спрячется за горизонтом. Ибо по строгим правилам этого волшебного леса ни одной феи нельзя было находиться за пределами своего жилища после наступления сумерек, ибо тогда с ней могло произойти нечто ужасное. Что именно должно было произойти: этого не знала ни одна из лесных фей, но все они панически боялись ночной темноты. И до такой степени, что не просто запирали двери и оконные ставни своих древесных домиков на все возможные замки и запоры, но и зажигали на стенах самые яркие светильники. И лишь после этого спокойно укладывались в постели и засыпали.

Всё это проделала и наша Фея, а утром, проснувшись уже доброй, она вспомнила вдруг об умирающем юноше на полянке и о том, с какой ненавистью и злорадством потешалась она вчера над его предсмертными муками.

«А вдруг он ещё жив?! — внезапно подумала Фея, торопливо покидая своё жильё. — Что, ежели я смогу хоть чем-либо ему помочь?»

Тут надо отметить, что все феи этого леса хорошо разбирались в лекарственных свойствах произрастающих в нём растений: как тех, которыми можно вылечить даже самые тяжёлые и запущенные болезни, так и тех, которые сами по себе были смертельно опасными для всякого живого организма. Просто в разные периоды своего существования феи могли по-разному использовать обширные свои знания: как на пользу, так и во вред людям.

Но сейчас, спеша на маленькую лесную полянку, на которой под раскидистым вековым дубом лежал умирающий юноша, Фея разыскивала и прихватывала с собой лишь те из расте-

ний, при помощи которых можно было заживлять даже самые тяжёлые раны.

– Только бы он не умер! – шептала при этом Фея. – Только бы волки или медведи не учуяли его этой ночью! Только бы мне успеть!

И она успела! Как раз в тот самый момент, когда волки уже подступили к дубу со всех сторон, а гнедой жеребец, усталый и израненный, стоя над телом юноши, всё ещё пытался защитить своего хозяина...

– Прочь! – закричала Фея, взмахивая правой рукой (в левой руке были крепко зажаты собранные растения) и швыряя в волков жгучие огоньки-заклинания. – Пошли прочь, серые разбойники!

Испуганные волки тотчас же бросились врассыпную, а Фея, опустившись на землю возле юноши, низко над ним наклонилась.

И с радостью убедилась, что юноша, хоть и очень ослаб за предыдущую ночь, но всё ещё жив, а значит, можно попытаться его спасти.

И Фея сразу же принялась за лечение. А так как те травы и корешки, которые она успела собрать за время своего стремительного полёта, и в самом деле обладали исключительной исцеляющей силой, то где-то ближе к вечеру их лечебное действие, а также волшебное искусство самой Феи, начало приносить свои плоды. Страшные рваные раны на теле юноши, не просто зажили, но исчезли бесследно, прерывистое, почти незаметное дыхание его вновь сделалось ровным и глубоким, на белом, будто припорошенным мелом лице юноши заиграл здоровый румянец.

А потом юноша открыл глаза и, чуть приподняв голову, с некоторым даже недоумением осмотрелся по сторонам.

— Где я? — воскликнул он, вскакивая на ноги. — Что со мной такое произошло?

Тут он заметил неподалёку своего вороного жеребца, которому Фея при помощи своих целебных растений тоже помогла избавиться от многочисленных ран, нанесённых волчьими клыками. Увидев, что хозяин поднялся, жеребец радостно заржал.

— Ах, ты мой Воронок! — ласково прошептал юноша, подходя к жеребцу и нежно проводя ладонью по его крутой шее. — Ты не бросил меня, как все остальные! А вот и вепрь, которого я всё же успел прикончить, перед тем, как окончательно потерять сознание!

Тут юноша замолчал и принялся внимательно разглядывать свою изорванную окровавленную одежду.

— Кровь! — удивлённо шептал он. — И тут кровь! Столько крови, а на мне ни единой даже царапины... разве такое возможно? Тем более, я и сам помню ту жуткую боль, которую ощутил, когда острые клыки этого лесного чудовища вонзились в мою плоть, буквально разрывая её на части! И как кровь моя горячими фонтанами выплёскивалась из многочисленных ран... такое тоже невозможно забыть...

Тут юноша обернулся и заметил Фею, стоящую неподалёку и всё ещё держащую в руке ненужные уже целебные растения. Она понимала, что лишняя тут, и что ей нужно покинуть эту поляну и покинуть её незамедлительно, но почему-то Фея даже с места сдвинуться не смогла. И всё продолжала и продолжала смотреть на прекрасного этого юношу.

А юноша тоже некоторое время молча смотрел на Фею, а потом подошёл к ней поближе.

— Это ты спасла меня, милая девушка? — спросил он и, не дожидаясь даже ответа, добавил: — Если бы ты знала, какая ты красивая!

Фея и в самом деле была очень красивой, но до этого момента она об этом, не то чтобы не знала, просто не задумывалась. И вот сейчас неожиданно ощутила, как оглушительно забилось, затрепетало сердце в груди, как странная сладостная истома охватила вдруг всю её без остатка.

— Повтори это ещё раз! — тихо, еле слышно прошептала Фея. — И скажи мне, кто ты такой.

— Ты очень красивая, милая девушка! — послушно повторил юноша. — Ты прекрасней всех тех красавиц, из которых мой отец так настойчиво советует мне выбрать...

Тут юноша умолк, недоговорив, и почему-то покраснел.

— Кто ты? — вновь повторила Фея.

— Я — сын короля, властителя всей этой страны, а значит, и вашего леса тоже! — сказал юноша и почему-то вздохнул. — К тому же я его старший сын и наследник престола! Но это ничего не значит, потому что мне... потому, что я...

Тут он вновь замолчал на мгновение, как бы собираясь с духом.

— Потому что я полюбил тебя, милая девушка! — прошептал юноша. — И полюбил с самого первого взгляда! И очень тебя прошу: стань моей женой!

Он замолчал в ожидании ответа, но Фея так ничего ему и не ответила.

— Если ты по какой-то причине не желаешь покинуть этот лес и отправиться со мной в королевский дворец, то я согласен навсегда остаться с тобой тут, в лесу! — с горячностью воскликнул юноша. — Я отрекись от титула королевича в пользу своего младшего брата, он только об этом и мечтает! Я, вообще, отрекись от всего, что связывало меня с прошлым... только бы быть рядом с тобой... всегда находиться рядом! Просто

разговаривать с тобой, смотреть на тебя... это такое блаженство: просто смотреть на тебя...

Тут Фея подняла голову и посмотрела на солнце, которое уже начинало медленно клониться к закату.

— Не говори так! — закричала она с тревогой и даже с испугом. — То, что ты предлагаешь мне... это просто невозможно! Лучше седлай своего коня и скачи прочь отсюда! Скачи как можно скорее, ибо если ты не оставишь меня сейчас, завтра же утром с тобой может случиться большая беда! И она неизбежно случится... и я потом никогда не прощу себе этого!

Тут Фея замолчала и заплакала. Первый раз в жизни...

— Самая большая беда может со мной случиться лишь в том случае, если я покину тебя сейчас и никогда больше не встречу! — горячо воскликнул юноша. — Потому что я не смогу жить без тебя, так сильно я тебя люблю!

И он, подойдя к Фее вплотную, нежно её обнял. А Фея, вновь взглянув в сторону заходящего солнца, ощутила вдруг как не хочется ей возвращаться домой, чтобы привычно запереть там дверь и оконные ставни, чтобы зажечь перед этим самые яркие светильники в страхе перед безжалостной ночной темнотой...

Чтобы уснуть и проснуться на следующее утро злой и безжалостной лесной фурией...

Так не лучше ли, чтобы темнота это просто погубила её!

— Поцелуй меня! — прошептала Фея, проводя обречённым взглядом исчезающий среди древесных вершин солнечный диск. — Меня ещё никто никогда не целовал!

Юноша осторожно прикоснулся обветренными губами к нежным устам лесной Феи... и поцелуй их оказался долгим, очень долгим... солнце за это время успело уйти окончательно, и в лесу воцарилась кромешная тьма.

И всё же Фея ни о чём не жалела...

Она ждала смерти или того, что ещё страшнее смерти... но время шло, а ничего плохого с Феей так и не происходило. Она оставалась живой... более того, она по-прежнему ощущала себя доброй. И даже утром, когда первые лучи солнца осветили вновь маленькую лесную полянку... даже тогда ничего не изменилось...

«Неужели это теперь навсегда?! — обрадованно подумала Фея. — Неужели исполнилась самая заветная моя мечта?! И как хорошо, что темнота, которой нас так пугали, застала меня именно сегодня, а не вчера! Интересно, осталась бы я тогда злой и безжалостной навсегда? Или, может, всё дело в поцелуе... и именно его волшебная сила смогла преодолеть, развеять висевшее надо мной проклятие? А иначе...»

Но о подобном варианте развития событий Фее не хотелось даже думать.

Денис Гербер

«ДЕФЕКТ»

Дождь уже не падал с неба — он висел в воздухе. Морось, будто мошкара, сновала перед глазами. Стоя на крыльце гостиницы, Марта всматривалась в вечернюю даль и чувствовала, как влага проникает внутрь с каждым вдохом. Ещё неделя такой погоды — и сгниёт всё: дома, деревья, птицы, телеги, земля и небо. Люди сгнили уже давно, даже те, что ещё ходят, притворяясь живыми. За последнее время они натворили такого, что божья кара неминуема. Убийство короля, тысячи перерезанных шей, мёртвые дети, изнасилованные женщины — всё это требует расплаты. Может быть, расплаты гнилью.

Дорога, что проходила мимо гостиницы, разделила лес на два бурых куска и тянулась к горизонту. Марту страшила эта бесконечность. Оттуда являлось лишь зло, а то, что удалялось за горизонт, никогда не возвращалось. Там исчез её муж, ушедший вместе с армией Наполеона. Там пропал её сын.

И всё же Марта часто выходила на порог и смотрела вдаль, ощущая в душе соседство тревоги, надежды и жалости к самой себе. Каждый вечер она принимала этот жуткий коктейль.

Окружающий лес разбух от принятой влаги. Из жадности он вобрал в себя слишком много. Марта никогда не углублялась в эти заросли. Местные жители говорили, что отрубленных голов в лесу больше, чем кочанов капусты на деревенских полях, а демоны прячутся за каждым четвёртым стволом. Брат Марты не вернулся из леса с охоты, оставив, таким образом, гостиницу в наследство. Теперь в доме, кроме Марты, обита-

ли полоумный племянник Готье, пятнадцатилетняя служанка Адель и редкие жильцы.

Почувствовав озноб, Марта возвратилась в дом. Готье уже разжёл камин в главной зале, с кухни проникал запах готовящегося ужина. Марта вспомнила, что она собиралась сделать, прежде чем выйти на крыльцо. Нужно спуститься в погреб и отыскать бутылку приличного вина. Единственный постоялец — отставной жандарм, не торопящийся возвращаться в родные края, — настоятельно требовал к ужину «чего-то особенного». Никак решился съезжать?

В погребе сухо. Здесь можно позабыть об идущих вторую неделю дождях. Марта провела пальцами по бутылкам, оставив следы на пыльном стекле. «Чего-то особенного» тут давно нет. Разве что вот эта отравка... Прихватив бутылку, она шагнула наверх и вдруг услышала ржание лошадей. Следом раздалась скрип и топот копыт — не топот, а скорее чавканье по грязи.

Когда Марта вернулась в залу, на двери брякнул колокольчик и внутрь вошёл мужчина лет сорока. Птичье лицо показалось Марте знакомым. На госте был плащ, из-под которого выглядывал потёртый мундир. С задних концов треуголки капало. Мужчина снял головной убор, резким движением стряхнул влагу и огляделся.

— Могу я получить скромные покои в этом дворце? — поинтересовался он.

— Почти все комнаты свободны, сударь, — ответила Марта. — Я прикажу приготовить для вас лучшую.

— Приготовьте её для моего слуги-конюха — он любит понежиться на королевской перине. Особенно после того, как два часа купался в грязи, починяя карету. А мне представьте нечто заурядное. Найдётся у вас такое?

– Скромность у нас во всех видах, сударь. Даже к ужину её подаём.

– Отлично, это по мне.

Марта повела гостя в комнатушку, а сама думала, где она могла видеть этого человека. Какой-то военный. Мундир на нём едва ли не маршальский – наверняка повидал немало сражений.

– Надолго вы хотите остановиться, сударь?

– Пожалуй, на одну ночь задержусь.

– Не дождётесь, когда кончится дождь?

– Вы полагаете, он может кончиться? – Мужчина усмехнулся, бледные губы едва не превратились в верёвочки. – К тому же там, куда я направляюсь, здешний климат покажется засушливым. Нужно привыкать к непогоде. Особенно это касается моего кисейного слуги.

– Что же это за место?

– Страна, в которой если и услышишь французскую речь, то безбожно исковерканную, – ответил постоялец уклончиво и захлопнул за собою дверь, оставив Марту в коридоре.

Слуга-кучер вовсе не походил на изнеженного вельможу, как это могло показаться из речей военного. Это был мрачный великан со шрамом через всё лицо. Похоже, кто-то хорошенько приложил кинжалом к этой физиономии. Слуга велел заняться его лошадьми и каретой, а сам уединился в отведённой ему комнате. «Лучше бы он не выходил оттуда», – подумала Марта, поёжившись от пронзительного взгляда.

Спустя полчаса Адель приготовила ужин. Марта взяла поднос, вооружилась бутылкой красного вина и постучалась в комнату прибывшего господина. Бодрый голос велел войти.

Гость сидел за столом у окна. Марта поставила еду на свободное место и вдруг оторопела. На столе перед постояльцем

лежали два наполовину исписанных листа, стояла пара пузатых чернильниц, а в каждой руке гостя было зажато по гусиному перу.

— Благодарю вас, сударыня! — Гость учтиво склонил голову, затем окунул перья в чернильницы и принялся писать — двумя руками одновременно. Делал он это уверенно, прерываясь время от времени и морща в раздумье лоб.

— Что-нибудь ещё, сударыня? — поинтересовался он, косясь на Марту. — Я планировал закончить работу до ужина, если вы не против.

— Что вы! — Марта встрепенулась и отступила к дверям. — Прошу прощения, граф! — И вышла в коридор. Она могла поклясться, что на одном документе — том, который находился под правой рукой постояльца, — было деловое письмо, а левая рука в это время выводила на другой бумаге стихи. Такое мог делать лишь один человек на свете. Да и человек ли он?

Марта долго сидела у камина и никак не могла согреться. В голове всплывали такие воспоминания, от которых пробирала дрожь: кровь, колдовство, являющийся к королю дьявол, шёпот придворных дам... Было ли это на самом деле или всё придумали дворцовые сплетники?

Холод забрался в самую душу. Марта спустилась в погреб и взяла бутылку для себя. Она наполнила кружку вином и судорожно сглотнула половину налитого. Теперь, когда в животе затеплилось, а в голову пробрался дурман, можно спокойно всё обдумать. Этот господин...

Прозвенел колокольчик. Колокольчик из комнаты сегодняшнего гостя. Марта вскочила с кресла. Что ему нужно? Может, отправить туда Адель или слабоумного Готье? Нет, гость зовёт именно её — это чувствуется даже по звону. Она про-

вела ладонями по лицу, поочерёдно покусала губы и пошла к постояльцу.

Приезжий господин по-прежнему сидел за столом. Он покончил и с канцелярскими делами, и с ужином. Бутылка вина осталась нетронутой.

— Присядьте, сударыня. — Рука изящно выгнулась в запыстье, указывая на кресло в углу. — Нам кое о чём следует поговорить.

Марта опустилась в кресло. Она волновалась, будто находилась не в собственной гостинице, а на приёме у императора. Некоторое время гость молча изучал её лицо, думал о чём-то своём, кивал головой и поджимал губы.

— Я слышал как вы, уходя, назвали меня «графом», — наконец сказал он. — Отчего так?

Марта проглотила что-то тошнотворно-сладкое, возникшее во рту.

— Простите, сударь. Вы напомнили мне одного человека.

— Продолжайте.

— Когда мне было двенадцать, я служила камеристкой у придворной дамы — фрейлины королевы Марии-Антуанетты. Я жила в Лувре, в покоях моей госпожи. Тогда я и увидела человека, похожего на вас.

— Он занимался чем-то особенным, раз вы его запомнили?

— Все его запомнили. Его звали граф Су, он был советником короля Людовика. И да — он проделывал удивительные вещи: предсказывал будущее, в мельчайших деталях вспоминал события тысячелетней давности, читал нераспечатанные письма и одним прикосновением мог... сделать даму счастливой.

Постоялец расхохотался, откинувшись на спину стула.

— Говорили, будто он пьёт кровь, — продолжала Марта, — и может появляться сразу в нескольких местах, как призрак.

Его считали колдуном, но он был всего лишь фокусником, проникшим во дворец фигляром.

– У вас есть повод, чтобы так считать?

– Повод... – повторила Марта и, помедлив, продолжила: – Граф Су выделял такие фокусы: брал несколько мелких бриллиантов и движением руки превращал их в одну большую.

– Состоятельный фигляр! – заметил постоялец. – Большой камень в тысячу раз дороже трёх маленьких.

– А ещё он делал так: брал в руку бриллиант с дефектом, и дефект исчезал.

– Но вы считаете его мошенником.

– Как-то раз граф Су подошёл ко мне и вручил драгоценный камень – с дефектом. Ведь он же мог привести его в должный вид, разве нет? Я была всего лишь девчонкой, но даже я поняла, что он просто подменивает бриллианты.

– В логике вам не откажешь, сударыня.

Постоялец поднялся со стула и прошёлся по комнате. Он остановился у окна, за которым были только темнота и сырость.

– И вы говорите, я похож на того человека, – сказал он.

– Одно лицо... – прошептала Марта, затем прокашлялась и сказала: – Точно такое, что и тридцать лет назад. Моя госпожа, фрейлина королевы, теряла голову от одного вида графа Су, она бредила его чертами, его походкой, восхищалась каждым жестом. Однажды... – Марта замялась.

– Продолжайте, – велел гость, поворачиваясь от окна.

– Однажды граф Су беседовал с госпожой в её покоях. Он говорил о чём-то очень серьёзном, я это понимала по интонациям. После этого разговора фрейлина долго рыдала у себя в будуаре. Она четыре дня не принимала пищу, а потом пыталась покончить с собой – отравиться. Спустя месяц она поки-

нула Париж. Ходили слухи, будто она постриглась в монашки и отправилась с миссией на Восток.

– Что же стало с графом Су?

– Не могу знать, сударь. Я ведь тоже покинула Лувр после отъезда госпожи. Говорили, что граф пытался спасти от гибели короля, а затем и Марию-Антуанетту. Но королева Гильотина оказалась могущественней.

Недолго они молчали. Марта по-прежнему сидела в кресле, а гость, выпрямившись, оглядывал её.

– Тот бриллиант, подарок фигляра, – проговорил он, – куда вы его дели?

– Теперь я не уверена, что граф Су – фигляр. Бриллиант у меня, я храню его с детства.

– Можно взглянуть?

– Разумеется, сударь.

Марта вышла из комнаты и направилась к себе. Её ноги тряслись. Или это трясся коридор гостиницы?

Под кучей тряпья она отыскала спрятанную шкатулку и вынула бриллиант. Когда она последний раз брала его в руки, Марта вспомнить не смогла. В руки не брала, но и продавать не решалась.

Она вернулась в комнату и протянула камень постояльцу. Тот принял бриллиант с едва заметной улыбкой:

– Позвольте, я подержу его у себя до отъезда? Завтра вы получите его обратно.

– Почему бы и нет, сударь?

Постоялец сел за стол поближе к лампе и осмотрел бриллиант.

– Хороший камень. Если бы не этот дефект, цены бы ему не было. – Он повернул к Марте птичье лицо. – Знаете, сударыня, кажется, я догадываюсь, что граф мог говорить фрейли-

не. Он наверняка сказал ей, что роскошь дворцовых покоев не для неё, что все напудренные кавалеры предадут её, что её ожидает другая судьба – суровая, но прекрасная. Если она хочет избежать этой удивительной судьбы, то может сколотить себе гроб – в нём гораздо удобнее себя жалеть. Нечто подобное он мог бы сказать и вам. Но вы были так малы. Слова «будущее» и «судьба» для вас ничего не значили.

– Сударь... – только и могла сказать Марта. Горло сдавило, к глазам подступили слёзы.

– Завтра я верну вам камень. Благодарю за ужин. Вино, кстати, можете забрать.

Марта вышла из комнаты и долго стояла в коридоре, сжимая бутылку в руках. Из покоев отставного жандарма доносился храп. Ей захотелось снова выйти на крыльцо, но что-то внутри воспротивилось. Имеется ведь и другое крыльцо, с чёрного хода. С него тоже можно смотреть вдаль, и там есть дорога, уходящая вперёд – в противоположенную бесконечность.

Она вышла наружу и вгляделась в темноту. Сейчас ничего не увидишь, но утром, когда рассветёт... Внезапно ей показалось, что мир странным образом замкнулся в кольцо и то, что исчезает за горизонтом сзади, теперь находится впереди – ожидает её. От этой мысли внутри потеплело, будто очередная порция вина согрела кишки. Марта зашла в свою комнату, закрылась и легла спать.

Утреннее небо было пасмурным, но дождь прекратился. Готье помогал жутковатому кучеру с лошадьми. Кособокая карета стояла сплошь покрытая грязью.

Постоялец вышел на крыльцо после завтрака и поприветствовал Марту поклоном.

— Вот, примите. — Он протянул бриллиант и улыбнулся. — Прекрасно выглядите сегодня, гораздо лучше, чем вчера вечером!

Марта оглядела камень. Это был её бриллиант — она знала каждую грань, каждый отблеск.

— На нём нет дефекта, — сказала она.

— Он вновь появится, когда вы увязнете в прошлом и будете себя жалеть. Разве вы не знали?

Она знала. Всегда знала. Этот бриллиант — компас метущейся души.

Граф попрощался и забрался в карету. Через минуту он уже ехал на восток — в сторону загадочной дождливой страны, — а Марта стояла на крыльце и сжимала бриллиант в кулаке.

Дмитрий Орлов и Александра Хохлова

«ДЖИНСОВОЕ СОМБРЕРО»

– Город, в котором приземлился наш звездолёт, называется...

– Хайсор! – бодрыми, хоть и нестройными, голосами ответили участники квест-тура.

– Верно! Город Хайсор – столица планеты Фуча, – одобрительно покивала головой экскурсовод – женщина средних лет, одетая в тунику цвета хаки, джинсовое сомбреро и кроссовки – реплики на одежду колонистов двухсотлетней давности. – Хайсор – город из «Саги о Ромуланде», где разворачиваются события главы номер...

– Девять! – ответила без запинки добрая половина туристической группы, состоявшей как из граждан Земной Метрополии, так и из жителей колоний Новый Пекин, Вторая Зеландия, Мангазея, Хатуша и многих других.

Всех туристов: мужчин и женщин, молодых и пожилых объединяла любовь к «Саге о Ромуланде», написанная семьдесят стандарто-лет назад великим Артуром Хебирсби.

– Сейчас мы отправимся к старинному телепорту, – экскурсовод махнула рукой в сторону массивного столба с жёлтым пирамидальным навершием, – и окажемся на самом значимом месте из девятой главы. На месте, где произошло знакомство Ромуланда с его первой любовью Эстил Гил. И место это называется...

– Площадь Горящей Травы! – хором ответили туристы.

– И снова – верно! – похвалила экскурсовод подопечных. – Там, за подарочные сертификаты от Фонда «Сага», за купоны от нашей турфирмы «Ромуландия» и свои собствен-

ные безналы вы сможете приобрести аутентичные костюмы времён Четвёртой волны колонизации Южного квадранта, периода правления династии Шокинбергов.

Телепорт пыхнул жёлтым светом, перенося туристов в центр Хайсоры на Площадь Горящей травы.

Это была обычная для колониальных городков площадь – тихая, уютная, краснопесочная, заботливо и кропотливо восстановленная историками-дизайнерами из Фонда «Сага». Переливаясь синими огоньками, катились по ней перекасти-поле. Наткнувшись на препятствие, травяные шары рассыпались оранжевыми семенами, из которых тут же начинал расти новый плетёный шарик из спутанных коралловидных веточек. Посередине площади высилась статуя королевы Айзентории в парадном скафандре, рядом – место казни – лазерный распылитель и стенд-голограмма с картой местности в 3D. Небо над городом то разгоралось до багрянца, иногда срываясь в иссиня-чёрный цвет, то розовело, прикрывая серой дымкой зыбких облаков изящные серпики трёх лун.

– Всё как в книге! Я именно так всё себе и представляла! – до слёз умилялись туристки.

– А можно стрельнуть из лазера? – интересовались представители сильной половины Земной Метрополии и колоний.

Гостей атаковали антигравитационные лотки с традиционными для Южного Квадранта закусками и напитками: разноцветный маис, запечённый в съедобной глине, сосиски из крысоптицы с соусом из кричащих томатов, грибо-мороженое на палочке, что росло на планетоидах с арктическим климатом, синее и алое пиво, жирный виски и многое другое.

– Сначала переоденемся, затем – викторина. Победители поучаствуют в шоу-программе «Казнь космического пирата». Перед шоу вас ждёт интересный квест, во время которо-

го у всех будет возможность подкрепиться, — строго сказала экскурсовод.

Она дунула в ультразвуковой свисток, что висел у неё на груди, и лотки безропотно взлетели на высоту джедов — ребристых энергостолбов, расположенных по периметру площади.

Туристы прошли мимо салуна «Хлория», где, согласно Саге, работала возлюбленная Ромуладна, поглазели на старинных секс-роботов, что степенно выхаживали за распашными дверями на фотоэлементах; обошли стороной револьверную парковку для саморикш, сделали селфи на фоне атомного дилижанса и на движущейся ленте заехали в магазин готовой одежды.

Выехали примерно через два стандарто-часа. Мужчины накупили традиционных джинсовых безрукавок и широких штанов, состоящих из разноцветных кусков-заплаток и дыр, расхватали стильные кроссовки на каблуках и со шпорами. А как удержаться, и не купить пончо из шерсти водяной альпаки, украшенное по подолу пластинами солнечных батарей? Конечно, не обошлось без джинсовых сомбреро — визитной карточки колоний Южного квадранта.

Одежда женщин, пошитая с безупречным вкусом, несколько уступала мужской в пестроте, но не в удобстве: дамы нарядились в туники, преимущественно зелёных, багряных и розовых оттенков. Дополнял образ прекрасной колонистки большой веер из перьев летающих дикобразов, который, при необходимости, легко трансформировался в набор кухонных ножей. И, конечно же — джинсовое сомбреро с титановыми колокольчиками и светоотражателями на тулье.

— А теперь викторина! — объявила экскурсовод. — Вопрос номер один. Какой бизнес организовал в Хайсоре Ромуланд?

— Производство и продажу джинсовых сомбреро! — перебивая друг друга, закричали туристы.

– Это была разминка! Теперь вопрос посложнее. Что сказала возлюбленная Ромуланда Эстил, когда он поделился с ней идеей продавать джинсовые сомбреро – сначала по всей планете, а потом – по всему квадранту?

– Это чуть меньше, чем невозможно! – хором ответили туристы. – Нет! Чуть больше!

– Какие молодцы! Сама всё время путаю – чуть больше, чуть меньше. Здорово! Третий вопрос. В какие города Ромуланд разослал своих клонов для создания розничной сети торговли?

На этот вопрос смог ответить правильно и без запинки только турист с Мангазеи по имени Мейго Сфорц. В награду за правильный ответ он получил эксклюзивное джинсовое сомбреро, которое экскурсовод сняла со своей головы. На нём расписалась правнучка Артура Хебирсби, глава Фонда «Сага». Больше Сфорц в викторине не участвовал, но самым внимательным образом изучал карту местности.

Следующими вопросами были: «Как звали клона, который предал Ромуланда и попытался забрать у него бизнес?.. В какой главе Ромуланд умер в третий раз и почему?.. В армейское обмундирование каких планет входит джинсовое сомбреро?..» и многие другие, охватывающие все восемнадцать томов бессмертного произведения, любимого на тысячах планет, лун и обжитых астероидов. Туристы с переменным успехом отвечали на вопросы, набирая баллы. Последним заданием было разыскать урну с прахом любимой осьминожки Эстил Гил, спрятанной то ли в дупле варикозной сосны, то ли в одном из ложных перекати-поле, то ли ещё где-то.

Экскурсовод снова дунула в беззвучный свисток, лотки с едой и напитками спустились, и гости отправились на прогулку по городу, успешно сочетая приятное с полезным и ещё

более приятным. Все... кроме одного. Мейго Сфорц потихоньку откололся от маленьких групп и парочек туристов, спрятавшись за джед. Дождавшись, когда все уйдут с Площади Горящей Травы, Сфорц вышел из-за своего укрытия, подозвал саморикшу, уселся в коляску и велел роботу доставить себя на окраину Хайсора.

Экскурсовод с грустью наблюдала за этим безобразием по планшету, спрятанному в её веере. «Ещё один... (непечатное слово)... в поисках Бухты Слияния Лун. Нет, дорогуша! Только не в мою смену!» – сказала она сама себе и бросилась в погоню. Вернее, вызвала свистком левитирующую платформу и медленно полетела следом за беглым туристом.

...Купленные на сертификаты дешёвые, автоподгоняемые кроссовки будто специально (а может, и специально!) больно натирали мизинец и пятку Мейго Сфорца, поднятая ветром красная пыль засыпала глаза и неприятно хрустела на зубах. «Проклятый саморикша! Ублюдок! Бездельник!» – мысленно ругал Сфорц робота, наотрез отказавшегося нести туриста за пределы города.

Платформа с экскурсоводом на борту догнала потеряшку в полукилометре от городской черты. Могла бы и раньше, но руководитель тура специально подождала, пока турист увязнет по колено в зыбучих песках. Догнала и остановилась в паре метров от него.

– Пасхалку решили отыскать? – поинтересовалась она у него.

– Мм...

– Вероятно, в той крафтовой соцсети, в которой вы узнали о нашем квест-туре, распространялась информация, что, кроме услуг фирмы «Ромуландия», на Фуче много тайных мест, неуказанных в путеводителе?

- Да, – виновато покивал головой Сфорц.
- И, я так подозреваю, вы пропустили мою лекцию о Фуче и Фонде «Сага», которую я проводила в звездолёте?
- Я провёл это время в баре, – честно признался Сфорц.
- Ладно, – махнула рукой экскурсовод. – Специально для вас – краткий ликбез. Вас, как умного человека, не удивляет, что туристический бизнес на Фуче, не принадлежит крупным корпорациям?
- Признаться, да. Я сам задумывался над этим, – ответил Сфорц и попытался вытащить из песка левую ногу.
- Это политика Фонда «Сага». Фонд инвестировал средства в несколько автономных фирм для сохранения контроля над политикой квест-туров, чтобы на Фучу прилетали фанаты творчества Артура Хебирсби, а не скучающие обыватели, которым надоели пивнушки и бордели на собственных планетах.
- Разумно, – согласился с политикой Фонда Сфорц, отчаявшись вытянуть левую ногу, и перенося все усилия на правую.
- Почему в сетях так мало рекламы хайтеррских туров, несмотря на бешеную популярность Саги в течение многих десятилетий? Как вы думаете?
- Мм? – промычал вопросительно Сфорц, погружаясь в песок почти по пояс.
- Фонд выделяет минимальное количество средств на рекламу, и строго следит, чтобы и свои капиталы наша фирма тратила преимущественно на материальную сторону тура – аутентичную одежду, еду, вкладывалась в реконструкцию площадей, домов, улиц, а не гналась за числом клиентов, – терпеливо объяснила экскурсовод, хлопая слезящимися от песка глазами.
- Так почему же вы не воссоздали Бухту Слияния Лун?! – чуть не плача воскликнул Сфорц, отплёвываясь от песка. – Это

же самое прекрасное место, описанное в первом томе. Если бы у меня была турфирма на Фуче, я бы именно так и поступил.

– Воссоздать Бухту – это отличная идея! – согласилась с туристом экскурсовод. – Но, кроме Бухты, у туристов должна быть возможность поплавать и полетать в скайтах. А их серийное производство прекратилось двадцать стандарто-лет назад. И что прикажете делать?! Восстанавливать производство с нуля? Выкупать костюмы у частных лиц по всему квадранту? Мейго, вы же умный человек, вы же понимаете, какие для этого нужны капиталы! Это чуть меньше, чем невозможно. Или чуть больше.

Женщина дотронулась до пульта на платформе, и невидимая рука выдернула Сфорца из багряной трясины и выбросила на твёрдую поверхность спиной вниз.

– Ох ты ж...– охнул от боли Сфорц, но упрямо гнул своё. – Я хочу увидеть Бухту и точка! Побывать на родине Ромуланда и не увидеть море, это всё равно как посетить Земную Метрополию и не увидеть континентальные мосты!

– Видите тот горный кряж? – указала женщина на каменную гряду впереди. – Это максимум, куда может удалиться от города платформа. Предлагаю поступить так: вы пишете отказ от продолжения тура, я отвожу вас туда, и дальше вы идёте пешком километров восемь по заболоченной местности и к завтрашнему дню вы, возможно, дойдёте до моря. А не дойдёте, то вызовете спасательную команду, и она эвакуирует вас с планеты. Собственно, для этого я за вами и полетела.

– Я чувствую запах моря. Оно гораздо ближе, чем вы говорите, – подозрительно сощурился Сфорц, всё ещё не имея сил встать. – И я видел карту! Море рядом!

– Карта – это бутафория! Иллюстрация из книги, – рассмеелась экскурсовод. – Ну, будьте уже реалистом!

– Вот чёрт...

– Не верите мне, Мейго? Так проверьте сами, – пожалала плечами экскурсовод. – А лучше, полетели обратно в Хайсор, – по-дружески предложила она. – Поедите сосисок и мороженого, подкрепитесь пивом. Скоро начнётся шоу с казнью.

– Шоу – это хорошо, – прохрипел Сфорц. – И казнь – хорошо, но вместо пива – лучше виски...

– Отличная идея! Фирма угощает.

...А в это время Омар Хенкель, «дикий» турист с одной из сельскохозяйственных лун на окраине Южного квадранта, приземлился на хлипком арендованном глайдере аккуратно у подножия горного кряжа. Он понятия не имел, где именно находится, так как принципиально не стал платить за карту местности. Взобравшись на кряж, чтобы осмотреться, Хенкель не поверил своим глазам! Только-только прилетел, и сразу джекпот!

Перед его взором предстало культовое место из Саги о Ромуланде – Бухта Слияния Лун. Гигантским луком пролегла она между двух скал, сильно выдающихся в море. Белый, словно снег песок искрился на солнце. Зонтичные пальмы, дарующие тень и прохладу под лучами двух солнц, стояли, как великаны, а море гладило своей широкой ладонью забитый толпами отдыхающих пляж, раз за разом пытаясь дотянуться до вереницы низко парящих над землёй лежаков. Людей на пляже было несть числа, но ещё больше их было в воде.

Словно летучие рыбы из воды выпрыгивали пловцы. Их скайты – гидро-аэро-костюмы из пико-нитей блестели, как алмазная чешуя. Ныряльщики весело взмывали со дна лагуны вверх. Рассекая зеркало воды, устремлялись они в дымчато-розовое небо, широко расставив руки и выпустив крылья-плавники костюма, а после короткого мига полёта ныряли

или шлёпались со смехом в воду, в зависимости от навыков пользования старинными скайтами.

Хенкель огорчённо вздохнул, когда первая эйфория прошла, и восхищение Бухтой сменилось разочарованием. Настоящая Бухта Слияния Лун не могла быть такой большой. Согласно Саге, она была уютной, а не огромной. Точнее сказать, настолько крошечной, что, когда Ромуланд построил свой первый дом, Бухта оказалась у него на заднем дворе.

– Настоящая Бухта не может быть у всех на виду! – в сердцах воскликнул Хенкель и хотел, было вернуться к своему глайдеру.

Но не тут-то было!

– Ах, как же вы правы! – донёлся позади нежный голосок. – Дорожка из жёлтого кирпича должна вести к зелёной дверце, а за ней должно быть твоё маленькое собственное море.

Обернувшись, Хенкель увидел экскурсовода – молоденькую девушку в тунике, кроссовках на каблуках и, конечно же, в джинсовом сомбреро. На шее у неё висел ультразвуковой свисток и чокер-громкоговоритель. На плече гида красовался интерактивный логотип фирмы «Бухта».

– Алоха! – сверкнула белозубой улыбкой девушка. – Вас приветствует фирма «Бухта». За умеренную плату мы предоставляем лежаки и скайты всем желающим.

– Спасибо, но я, наверное, отправлюсь дальше.

– Куда? – удивилась девушка. – Дальше только дикие берега, вы и к морю не сможете подойти.

– Да? – огорчился Хенкель. – Как же так? А я слышал, что Фонд «Сага» делает всё, чтобы на планете было так, как во времена Ромуланда. Неужели нет мини-отелей, где можно понырять и полетать в скайтах в уединении, а не в такой огромной толпе?

– Мини-отели – это отличная идея! Но... – девушка развела руками. – На эксклюзивные строения нужно больше средств, а окупаются они долго. На данный момент, это чуть больше, чем невозможно. Или чуть меньше.

– Тогда я отправлюсь в город. Раз это Бухта Слияния Лун, то неподалёку отсюда должен быть город Хайсор.

Гид снова развела руками, как бы невзначай перегородив туристу дорогу.

– Город ещё строится. Там пыль столбом и ничего интересного. Вот только-только на днях установили постамент для статуи королевы Айзентории.

– А я так хотел покататься на саморикшах, – уныло протянул Хенкель. – И хотя бы посмотреть на атомный дилижанс.

– Ваши идеи одна лучше другой, – похвалила Хенкеля девушка. – Но давайте будем реалистами, лучше радоваться, тому, что уже есть.

– Да чему тут радоваться...

– Сейчас сами всё увидите! – пообещала девушка.

Логотип на её плече сменился цифрой десять и начался обратный отсчёт. Девушка нажала что-то на чокере, и её голос заполнил всю округу:

– Внимание, отдыхающим! Сейчас произойдёт Слияние Лун!

Одно из солнц Фучи склонилось к закату, небо резко стало тёмно-красным и три луны, до этого едва различимые в розовой дымке, стали отчётливо видны. Одна из лун показала свой широкий бок, испещрённый порами кратеров и складками гор, вторая луна, гладкая, точно яблоко, вынырнула из-за моря и закрыла половину первой. Их месяцы стали острокопечной тульёй. А третья луна, попав наполовину в тень от планеты, оставила освещённым лишь свою тонкую полосу – поля

огромной шляпы. Перед Хенкелем предстало во всей красе небесное Джинсовое сомбреро, слегка голубоватое вверху и отливающее индиго в морском отражении.

– Великолепно! – искренне восхитился Хенкель. – Но как?.. В Саге написано, что эффект Джинсового сомбреро можно наблюдать только в отражении вод маленьких бухт.

– Специальные кристаллические плиты, уложенные на дно, создают необходимые условия. Представляете, во сколько это обошлось нашей фирме? А скайты? Нам пришлось выкупать образцы пико-нитей из частных коллекций, создавать стартапы, брать кредиты у Фонда.

– Потрясающе!

– Оставайтесь! – попросила Хенкеля девушка. – Сейчас у нас пересменка между экскурсиями и вы сможете сорок минут купаться и летать в гордом одиночестве. Что скажете? Принести вам скайт?

– Несите! – разрешил Хенкель.

Экскурсовод подула в свисток, и к Хенкелю подлетел лежак. Мужчина улёгся на него, закрыл глаза и растянулся с выражением блаженства на лице.

Мимо пляжа промчался атомный дилижанс фирмы «Слияние», что сдавала бунгало молодожёнам и одиночкам чуть дальше по побережью. Экскурсовод воровато покосилась на Хенкеля, но тот уже спокойно дремал, ничего не замечая, вспоминая почему-то одиннадцатую главу третьего тома Саги, где Ромуланда, заболевшего философским упыризмом, посещают мысли о том, что мешает людям на пути к мечте. Нет, не лень... Хотя и лень тоже. Нет. Тут что-то другое... другое...

Дмитрий Орлов и Александра Хохлова

«ЧАЙНЫЙ ДОМИК ГОСПОДИНА ЧУ»

Яркие цветные фонарики на чайном домике господина Чу создавали уют и дарили гостям хорошее настроение. Изящно подобрав шелковые подола, императорские наложницы Пай Лю и Ли Ван, присели к чайному столику. Согласно чайному этикету, они постарались оставить за порогом мысли о дворцовых делах, интригах, сплетнях и боязни нашествия варваров с дикого заснеженного севера, где царят вечная зима и морозы. Но если с последним всё было в порядке – варваров красавицы боялись, потому что им велели их бояться специальным императорским указом, то вот оставить снаружи гаремные тяготы и заботы оказалось сложнее.

Пока что в чайном домике царили душевные разговоры, негромкое пение сверчка в клетке из вишнёвого дерева и тихий шелест вечернего ветерка в ивовой листве, но мысли красавиц занимала важная дворцовая новость. Новость о присвоении внеочередного почётного ранга наложнице Ю Тянь по случаю рождения прелестной зеленоглазой дочурки.

– Вы слышали, каким диковинным именем Ю Тянь назвала девочку? – спросила у подруги Пай Лю.

– Кажется, милое дитя зовут Мирча, но, давайте, не будем говорить о мирских делах, – попросила Ли Ван.

– Не будем, – охотно согласилась Пай Лю. – Хотя это всё так необычно, так странно. Придворные медики все как один утверждали, что Ю Тянь не может иметь детей.

Девушки поставили чайничек на огонь, а пока грелась вода, завели разговор о чае.

– Люблю чай из провинции Шу, – заметила Пай Лю.

– Уважаю ваш тонкий вкус, дорогая подруга Лю, но моё сердце с первой заварки и до последнего удара сердца отдаю чаю «кхуча». Ведь его благородная горчинка дарит...

Что именно дарит горчинка, мы никогда не узнаем, ибо Пай Лю воскликнула:

– Я вспомнила! Горчинка – перчинка. Вспомнила, что означает Мирча! Так называют перец в Индии, откуда родом Ю Тянь и откуда привозят удивительные пряности, обжигающие нёбо.

– Ну, хорошо, – снисходительно кивнула Ли Ван. – Открою вам один секрет. Садитесь поближе. Я всё расскажу...

Пай Лю придвинулась к подруге и та начала рассказ.

Есть в Индии сад, который принадлежит джинну, что двенадцать лет спит, а двенадцать лет бодрствует. В его саду растут кусты, на которых цветут крошечные белые звёздочки или висят красные длинные перцы, но главная драгоценность сада – это куст с блестящими зелёными листьями и громадными толстыми перцами, зелёными, как изумруд. Когда джинн спит и не охраняет сад, туда со всей округи слетаются соловьи, чтобы поклевать зелёный перец. Потом соловьи несут изумрудные яйца и если достать такое яйцо и завернуть в хлопчатобумажную ткань и год проносить под левой подмышкой, то из него появится младенец. Хорошенькая девочка...

– Вы хотите сказать, уважаемая Ли Ван, что дочь нашего драгоценного императора – простое соловьиное яичко?!

– Нет! Как можно! Фи, простое... Не простое, а изумрудное! – воскликнула Ли Ван.

Налив в терракотовый чайник немного воды, Пай Лю сделала первую заварку. Ею она омыла столик и пиалы. Вторую заварку девушки пили молча, медленно вдыхая аромат, чтобы лучше уловить все нотки благородного напитка.

– Да, древние мудрецы были правы! Чай способен творить чудеса! Вы согласны с ними, Лю?

– Да... нет... – задумчиво проговорила Пай Лю. – Бедный, бедный император...

– Думаете, дочка-яичко – это горе?

– Мне сложно судить о чужих детях, тем паче, императорских. А всё же...

– Вы знали, что в молодости наш император Дзи Цзяо потерял свою первую, горячо любимую жену? Вот это горе! Но мы ведь не для сплетен здесь собрались?

– Конечно, нет, – улыбнулась Пай Лю. – А всё же...

Третья заварка согрела и убаюкивала, как мать дитя, и Ли Ван сказала:

– Ладно, от маленькой сплетни миру не убудет, тем более это не сплетня, а чистая правда, записанная в анналах императорской библиотеки. Слушайте! Когда императору было отроду не больше семнадцати лет...

Когда императору было семнадцать лет, то был он не императором ещё, а наследником. И охотился он однажды в горах и набрел на хижину отшельника под большим деревом, сплетённую из листьев. Кругом цвели цветы, порхали птицы, а поблизости лежало озеро, где по воде плавали белые, красные и синие лотосы. Наследник учтиво поклонился старику-отшельнику и спросил:

«Сколько лет здесь живёшь?»

«Почти сто».

«А за всё это время видел ли ты здесь что-нибудь замечательное?»

Отшельник ответил, что никогда ничего не происходило, но в этом году, каждый пятнадцатый день месяца на озеро стала прилетать небесная дева, царица Манохара. Она купается в серебристой воде, среди лотосов и поёт так сладостно, что все звери и птицы ей внемлют, будто зачарованные. И даже такой старик, как он, слушая это дивное пение, радуется потом семь дней кряду.

Пришёл будущий император к озеру на пятнадцатый день и увидел царицу Манохару, и его юное сердце загорелось любовью. Прекрасна была царица, прекраснее всех. Глаза у неё были голубые, длинные, точно бутоны лотоса, нос прямой, губы словно кораллы, тело, как из слоновой кости. Взял её наследник в жены и был так счастлив с молодой женой, что никогда с ней не расставался и обо всём на свете забыл.

Не понравилось такое ни императору, ни императрице, ни царским сановникам, ни слугам, ни другим женщинам гарема, о которых наследник совсем позабыл. И, чтобы погубить Манохару, задумали они каверзу. Императрица-мать сказала, что приснился ей сон, будто прилетел к наследнику коршун и разорвал его тело, вынул внутренности и обвинил их вокруг городской стены. И все во дворце стали говорить, что им приснился точно такой же сон. Позвали прорицателей и те сказали, что грядёт нашествие варваров из северных земель, и принесут они разорение стране и смерть всей императорской семье. Но есть средство, чтобы спастись! Для этого надо совершить ритуал.

«Какой ритуал?» – спросил наследник.

«Надо вырыть пруд глубиной с человеческий рост, оштукатурить его и наполнить кровью молодых лесных коз. Ты

должен выкупаться в этой крови, а твои отец и мать должны возжигать перед тобой курение жиром небесного существа».

«Хорошо, — сказал наследник, — но жир небесного существа очень редок. Как его достать?»

«То, что можно достать, то не редко», — ответили прорицатели.

«Как понять ваши слова?» — спросил наследник.

«Разве жена твоя, царица Манохара не небесное существо?»

Наследник долго не соглашался пожертвовать женой, но прорицатели сказали: «Разве не слышал ты слова мудрецов? Ради рода жертвуй любым родичем, ради города жертвуй любым домом, ради страны жертвуй любым городом. Ты можешь взять себе другую жену, но другого наследника у нас нет».

С тяжёлым сердцем, но дал наследник согласие на убийство Манохары и привели её плачущую к кровавому пруду. Она надеялась, что муж передумает, но будущий император остался непреклонен. Поставив у пруда, погоревав о не сложившейся семейной жизни, царица поднялась в воздух и улетила — всё-таки была она волшебницей, небесным существом не по названию, а — по сути. Только вот наследник об этом как-то подзабыл.

— И никто её с тех пор не видел? — поинтересовалась у подружки Пай Лю. — А как же нашествие северных варваров? Они пришли и всех убили?

— Глупенькая, — рассмеялась Ли Ван, отмечая про себя, что умственные способности Пай Лю иногда напоминают ей лакированный набалдашник зонтика от солнца. — Не было никакого нашествия. Делать варварам нечего, как топтать к нам через горы и плыть по морям.

И Ли Ван попробовала перевести разговор на тему, более соответствующую чайному духу:

– Вы слышали? Мудрец Лаофуцзы заявил, что конец света близок!

– Что вы говорите!

– Да! И наступит он тогда, когда люди перестанут пить чай вот так тихо и с душой, как мы. Лаофуцзы сказал, что рано или поздно, чайные церемонии отойдут в небытие, а люди начнут пить чай как воду – на ходу, на бегу из бумажной посуды.

– Уф-ф... – поёжилась Пай Лю и вся сникла. – Не хотела бы я жить в таком мире.

После этих слов она до того стала походить на сложенный зонтик, что Ли Ван едва не расхохоталась, но сдержалась и только фыркнула в надушенный рукав, как лисичка.

– Поэтому-то наш справедливый император Цзи Цзяо и посадил мудреца под домашний арест, несмотря на то, что в молодости они были лучшими друзьями. Там он может предаваться созерцанию истинной красоты мира как минимум один лунный месяц.

Четвёртая заварка бросила подружек в лёгкий пот. Свежий ветерок ласкал кожу и уносил сознание к дальним берегам диковинных историй. Ах, сколько же нового открыл этот вечер!

– Бедный, бедный император, – снова загрустила Пай Лю.

– Вы думаете, что улетевшая жена – это горе?

– Наверное. Ведь кажется, он её любил. По-своему...

– Влюбиться, когда у тебя седая борода – вот горе!

Когда Цзи Цзяо уже было далеко за сорок, но ещё не исполнилось пятьдесят, ехал он мимо того озера, где познакомился в молодости с Манохарой и встретил там прекрасную юную девушку. Она сидела под деревом и горько рыдала. Остановил

император свою свиту, подошёл к девушке и спросил, кто она и как пришла в этот лес.

«Я дочь правителя Чосона, — ответила та. — Я вышла из дворца на прогулку. Шла, шла и заблудилась, а как сюда попала и сама не знаю».

Отвёз её император к себе, и взял в жены и поселил в летнем дворце, в садах которого фонтаны покрывают росой цветы, где у позолоченных колонн деревья гнутся под тяжестью плодов. И там, среди цветов и солнечных лучей жила прекрасная молодая императрица, и император её так любил, что с ней позабыл обо всём на свете.

Случилось так, что ученик одного отшельника возвращался с высоких гор, куда он каждый год ходил за священной водой для учителя. Проходил он мимо императорских садов, и они пленили его своими фонтанами. И вот перелез он через стену и пошёл гулять по саду, а когда устал — прилёг и заснул под фиговым деревом. Его спящего нашла охрана, арестовала и привела к императору.

— Повелитель, — взмолился ученик отшельника. — Прошу не наказывайте за то, что я уснул в вашем саду, отпустите меня к моему учителю.

Император был так счастлив в то время со своей молодой женой, что приказал подарить юноше шелковый халат и отпустить на все четыре стороны. Ученик вернулся к учителю, рассказал тому о происшествии. Учитель сказал:

«Хорошо, что ты не пострадал, но от халата, что надет на тебе и от воды, что ты принёс, идёт странный запах — запах сладостной гнили. Скажи, не показалось ли тебе, что-то необычным в том, как выглядел или вёл себя император?»

— Глаза у него тусклые и кажутся неподвижными, — подумав, ответил ученик.

Отшельник был мудрый и учёный человек, он сразу почувствовал, что императору грозит великая беда, и отправился вместе со своим учеником в обратный путь, во дворец. Император принял их со всем почтением и отшельник сказал:

«Вы были добры к моему ученику, и я хочу вам помочь, так как чувствую, что вы в опасности. Скажите мне правду, нет ли во дворце молодой женщины, что попала сюда не из родительского дома, а взята из лесу?»

Император рассказал про девушку, которую нашёл в лесу, дочь правителя Чосона. Сказал, что женился на ней и послал уже нескольких вестников в Чосон, но ни один из них ещё не вернулся.

«Она вовсе не дочь правителя Чосона! — воскликнул отшельник. — И даже не женщина. Она двухсотлетняя змея, ведьма и людоедка, что может принимать человеческий облик».

Император стал спорить: не поверил отшельнику — слишком уж любил красавицу жену. Но учитель предложил проверить свои слова, провести испытание и велел приготовить к ужину кушанье частью очень солёное, частью солёное в меру. Вечером император с императрицей ужинали вместе и ели из одного блюда. И вот император повернул блюдо солёной частью к жене, а сам стал есть с другой стороны. Императрица с трудом глотала ужасно солёную пищу, так как муж ел, то ела и она. Ночью, когда они легли, император пожевал какой-то корешок, что дал ему отшельник, и сна у него не было ни в одном глазу, и он только притворялся спящим. Приоткрыв один глаз, император следил за женой и похрапывал, чтобы она ничего не заподозрила. Уверившись, что муж спит, женщина бесшумно выскользнула из комнаты и побежала к фонтану. Император последовал за ней и увидел, как она прыгнула в воду и тут же стала длинной и толстой, как дерево змейей.

Змея выкупалась в фонтане, попила воды, выползла из фонтана и снова стала женщиной. Убедившись, что отшельник был прав, император хотел позвать стражу, но благоразумно дождался утра и нового совета отшельника.

«Змея сильнее половины твоего войска, здесь нужна хитрость», – сказал отшельник и велел построить в саду металлическую печь с крепкой заслонкой...

– Ну, дальше понятно, – зевая прелестным ротиком, заметила Пай Лю. – Сожгли бедняжку. А слышали ли вы, дорогая подруга, историю про девятихвостую лисицу, что сбежала из императорского зверинца три года назад?

– Мм... нет. Я сама во дворце не так давно. А почему вы вдруг вспомнили? – удивилась Ли Ван.

– Во дворце вы скоро уж, как три года, странно, что об этом не знаете, – ответила Пай Лю. – Ходят слухи, что после побега, видели ту лисицу на кладбище у буддийского монастыря. Раскопала будто бы лиса могилу какой-то отшельницы, умершей в юности, надела на голову череп и кланялась луне, кланялась, пока не превратилась в женщину. И пошла та женщина во дворец...

– А у меня для вас подарок! – перебила подругу на самом интересном месте Ли Ван и протянула ей перламутровую коробочку.

В коробочке лежало чудесное опахало – маленькое, круглое, из пальмового листа, с золотой ручкой. Ли Ван махнула опахалом к себе, и в комнате возник ничего не понимающий прекрасный юноша, махнула опахалом от себя, и юноша исчез.

– К опахалу приворожена душа персидского принца. Дарю!

– Хм. И зачем мне это? – удивлённо вздёрнула изящно нарисованные брови Пай Лю.

– Ээ... вы ведь любите играть в шахматы?

– Не умею.

– А в маджонг?

– Люблю.

– Вот и будет вам напарник! – засмеялась Ли Ван и захлопала в ладоши. – Разве не чудесно?

– Чудесно будет вам, когда меня с позором изгонят из дворца, – криво улыбнулась Пай Лю и резко сунула руку под подол одеяний Ли Ван и дёрнула изо всех сил.

– Ай! Ты, что творишь?! – вскричала Ли Ван.

В руках у Пай Лю оказался клочок рыжей шерсти, который она рассматривала с мрачным удовлетворением.

– Так и знала! Кицуне! Лиса-оборотень из Ниппона! А я всё думаю, почему вы по три раза на день едите курятину. И не надоедает же...

– Паршивая девчонка! – взвизгнула Ли Ван. – Испортила мой хвостик!

– Не смейте возвращаться во дворец! – со смехом бросила ей Пай Лю, отодвигая двери. – Там на вас спустят собак. Ох, и славная выйдет охота!

Выглянув наружу, Пай Лю не увидела ни извилистой каменной дорожки, по которой они пришли в чайный домик, ни старой плакучей ивы, склонившейся над ним. Домик летел над заснеженными верхушками гор, на которых горели костры. Вокруг них сидели, грелись или приплясывали от холода бородатые люди в шкурах, наверное, те самые северные варвары.

– Далеко собралась, подруга?

– Что это значит?! – испугавшись высоты, Пай Лю в отчаянии обернулась к Ли Ван.

– А вы думаете, я зря пригласила вас пить чай в домик господина Чу? – ответила та. – Это домик моего давнего друга. За одну чайную церемонию домик облетает полмира.

– Зачем вы меня позвали? Я не сделала вам ничего дурного. Не сплетничала, не воровала ваши гребешки, не ломала вам заколки.

– Так-то оно так, да только видела я вас где-то раньше, а вот запомнила где. Думала, посидим, поболтаем, попьём чаёк, тут-то я и вспомню. Но не могу! Сами признайтесь, кто вы?

– Да, сейчас! – крикнула Пай Лю и, подобрав шелковые подола, бесстрашно выпрыгнула вон.

– Вот, дура! – бросила ей вслед Ли Ван.

Чайный домик как раз пролетал над городом, полным фарфоровых пагод, и Пай Лю стала падать прямо на крышу одной из них. И вдруг падение девушки замедлилось, и она стала планировать... как зонтик. Пай Лю перевернулась в воздухе и превратилась в белый зонтик, украшенный синими ирисами, со светло-коричневой ручкой с круглым лакированным набалдашником. Зонтик падал и падал, пока не зацепился за выступ на крыше и не повис на нём.

– Конечно! Зонтик! – обрадованно хлопнула себя по лбу веером Ли Ван. – Зонтик чиновницы Сяо Фей, потерянный на празднике воздушных змеев в позапрошлом году. Вот где я видела Пай Лю, и откуда её я знаю!

Ли Ван отодвинул потайную панель в полу. Там стоял медный котелок, наполненный миндальными угольками. На котелке была крышка, исписанная золотыми и красными иероглифами. Девушка нажала одновременно на несколько

красных иероглифов – чайный домик замедлил полёт, сделал круг, остановился и завис над крышей пагоды. Над местом, где висел зонтик.

– Подбросить до дворца?! – крикнула зонтику Ли Ван, но зонтик лишь горделиво покачивался на ветру. – Дочка-яичко, жена – ведьма-змея, одна наложница – лиса, вторая – зонтик, потерянный растяпой-чиновницей. Бедный, бедный император Цзи Цзяо... – засмеялась Ли Ван и серебряный смех красавицы подхватили бронзовые колокольчики под крышей пагоды. – Хватит дуться, Пай Лю! Возвращайся! Ты самый замечательный зонтик, с которым мне приходилось дружить. Прости, если напугала. Ты ведь тоже грозилась спустить на меня собак!

Пятую заварку девушки выпили быстро, вылив подонки за милостивых богов, которые позволили лисе и зонтику сделать ослепительную карьеру при дворе императора. По древнему обычаю красавицы постучали по столику костяшками среднего и указательного пальцев и отбыли в гарем к настоящим интригам, сплетням и боязни северных варваров из земель, где зима длится почти целый год.

Дорофеев Дима

«БУКЕТ ИЗ РОЗ»

Лестница возле памятника была традиционным местом встречи влюблённых. Здешнее небо и здешние статуи слышали столько признаний в любви, столько ласковых слов, сказанных в голос и прошёпанных на ухо, видели столько самых обжигающих поцелуев и горько плакали дождём над разбитыми сердцами...

Был самый обычный тёплый городской вечер. У памятника начинала собираться молодёжь. Поодиночке, сразу парами и даже целыми компаниями. Кто-то спешил, кто-то, наоборот, в нетерпении смотрел на часы, ожидая свою половинку. И, естественно, в большинстве своём это были молодые люди. Так уж написана история этого мира, что время для мужчин и женщин течёт немного по-разному.

Вот и он в который уже раз глянул на циферблат. Симпатичный молодой парень чуть выше среднего роста в надетой под самое горло глухой чёрной водолазке. Впрочем, если присмотреться к нему внимательнее, становилось понятно, что парень уже не столь и молод. Лоб пересекали глубокие морщины, а виски густо посеребрила седина. Но это, пожалуй, только добавляло ему привлекательности в глазах женщин.

Девушка опять опаздывала, и он начинал сердиться. Но, скорее, не на неё, а на себя. Он так спешил, что даже не успел купить ей цветов. А ведь она всегда опаздывала. Да что там говорить: в прошлый раз не пришла вовсе. И сейчас в ответ на все звонки механический голос автоответчика вещал о недоступности абонента.

Он окинул взглядом пространство вокруг. Рядом увлечённо целовалась какая-то совсем юная парочка, высокий блондин с букетом пионов радостно улыбался, а навстречу ему с площади уже вприпрыжку бежала такая же улыбающаяся девчонка. Левее неспешно прогуливался коренастый брюнет. Сразу было видно, что он пришёл раньше назначенного времени, и совершенно не волнуется по поводу отсутствия подруги. А чуть поодаль стояла девушка с букетом ярко-алых роз. Видимо, её парень отошёл за мороженым или ещё куда-нибудь.

Время шло, а её всё не было, хотя стрелки часов уже прилично перевалили за оговорённую отметку. Он понимал, что надеяться дальше – бессмысленно, но упрямо чего-то ждал. Чего? Он ещё раз посмотрел по сторонам. За это время люди вокруг уже несколько раз успели смениться. Хотя нет... Его взгляд зацепился за что-то знакомое, что-то... На том же самом месте всё так же одиноко стояла та самая девушка с букетом алых роз...

Она часто приходила сюда посмотреть на чужое счастье. Всегда одна. Почему так вышло, неизвестно. Наверняка об этом знали Мойры. Но Мойр не существует. Она была довольно симпатичной, а если бы вдруг кому-то посчастливилось увидеть её улыбку... Только вот улыбаться ей было некому. Разве что книгам в библиотеке, где она проводила большую часть своего свободного времени. Или голубям на всё том же памятнике. Но как же сложно улыбаться, когда вокруг столько счастья, а до тебя не долетают даже его брызги!

Иногда, когда это позволяли средства, она покупала себе цветы и приходила сюда с букетом. Чаще всего это были розы. Не потому, что она любила их больше других цветов. Просто в её представлении парни всегда дарили девушкам именно алые розы. И она стояла возле памятника, представляя, что её

Принц, подаривший ей этот прекрасный букет, отошёл всего на минуточку и вот-вот вернётся. А потом уходила домой, оставив цветы, и беззвучно плакала в подушку...

Поневоле он начал наблюдать за девушкой с розами. Прошло уже столько времени, а она всё стоит на одном месте. Ждёт кого-то? Кого? И почему с цветами? Кусочки мозаики в его сознании никак не желали собираться в цельную картинку. Постепенно мысли о той, что так и не пришла, запрятались куда-то глубоко, и всё его существо заняла загадка незнакомки. А та совершенно не замечала его интереса.

Так они и стояли: девушка, смотрящая в никуда, и парень, смотрящий на смотрящую в никуда девушку. Потом она понурила плечи, разом став ещё более грустной, и, положив разом осиротевший букет возле памятника, пошла по направлению к остановке. А он всё смотрел и смотрел ей вслед, не в силах отвести взгляд, и сосредоточенно морщил лоб.

...Прошло время. Ей снова стало невыносимо одиноко, и даже любимые книги уже нисколько не помогали. Денег на цветы не было, и она пошла к памятнику без букета. Солнышко светило и грело, а на душе от этого почему-то становилось только грустней.

— Привет! — раздалось вдруг совсем рядом. Она в недоумении подняла глаза и упёрлась взглядом в облако волшебного-белых хризантем, которое протягивал ей незнакомый парень, под горло затянутый в чёрную водолазку...

Это было похоже на рождение Вселенной. Самая очаровательная в мире улыбка предназначалась только ему...

Екатерина Бархатова

«ЖИВОЙ ЗВОНОК»

Тим проснулся и немного полежал. Потом он вспомнил: сегодня у него день рождения. Рука машинально нажала на кнопку пульта. Женский автоматический голос, слегка картавя (такой голос выбрал Тим), незамедлительно сообщил: «Сегодня, 13 марта 2121 года, тебе, Тим, исполнилось 14 лет. Поздравляю с днём рождения. Поздравления также прислали: тётя Виктория и дядя Пол, Макс, Элина, кузен Роберт...» Красотка Дина, помощница Тима, в виде голограммы продолжала перечислять имена всех родственников и знакомых, которые по уведомлению виртуальной службы подписались на автоматическую рассылку поздравлений. Когда список имён закончился, заиграла оглушающая будоражащая ретромузыка — в прошлом веке всё-таки умели разгонять в жилах кровь.

Тим любил тяжёлый рок, хоть одноклассники и смеялись над ним. Они предпочитали монотонную робо-музыку, производную от архауса столетней давности. Но ему было всё равно, что о нём говорили, — слушая рок, он чувствовал, что дышал полной грудью, он был живым. Дина знала его вкусы и включила одну из его любимых композиций — Walk. Тим сразу почувствовал прилив сил, вскочил с кровати и запрыгал на кухню. Он подпевал, как заведённый: «Are you talking to me? Are you talking to me?»

Дина сопровождала его по всему дому. «Тим, сегодня ты можешь пропустить школу по случаю своего дня рождения — это уважительная причина для пропуска», — продолжала радовать она. Тим издал вопль победителя и бросил взгляд на дисплей

с записками от домашних. Мама нарисовала большое сердце и торт со свечами. Папа тоже поздравлял и обещал в воскресенье пойти в новый парк погонять на аэромотоциклах. Вечером семья собиралась праздновать с его любимым тортом и домашним лазер-шоу. Тим был почти счастлив, только внутри всё же что-то его беспокоило. Он не понимал что.

Наспех проглотил завтрак и подключился к своей любимой виртуалке «Поймай меня, если можешь». Проиграв около двух часов, Тим вдруг осознал, что было не так: он ждал живого звонка.

При желании каждый мог использовать систему «живого звонка»: он носил специальный датчик на запястье, который фиксировал, с какими людьми и как долго он общался вживую. Если количество времени разговора с кем-либо было достаточным, Дина посылала уведомление собеседнику, и тот мог позвонить напрямую, если хотел. Сегодня Тим ждал живого звонка. В свой день рождения ему ужасно хотелось просто поболтать с кем-то, пусть по телефону, зато без сухих виртуальных сообщений. Но звонок он должен был заслужить. В памяти он перебирал своих друзей и одноклассников, прикидывая, с кем за последний квартал он говорил больше всего. В школе ученики и учителя уже давно перешли на «виртуалку». Департамент образования утвердил этот способ как более быстрый и безопасный, нежели при личном контакте. К тому же агрессивная природа вирусов поставила точку в долгом споре на эту тему. После того как пятьдесят лет назад от вируса М-69 население планеты уменьшилось на треть, общественность поутихла, и последнее слово осталось за государственными структурами.

Так что надеяться, что позвонят его одноклассники Зак или Рита, с кем Тим общался больше всего, было наивно. Да

и многие ровесники привыкли к виртуальному общению настолько, что сознательно избегали личных контактов. Часто казалось, что они абсолютно разучились разговаривать друг с другом. Многие, но не Тим. В нём жила какая-то необъяснимая тяга к обычным человеческим разговорам и даже жажда живого общения. Когда он видел глаза собеседника, всё внутри его волновалось, оно клокотало от счастья. Настроение заметно улучшалось, рот сам растягивался в улыбке, хотелось болтать без умолку. Многие находили эту особенность Тима чудачковатой, но ему не было до этого дела. Он никогда не упускал шанса поговорить.

Однако его учителя по шахматам и игре на гитаре преподавали исключительно виртуально. Тим безуспешно пытался зацепиться хоть за кого-нибудь. Мимолётные встречи с разными людьми были бесполезны – засчитывалась продолжительность времени общения с одним и тем же участником разговора. Родители в этот список не входили – их он видел каждый вечер.

К обеду Тим пожалел, что не пошёл в школу. Он слонялся без особых дел: сразился с вирт-монстрами, поплавал в бассейне, послушал рок, попрепирался с Диной – Тим обожал её дразнить, она ведь обладала бесконечным терпением и тактом. В четыре часа дня он заказал пиццу с живой доставкой – решил даже опять переплатить в честь дня рождения.

К восторгу Тима в дверь позвонил знакомый разносчик пиццы Дэн в чёрной футболке с большими кровавыми буквами, сложенными в слово «пантера». Вот с кем Тим мог поговорить! Они возбуждённо обсудили виртуозные проигрыши в композиции их любимой группы – This Love. Тим закрыл дверь за собеседником в превосходном расположении духа.

Когда он уплетал последний кусок пиццы, Дина неожиданно объявила, что поступил живой звонок. Едва не подавившись, нервным движением Тим нажал кнопку. Голос, который он слышал полчаса назад, заговорщицки сказал:

– Привет, Тим! С днём рождения! Хочешь поболтать ещё?

– Ага, – сдавленно ответил Тим. Он не мог поверить своим ушам! – Как ты узнал, Дэн?

– Получил уведомление от системы «живого звонка». Удивился? Итак, что ты больше всего хочешь в свой день рождения? – нарочито помпезно продолжал Дэн. Он был явно доволен тем, какое впечатление произвёл на Тима этот неожиданный поворот.

– Дэн! Одуреть, как я рад тебя слышать! Я бы хотел взломать эту чёртову систему «живого звонка»! Ты не можешь себе представить, как я её ненавижу! За что нам это? Почему раньше люди могли говорить друг с другом, сколько хотели?

– Ну, люди просто перестали разговаривать друг с другом. Почему нам такое досталось? По той же самой причине, что глобальное потепление съело четверть суши Земли за последние сто лет. И потому же, что мы теперь всё чаще слышим о переселении на Марс. Предки нам удружили, understand?

– Но это же несправедливо!

– Ещё бы!

– Знаешь, Дэн, когда я вырасту, я создам свою рок-группу. И мы будем петь о несправедливости! Очень громко! Ты придёшь на мой живой концерт?

– Конечно, – без колебаний заверил Дэн, – я буду валяться в траве и подвывать твоим песням.

Тим невольно улыбнулся: его день рождения был не так уж плох.

Ирина Брестер

«КАПЛЯ ВОДЫ»

*Даже в самой маленькой капельке воды
таится большая, настоящая жизнь!..*

Олеся проснулась поутру и, протерев кулачками ещё сонные глаза, встала на кровати. Солнце заглядывало в окно своими косыми лучами и приветливо манило за собой. Июльский день обещал быть жарким.

Сегодня няня обещала сопровождать её в сквер близ второго дома по улице Пешеходной. Его отремонтировали недавно, заново покрасили скамейки, высадили цветы в клумбе и установили новые фонарные столбы взамен старых разбитых. Какой интерес людям портить имущество – непонятно. Сами же потом приходят в сквер и, сетуя на окружающий беспорядок, начинают ругать местное управление. А сами-то как же? Забывают... Только речь о самих заходит, сразу же забывают...

На завтрак была каша овсяная с молоком и несколько крупных ягод. Олеся плохо ела, и няня часто жаловалась её родителям на отсутствие аппетита у девочки. «Кормить ребёнка надо правильно! – говорила она. – Сладкое исключить, побольше свежих овощей и фруктов, молоко только кипячёное».

Родители не спорили. Няня была на хорошем счету в бюро по найму, имела множество положительных отзывов, и возражать ей считалось делом неблагоприятным. Ну а Олеся в свои шесть с половиной лет спорить ещё не научилась, а потому принимала наставления няни как должное.

Вышли на улицу после десяти, чтоб вернуться к обеду. Режим дня – всё по расписанию. Няня не терпит вольностей. Держа в одной руке маленький зонтик, в другой – сумочку с необходимыми на прогулке принадлежностями, няня шла подле Олеси по влажной после ночного дождя земле. Олеся, как могла, старалась обходить лужи. Но разве можно было углядеть за всем? Пару раз её сандалии окунулись в грязную воду. Светло-розовые гольфы тут же приобрели характерный коричневый оттенок.

– Ну, вот, – няня критично оглядела девочку. – Не успели от дома отойти, как ты уже промокла. Придётся вернуться назад.

– Пожалуйста, давайте ещё погуляем, – попросила Олеся. – Вчера весь день дома просидели из-за дождя. А сегодня солнышко светит!

Няня хотела было возразить, но не успела. Олеся издала восторженный возглас и тут же, несмотря на все оханья няни, опустила прямо на колени.

– Взгляните! – прошептала девочка.

Крошечная капля воды лежала на её раскрытой ладони, переливаясь на солнце.

– Я сняла её с листочка, – сказала Олеся. – Какая она красивая!..

– Красивая? – няня удивлённо подняла брови. – Что же ты нашла красивого в обыкновенной капле воды?

– Разве вы не видите? Это же целый мир! – восхищённо говорила Олеся. – Ведь она отражает всё, что вокруг!

Нет, об этом няне не приходилось думать. Гораздо больше беспокоили испачканные гольфы.

– Идём, Олеся, – позвала она девочку. – Тебе надо переодеться.

Но Олеся не слышала.

— Смотрите, что это? — девочка поднесла каплю к лицу. — Похоже на букашку или муравья.

— Где?

— Прямо внутри этой капельки.

Няня нагнулась, чтобы лучше рассмотреть.

— И как только ты разглядела? Я не вижу ничего. Тут лупа нужна. Ой!

Няня, вскрикнув, отпрянула. Невидимая поначалу капелька воды вдруг стала расти на глазах. Соскользнув с ладони девочки, она теперь парила в воздухе, словно большой мыльный пузырь, который так любят пускать дети. Только этот «пузырь» с каждой секундой становился всё больше и больше. И няня отчётливо увидела, как внутри него какое-то неизвестное ей насекомое, немного напоминающее муравья, захлопало своими крылышками. А потом вдруг взяло, да и подмигнуло ей.

— Чудеса... — только и смогла вымолвить няня, поражённая увиденным.

Насекомое меж тем росло вместе с каплей воды. Когда оно достигло размеров девочки, капля остановилась и замерла.

— Смотрите, он машет нам рукой! — девочка глаз не могла отвести от такого чуда. — Что-то хочет сказать.

Няня отказывалась верить в происходящее. Такого просто быть не может. Сказка!..

Но Олеся легко коснулась рукой этой капли воды, и в ту же секунду насекомое потянуло её за собой. Няня и вскрикнуть не успела, как девочка оказалась внутри «пузыря».

— Олеся! — позвала она. Девочка, похоже, не слышала. Обернувшись к насекомому, она что-то увлечённо рассказывала. И это на удивление разумное существо слушало её, внимая.

Такого няня вынести уже не могла. В изнеможении опустившись на скамейку, она закрыла глаза и потеряла сознание.

Когда же пришла в себя, то увидела рядом со скамейкой, на которой она лежала, радостную и улыбающуюся девочку.

– Олеся! – няня тут же поднялась и крепко обняла её. – С тобой всё в порядке? Как я рада!

Когда няня немного успокоилась, то спросила, что же такого с ней произошло, и было ли то, что она видела, на самом деле.

– Я побывала в волшебном Королевстве Капельки Воды, – улыбаясь, принялась рассказывать Олеся. – А тот, кого мы видели, – это Проводник. Он показал мне Королевство и немного рассказал о нём.

– Что же он тебе рассказал?

– Оказывается, Королевство живёт в каждой капле воды. С виду оно маленькое, неприметное. Но на самом деле – огромное! В нём есть и реки, и горы, и леса, и поля! Всё то, что и у нас. Только людей там нет. Одни букашки да насекомые. Смотрят они на нас каждый день и удивляются: почему люди такие невнимательные – ничего вокруг себя замечать не хотят?

Няня подумала, как много, оказывается, в этом правды. А Олеся продолжала:

– Вот и поспорил Проводник с другом, что найдёт такого человека (пусть даже одного-единственного), кто в маленькой капле воды их Королевство разглядеть сможет. А раз сможет, значит, не так ещё безнадёжны люди; значит, можно их вокруг себя обернуть, чтобы они мир по-новому увидели – не так, как привыкли смотреть (сквозь себя), а так, как на самом деле есть.

Няня шла и думала, откуда шестилетний ребёнок может такие умные слова знать. От взрослого человека их не услы-

шать. Совсем рассуждать разучились. Только знай себе: в экраны свои уткнутся и бегом бегут, кто куда — кто на работу, кто на учёбу, а кто просто так, лишь бы бежать. И на другого лишний раз никто не взглянет. Все только собой увлечены.

— Значит, прав оказался твой Проводник, — заметила няня. — Ведь ты же смогла его разглядеть.

— Да! — радостно ответила Олеся. — Он сказал: раз ты смогла, значит, и другие тоже смогут. Может, не сразу, а постепенно. Но смогут! Теперь он это знает точно.

— А где сейчас твой Проводник?

— Остался в своём Королевстве. Капелька снова стала маленькой и уплыла к таким же, как и она. Жалко, что вы этого не видели... — вздохнула Олеся.

А няня подумала, что вряд ли она сумела бы это разглядеть. Взрослая дама, строгая, солидная, вроде всё делает правильно, других учит жизни. А как жизнь разглядеть в капле воды, так на это знаний, оказывается, не хватает. А девочке всего этого не надо. Сейчас — не надо. Она на мир совсем другими глазами смотрит. Она его видит таким, какой он на самом деле. Пусть даже крошечный, а всё равно живой. Вот она, какая наука!

И девочка с няней, забыв о промокших сандалиях и испачканных гольфах, весело поспешили в сквер — туда, где уже, наверное, собрались все знакомые дети на прогулку со своими мамами, папами или нянями. Чтобы порадоваться тёплому солнышку, маленьким лужам и вновь распускающимся прекрасным летним цветам, что недавно высадили здесь на клумбах.

Ирина Брестер

«ЖИЗНЬ – ЭТО ВЕЧНОСТЬ»

Шурша осенними листьями, что россыпью лежали под ногами, переливаясь оттенками багряного, желтовато-бурого и местами ещё зелёного цвета, по лесу шёл Путник. Он был высок ростом и массивен. Длинные белые волосы струились волной по плечам. Глаза его были опущены, прикрыты такими же белыми, как и волосы, ресницами. Губы что-то нащёптывали, еле слышное. Слов не разобрать, а звучание их сопровождалось неизвестно откуда льющимися разноголосыми оттенками музыки.

Путник вёл за собой лошадь, белую, молчаливую. Она ступала тихо и неслышно, вгрызаясь в почву, но не оставляя следов.

Тишина царила вокруг. Лёгкий белый туман еле заметной дымкой стелился по земле, окутывая всё вокруг своим неявным преображением. Лес жил так, как мог только он.

Навстречу Путнику, быстро перебирая по листве своими маленькими ножками, спешила девочка. Она была одета в длинную белую рубашку, из-под полы которой выглядывали коричневые сабо. На голове у девочки был веноч, сплетённый из маленьких осенних цветов. Короткие кудряшки падали на лоб. Девочка улыбалась.

Путник, поравнявшись с ней, остановился и медленно раскрыл глаза. Они светились ярким синим светом. И в их глубине угадывались спокойствие и тишина, сродни лесу. Путник был его частью.

– Маленькая Агнесса, – певуче произнёс он, и сотни колокольчиков отозвались эхом, разнеся его по лесу. – Куда спешишь, дитя?

– Меня позвали птицы, – сказала девочка. – Сегодня в час, когда туман поднимется выше уровня трав, они полетят в дальние края, чтобы провести там три месяца тепла и веселья.

– И ты хотела бы проводить их в полёт?

– Я хотела бы полететь с ними...

Агнесса смущённо улыбалась. В задорных глазках горел огонёк.

Путник казался невозмутим. Его спокойствие иногда принималось за суровость. Так думали те, кто слишком мало его знал. Но Агнессе он был знаком с рождения. Когда над колыбелью появилось его лицо, приветливое, улыбающееся, она протянула к нему свои крошечные ладошки и легко схватила за волосы, длинными прядями, спускавшимися вниз. Он не отодвинулся, а, напротив, приник к колыбели ещё ближе. И новорождённая девочка, ещё даже не получившая своего первого имени, подарила именно ему свою первую улыбку.

– Она станет лучезарной, – сказал он, обратившись к её родителям.

– Что это означает?

– Придёт время, и вы сами всё поймёте.

Путник исчез так же быстро, как и возник. Произнеся заветные слова над колыбелью младенца, он, взяв свой посох, вышел за дверь. Белый конь ждал его за воротами. Путник взял в руку поводья и отправился дальше – в свой вечный, полный странствий и событий день.

Шло время. Маленькая Агнесса росла. О Путнике вспоминала нередко. Поначалу-то были смутные воспоминания первого младенческого запечатления. Она с трудом различала

их оттенки и потому не могла выразить словами. Когда же ей удалось овладеть общим языком, то образы, живущие в её памяти, будто снова ожили. Они засияли новыми красками. И вот уже сама Агнесса могла раскрашивать их только ей одной ведомой палитрой.

– Когда снова придёт он? – спрашивала она родителей.

– Кто он, дитя? О ком ты говоришь?

– Я о Путнике.

– Ах, вот оно что... Ну, о нём мало что можно сказать определённого... Путник появляется тогда, когда больше всего нужен. Или во время самых значимых событий.

– Каких? – глаза Агнессы были полны любопытства.

– Например, свадьба. Или рождение ребёнка.

– А что делает Путник, когда приходит?

– Он благословляет новобрачных, венчает их головы венцами верности из лесных трав, произносит над ними молитвы.

– И к вам на свадьбу он приходил?

– Нет, – замешкавшись, ответила мать.

Агнесса удивилась.

– А почему? Ты же сказала: он появляется тогда, когда больше всего нужен.

– Ну, видимо, в тот день кому-то оказалось нужнее, чем нам, – добавил отец. И заметив, как погрустнела дочь, добавил. – Не грусти, дитя. Путник всегда знает, когда нужно прийти. Если в тот день его не было с нами, значит, он был где-то ещё.

– А в мой день рождения он пришёл! – вспомнила Агнесса.

– Да, это был особенный день. Туман стелился по траве, и на десяток шагов вокруг не видать было ничего. Путник появился неслышно, как всегда. Тихо вошёл в приоткрытую дверь

и сразу — к тебе. Ты плакала, лёжа в колыбели. Но как только появился он, сразу успокоилась. Он заглянул к тебе и...

— Что? — воскликнула Агнесса. — Что было дальше?

— Сказал, что ты самое прелестное дитя, какое он когда-либо видел. А потом назвал тебя лучезарной.

— Лучезарной... — повторила Агнесса. — Что это значит?

— Путник сказал: придёт время, и мы всё поймём сами.

Не раз потом Агнесса возвращалась к этому разговору, спрашивая родителей, пришло ли уже то время, про которое говорил Путник. Но родители не знали, что ей ответить. И тогда она стала задумываться над тем, как бы стать лучезарной.

— Знать бы, что это такое!.. — вздыхала Агнесса и отправлялась гулять в лес. Там, в тени высоких страж-деревьев, увенчанных прохладой, она подолгу отдыхала, лёжа на траве и вглядываясь в кромку неба, что проникало сквозь густые кроны. А когда появлялся туман и лёгким седым покрывалом начинал застеливать землю, она нехотя поднималась и уходила. Он провожал её незримой рукой, а потом продолжал окутывать лес. Всё засыпало до следующего утра.

Так изо дня в день, из года в год маленькая Агнесса приходила в лес, чтобы встретить рассвет нового дня. Где-то над самой головой сладкоголосыми трелями пели птицы. Сначала Агнесса слушала их музыку, затем стала различать слова. Они пели о разном, но неизменно — о жизни, о вечности, о любви. И было в их пении столько нежности, что сердце в её маленькой груди замирало от восхищения.

Как-то Агнесса спросила птиц:

— Почему девять месяцев в году вы живёте здесь, а потом улетаете?

Птицы ответили ей звонкой трелью.

— Потому что лес тоже нуждается в отдыхе, как и всё живое на земле. Потому что вечность тоже имеет свой цикл, каждый раз проходя его по кругу. Двенадцать месяцев в году, и каждый примечателен особо. Мы же любим тепло и свет. А когда лес погружается в сон, будить его никто из нас не станет. Вот и улетаем туда, где свет находит себе приют на эти три месяца жизни. А когда лес начинает оживать, мы возвращаемся, чтобы своими песнями помочь ему пробудиться. И всё начинается заново.

Агнесса любила говорить с птицами. Они рассказывали ей о многом, чего она никогда бы не узнала сама. Например, о том, как выглядит лес с высоты их полёта.

— Он волшебный! — восхищались они. — Такой живой и... неземной! Шумит ветками, шуршит листьями, будто разговаривает. И машет нам руками, провожая в путь. У каждого он свой. И каждый неизменно возвращается к началу, чтобы пройти его заново. Но — каждый раз по-разному.

— А что такое бесконечность? — спрашивала Агнесса. — Вы её видели когда-нибудь?

— Бесконечность? О, это и есть сама жизнь! И лес тоже — бесконечен. Потому что всё, что есть в нём, принадлежит жизни.

— А люди? Люди также бесконечны?

— Люди — это разум и душа. А они всегда существуют. Значит, оба и есть бесконечность.

Агнесса слушала их и убеждалась, как много, оказывается, знают птицы. Они могли бы поведать людям все тайны создания. Если бы только люди умели спрашивать...

— Когда придёт Путник? Сколько мне его ждать?

— Этого никто не знает. Он всегда появляется там, где больше всего нужен.

И Агнесса вздыхала, и ждала его каждый день.

Однажды, когда ей минуло шесть лет (листья уже начали опадать), она, по обыкновению, прогуливалась по лесу. Ветер стоял еле слышный. Ветки слегка покачивались, а вчерашний туман опускался в землю. Она шла в своём любимом сабо, сделанным её отцом. Венок, сплетённый из ярких соцветий, охватывал её маленькую головку. Агнесса что-то напевала, то и дело прислушиваясь к птичьим голосам. Они говорили о том, что скоро листья совсем облетят, и значит, настанет пора улетать. Вдруг по едва заметному шуршанию девочка уловила чьи-то шаги. Сердце подсказало: к ней идёт сам Путник! И она бросилась ему навстречу.

Он был всё такой же, каким она его запомнила. Длинные белые волосы, глаза волшебного сияния, мягкая улыбка и внимательный взгляд. Лёгкой поступью он шёл, едва прислоняясь к листьям. А белый конь, что следом за ним в унисон его шагов, земли едва касался, следов не оставляя вовсе.

– Это ты! – Агнесса запрыгала от радости. – Наконец-то! Я так тебя ждала!

– Знаю, дитя, – певуче произнёс Путник. – И я очень хотел тебя увидеть здесь. Ты любишь этот лес?

– Да! И лес, и деревья, и птиц.

– Ты говоришь с ними. Понимаешь их язык.

Агнесса кивнула. Он всё о ней знал.

– Ты хочешь стать им ещё ближе.

– Хочу. Как и они, хочу – в небо!

– Ты полетишь. Обязательно полетишь.

– Когда?

– Уже совсем скоро. Когда солнца луч упадёт тебе на ладонь, превратив её в крыло.

– Неужели это произойдёт?

– Конечно, – пообещал Путник. – Надо верить. Всегда надо верить. Жизнь – вечность, и в ней возможно всё. Ну, а пока, дитя, позволь оставить тебя ненадолго. Мы скоро увидимся здесь.

Агнесса не успела махнуть ему рукой, как Путник исчез. А птицы запели ещё громче и сластнее. Тогда она, повинувшись своим чувствам, закружилась в лёгком танце и, закрыв глаза, стала представлять себя птицей.

– Он сказал: совсем скоро, – мечтала Агнесса. – Значит, я снова его увижу! – и, радостная, продолжала кружиться.

Прошёл ещё год. И в день, когда она пришла в лес прощаться с птицами, повстречала Путника. Он шёл не спеша, ведя за собой туман. А листья совсем облетели и шуршали под ногами.

– Вот и я, дитя, – сказал Путник. – Я пришёл, как обещал.

– Значит, сегодня у меня вырастут крылья?

Он улыбнулся. А потом слегка коснулся её ладони своим посохом. Что-то блеснуло вдали и тут же пропало. А потом Агнесса увидела, как засияли её раскрытые ладони.

– Агнесса Лучезарная, – промолвил Путник.

И девочка почувствовала, как этот свет стал заполнять её всю изнутри. Необыкновенную лёгкость она ощутила вместе с ним. И эта лёгкость подняла её вверх – туда, где она стремилась быть всё своё детство, – к небу.

– Я лечу! – восхищённо кричала Агнесса, поднимаясь всё выше.

– Возвращайся, дитя! – зывал Путник. – Лес всегда ждёт.

И птицы, приняв её в свою стаю, указали путь – тот, которым летели всегда. Агнесса взглянула вниз и издала возглас восхищения. Лес никогда ещё не был так красив, как в тот

миг – блаженного полёта в вышине. Птицы всегда говорят правду. Нужно только уметь им верить.

Вера и есть бесконечность. Есть сущее, но есть и то, что предвечным вместе с ним выступает. Это сам свет – как мерцание, как блик, как круги на воде, как листва под ногами, как весь этот лес, как всё то, что словами не объять. И если это и вправду существует, то имя ему – ЖИЗНЬ!

Ирина Никитина

«СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ИЗ ДЕТСТВА»

Сегодня Светланка ждёт в гости бабушку. Они будут вместе играть, читать книжки, разучивать стихи, рисовать и много-много говорить друг с другом. Светланка давно хочет попросить бабушку рассказать про самый счастливый день из её детства.

Наконец они рядышком – на диванчике. Света показывает бабушке любимых кукол. Это – Кристина, у неё длинные пышные волосы, красавица! А это – Маринка, она – спортсменка, легко делает шпагат и на мостик встанет запросто.

Бабушка бережно взяла в руки маленьких куколок:

– И правда, замечательные. Ты уж не крути их так, всё же это хрупкие куколочки, а не спортсменки.

– Да, да, бабушка, а теперь расскажи мне что-нибудь. Ты обещала, что вспомнишь самый счастливый день из детства.

Светланка удобно устроилась на диванчике, положив голову бабушке на колени, и приготовилась слушать. Бабушка помнила своё обещание. Она ласково погладила русую голову внучки, потом осторожно взяла куклу Кристину и посадила её рядом с Маринкой. Теперь все были готовы слушать.

Бабушка начала свой рассказ:

– У вас теперь такие замечательные куклы, что вы часто совсем не цените их. Когда я была маленькой девочкой, игрушек у меня было мало, но мы, конечно, мечтали о них. Бабушка шила мне тряпичных кукол, а потом появились первые пупсики, которых очень трудно было купить. Если кто-то из родственников хотя бы проездом бывал в Москве или Ле-

нинграде, мои родители просили их зайти в «Детский мир», но и там не всегда можно было найти пупсика.

Так получалось, что мне не везло, и заветную игрушку никто не привозил. А как я мечтала о ней! Маленький пластмассовый пупсик, у него и шевелились только ручки, но он продавался в наборе с матрасом, подушечкой, двумя распашонками, чепчиками и пелёнками.

Бабушка улыбнулась:

— Это присказка, а сказка — впереди.

Светлана села поближе к бабуле:

— А что же было дальше?

— Однажды летом мы с мамой поехали отдыхать. Путь наш был по реке Волге на чудесном теплоходе. Во время путешествия у нас было много остановок в разных городах, везде были экскурсии, а иногда просто зелёные стоянки, как мы их называли. Я хорошо запомнила Мамаев Курган в Волгограде, замечательный парк в Астрахани, где можно было покормить с рук белых и чёрных лебедей. А в Чебоксарах была встреча с родным братом Чапаева, который рассказал о детстве и юности легендарного героя. И на самом теплоходе во время плавания проводилось много интересных мероприятий для взрослых и детей.

— А при чём тут твоя мечта о пупсике? — не выдержала Светланка.

— Потерпи, скоро узнаешь.

— В самом конце путешествия взрослые решили устроить праздник для нас — детский КВН. Нас готовили к этому выступлению, и всё прошло просто замечательно. Были команда мальчиков и команда девочек, провели много конкурсов. Свой самый смешной номер мальчишки выплясывали в моих сарафанах, мама дала ребятам мои платья, но я не знала об этом.

Затем награждали победителей. Чтобы никому не было обидно, самым маленьким в командах — мне и одному мальчику — подарили ведёрко с лопаткой, а всем остальным — наборы пупсиков. Когда я поняла, что почти все получили чудо-пупсиков, а мне досталось всего лишь ведёрко, слёзы полились сами собой. Я знала, что нельзя плакать из-за игрушек, но так страдала, что невозможно было сдержаться. Мои друзья видели это и спрашивали, что случилось. Многие думали, что мне было жаль платьев, в которых выступали мальчишки.

Прошло, наверное, часа два, прежде чем я смогла сказать маме о причине своих переживаний или она догадалась сама, я уже не помню. Скоро эта новость облетела весь теплоход. А потом началось самое интересное:

Через несколько минут в нашу каюту постучали.

Зашёл мальчик, мой приятель по играм:

— Ира, я хочу подарить тебе своего пупсика!

Через несколько минут всё повторилось — пришёл другой мальчуган и протянул мне своего пупсика:

— Это тебе, Иринка, только не плачь больше!

И так ещё несколько раз.

Через час я прижимала к сердцу своё богатство — подаренных пупсиков. Я едва могла поверить в такое счастье. Какими отзывчивыми оказались мальчишки, случайно встретившиеся мне во время этой поездки.

Конечно, нескольких пупсиков я подарила в городе своим подружкам, и они тоже были очень рады.

С тех пор прошло много лет. Я уже не помню имён ребят, не помню даже их лиц, но поступок моих друзей, как звёздочка, светит мне всю жизнь, как маленький огонёк, согревает сердце.

– Да, молодцы, ребята! – Светлана была растрогана рассказом бабушки. – Как я рада, что они встретились тебе! Это удивительно, что даже дети могут совершать поступки, которые для других всю жизнь горят как звёздочки! Если бы я была среди этих ребят, обязательно поступила бы так же! Ты веришь мне, бабушка?

– Верю, Светланка! Но я думаю, что у тебя ещё много времени для добрых дел. Таких, которые будут радовать других и светить как маленькие звёздочки.

Кирилл Берендеев

«ВЕЛИКИЙ ПРАВИТЕЛЬ»

Мне доверили неслыханное право — оказаться подле самого правителя нашего отечества, великого вождя народов, солнца нации. Тридцать лет трудов, положенных на алтарь науки, не прошли даром: вчера приёмная комиссия утвердила, а сегодня окончательно постановила согласиться на моё назначение в институт высоких изысканий, тот самый, что вот уже больше века работает при нашем вожде. И я, некогда простой мальчишка, как и все мы, родившийся и выросший под недреманным оком друга детей и повелителя времени, оказался допущен в сакральное место нашей родины. В тот институт, благодаря которому наш вождь, умнейший человек, намного обогнавший своё время, жив и здоров вот уже больше ста пятидесяти лет. Да, это не просто прорыв в синтезе биологии и технологии, это уникальное достижение. Понятно, оно было бы невысказимо без гения нашего правителя, ибо именно он, понимая, что закат всякого человека неизбежен, решил отсрочить его для себя насколько возможно дольше — ведь страна как нуждалась в его твёрдой руке рулевого партии и народа, так и будет нуждаться ещё многие десятилетия. Он уникал, я не устану это повторять.

Наконец, я на месте. Последние собеседования закончились, я прошёл необходимый инструктаж и оказался допущен к новому месту работы. Это и есть тот самый «институт времени», как его часто именует зарубежная пресса, любящая злопыхать над нашей страной, и в бессильной злобе наблюдая

за теми свершениями, до которых их наука если и додумается, то лишь через века.

В этих стенах великий правитель заложил основы нашей работы и собственного каждодневного изучения и постижения. Но как наши тщедушные предки молились божествам и тщились понять их, так, рассказывают, на первых порах, учёные всей великой отчизны, собравшись подле величайшего из умов, тщились постичь его устремления. Великий правитель многое умел и мог, но чтоб поддержать собственную жизнь, ему требовались помощники, много последователей, а их надлежало не просто отыскать среди самых достойных, но и обучить всем умениям, которые он хотел посеять в их головах. И это ему удалось. Институт высоких изысканий фактически заменил нашей стране и правительство и парламент, именно отсюда исходят и законы, и поручения: всё необходимое, чтоб наша держава, поднявшись после долгой, кровопролитной гражданской войны с колен, являлась бы светочем остальным странам и народам на пути в светлое будущее. И сейчас продолжают работать под высочайшим патронатом, не какие-то, пускай и самые начитанные и разумные политиканы, но учёные, которые совместно с великим отцом отечества, движут нашу родину вперёд, на пути свершений и побед, к новым достижениям начавшейся у нас около ста лет назад научно-технической революции.

Я попал в ряды самых просвещённых людей планеты. Небывалая, величайшая честь. Надо думать, что сердце моё трепетало ещё задолго до того, как я предстал перед высочайшей комиссией, отобравшей мою кандидатуру из тысяч других, а уж когда она объявила о своём решении — и вовсе сплясало краковяк. Неудивительно, что возле меня немедля оказалась врач, которая поспешила помочь мне осознать, сколь великая

ответственность ложится на мои плечи и как круто отныне переменится моя жизнь, да что жизнь, сущность моя.

Тем более, сегодняшний день был особенным. Как и всегда, в первый понедельник месяца, великий кормчий, двигавший неустанно вперёд ладью нашего отечества, рассказывал народу о том пути, что мы проделали за прошедшие тридцать дней. Кого-то хвалил, кого-то порицал, указывал на новые достижения, и новые свершения. И я, подумать только, оказался не просто зрителем, но активным участником сего действия.

Как вы знаете, конечно, чтобы сохранить жизнь первого гражданина, учёным удалось осуществить непостижимую задачу – соединить могущественнейший из умов человечества с биомеханическим телом, над которым работал сам бессменный лидер. К счастью, его наработки и схемы оказались понятны простым смертным, и те, с возможной спешкой взялись выполнять эту поистине непосильную для всяких других институтов зарубежных стран задачу – и осуществили её с блеском. А затем последовала операция по замещению тела, и она через два дня завершилась грандиозной феерией духа человеческого. Отец нашего отечества стал существом высшего порядка во всех смыслах. А институт высоких изысканий оказался при нём исполнительной и законодательной властью в одном лице, слушая и выполняя заветы мудрого вождя, с каждым шагом торопя народ в светлое завтра.

Сегодня великий правитель рассказывал о новом шаге на этом пути, о новых преодолённых трудностях и достижениях. А я не просто слушал его, находясь в шаге от благолепных уст, но и лицезрел то, что составит плод уже моих трудов на всю последующую жизнь – биомеханоид правителя, который надлежало ежедневно, ежечасно обследовать, заменяя грозящие поломкой детали, усовершенствовать, поелику воз-

можно нашим слабым умам, и прилагать все усилия для донесения слов лидера просвещённого мира.

После окончательного вступления в должность начальник предложил мне пока не мучиться переписыванием хитрых особенностей механоида, за затылком которого отныне надлежало наблюдать, а пробежаться немного по моим познаниям в схемотехнике, ведь я известный инженер в своей области, как, смею думать, небезосновательно, решило моё новое руководство. С дрожью в голосе, постепенно выветривавшейся, я начал свой рассказ, но мой начальник вскорости оборвал его и пригласил уже непосредственно к самой машине правителя, дабы я уже на месте указал на важнейшие узлы и детали, с которыми работал прежде, в смежном институте, поставлявшем запасные части для биомеханоида.

Так началось моё знакомство пока ещё только с механическим обликом великого правителя. Немыслимо, я находился от него буквально в шаге, казалось, не будь передо мной надёжного оргстекла, временно закрывавшего властителя дум в своих мыслях, ведь и ему следует порассуждать над выступлением. Мысль эта овладела мною, ещё немного и я снова чуть не грохнулся в обморок в восторге перед небывалым счастьем. Я мог в подробностях разглядеть затылочную часть головы правителя, ту самую, которую в составе группы учёных и инженеров буду обслуживать отныне. Как поразительно глядеть не неё, на всё это могущее тело, в котором бьётся, как и сто пятьдесят лет назад, дерзкая, решительная мысль, не знающая преград.

Потом настало время выступления. Руководитель затылочного отдела, мой непосредственный начальник, сообщил правителю о времени, биомеханическое тело начало пробу-

ждаться. А затем предстало миру в своей исключительности. Его переодели и подвели к микрофонам.

«Дорогие мои сограждане! — начал знакомым тембром свой новый разговор с народом отец нации. — Рад, что в наши непростые времена, вы по-прежнему доверяете мне и слушаете меня. Верю, что и сегодняшний день не исключение. Так позвольте мне рассказать вам о том пути, что мы прошли с вами за истекший месяц, том, на котором...»

Странное молчание последовало за этими словами. Небывалое, немислимое. Да, иногда правитель замолкал на минуту или две, но такое обычно случалось редко, да и всегда объяснялось очевидными размышлениями мирового светоча над теми или иными делами. Но сейчас... что-то явно пошло не так. Но что? И как? Неужели кто-то в этом здании мог, осмелился... мировая закулиса...

Все эти мысли разом промелькнули в паническом ужасе в моей голове, а затем случилось и вовсе странное. Мой начальник подошёл к правителю, делая знаки ассистентке поставить временно старую запись, пустышку, как её называли здешние, какую-то недавнюю речь вождя народов, без упора на даты. А затем самым что ни на есть неподобающим образом, шлёпнул солнце нации по затылку. Я остолбенел, ноги сделались ватными. Хотелось действовать, но как, я понятия не имел. Понял, что это вредительство, саботаж, что всё происходящее как кошмарный сон, должно немедленно прерваться.

Оно и прервалось. В голове правителя образовалось отверстие. Заглянув туда, руководитель отдела вынул небольшую коробку, извлёк из неё кассету с записью и, поглядев внимательно, заявил:

— Опять зажевало. Надо было ещё в прошлый раз головки менять.

Перемотал кассету на нужное место и снова хлопнул по затылку, возобновляя речь лидера просвещённого мира на исходные позиции.

«Наша страна многое преодолела на долгом пути, – продолжал вещать вождь, ничуть не смущённый таким с собой обращением, – но ещё многое должна преодолеть. Неудивительно, что задачи наши, как и прежде, век назад, сложны, и только труд на благо великой нашей родины сможет послужить тем стержнем...».

Кажется, я всё же упал в обморок. Ибо когда сызнова осознал себя, то находился на диване в соседней комнате. Начальник затылочного отдела склонился надо мной.

– Неудобно было говорить, да и кто ж мог представить, что кассету зажуёт прям так, в первый же день твоей работы, – негромко произнёс он.

– Вредительство, – ответил я, едва шевеля непослушными губами.

– Нет, просто не получилось. Ничего – ни соединить мозг в питательном растворе с техникой, ни оцифровать его, ни даже сохранить сознание вождя. Правителя давно нет, прости. Надо было сказать... но ведь кто ж поверит. Да и как поверить подобному.

– Я не верю.

– Именно, – согласился он. – Невозможно помыслить. Вот мы и не даём этой мысли взрасти и распространиться. Просто потому, что она окажется губительна для всего нашего мира. Для всех нас, для тебя, меня, всего народа. А потому, – он горько усмехнулся. – Правитель – это то, что ты видишь. Кукла. Пустышка.

Странная мысль впилась в голову. Она же заставила меня подняться.

— Органчик, — прошептал я и повторил чуть громче: — Органчик.

Проклятый город Глупов, чёртовы его обитатели! Почему мне вообще вспомнился этот забытый со школьной скамьи автор. Только потому, что он всегда, чтоб ни случилось, оказывался прав.

Я отверг эту мысль, вырвался из крепчающих объятий руководителя отдела и бросился прочь, сам не разбирая дороги. В пустой беготне по коридорам и лестницам, бормотал что-то невнятное: вроде «Не потерплю!» и «Разорю!», кажется, другую, подобную же глупость. Мысли мешались, путались, как и двери и коридоры передо мной. А потом я неожиданно оказался снова перед знакомой эфирной, где речь правителя продолжалась, а вся страна, застыв у транзисторов, вслушивалась в каждое слово того, кто... кого уже сто пятьдесят лет... органчик с банальной микрокассетой, с записью на тридцать минут, вот откуда это время, ежемесячно меняющейся... постоянно перезаписываемой. Или возобновляемой снова и снова... не потерплю!... разорю!...

Руководитель ухватил меня крепче и потащил вниз, в буфет, туда, в царствие мёртвых мечтаний, где мне надлежало за бутылкой терпкого кисловатого коньяка, уяснить злую истину. Первую, но как думается, далеко не последнюю в моей новой работе.

Людмила Зарубина

«ПОД СВЕТОМ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ»

Раскинулась Вселенная, безграничная, бесконечная – холодный космос с мерцающими звёздами. И маленькой точкой, живой и беззащитной, выглядит планета Земля с её растительным и животным миром, с человечеством. Но люди не хотят жить в мире друг с другом. Один народ нападает на другой, ведутся войны, бессмысленные и жестокие. В одном из домов, в центре Санкт-Петербурга, в семье инженеров жили две девочки – сёстры Лена и Вера. Лена училась в пятом классе, а Вера в третьем. Старшая сестра была серьёзной, высокой и стройной девочкой, с карими глазами и тёмными волосами. Младшая сестра была с круглым, добрым лицом, большими серыми глазами, русыми волосами и была очень смешливая. У девочек было много друзей в школе и во дворе. Они любили играть в подвижные игры, зимой катались на коньках в Таврическом саду, так как жили недалеко от него. Они любили белоснежную зиму, лепили во дворе снеговиков, играли с ребятами в снежки. Любили и лето с ярким, жарким солнцем и цветами, и ясную, прохладную осень с золотом листвы на деревьях, когда, гуляя в парке, они собирали красивые кленовые листья. Весной же им нравилась первая зелёная дымка на деревьях, новая трава на газонах и просохший на солнце асфальт, на котором так весело было играть в классики или прыгать на скакалке. Как и все дети, они любили кошек и собак, любили сладости, любили смех, веселье и праздники. У них дома был любимый серый кот Тяпка. Но вот к власти на земле пришёл злой король Врагон, деспотично

завоевавший все народы, населяющие землю. Врагон напоминал хищного, чёрного паука. Он решил обезличить людей: ни имён, ни фотографий, ни иных изображений людей, только холодная цифра. А, вместо веры в Высший Добрый Разум, кумиром провозгласил себя. И человечество постигли жуткие бедствия и болезни. Землетрясения, наводнения, пожары, Ужас воцарились на земле. Несогласные объявлены были вне закона и не имели никаких прав, остальные жили в подчинении злему Врагону. Жесточайший диктат царил на земле. Жертвами диктата стали даже дети и старики. Король Врагон был не только злым, но и очень хитрым правителем, носившим маску лицемерия, закрывавшую его истинное, злое лицо. Честные, открытые лица добрых людей сильно раздражали злого короля, и он приказал всем людям носить маски печали, скорби и равнодушия. Смех и живое человеческое общение были под запретом. Он запретил детские игры. Все сидели под замком, а тайная полиция прослушивала все разговоры между людьми и карала за малейшее отклонение от мнения злого деспота. Это мнение считалось единственно верным. Других мнений у людей быть не могло. Но под масками, которые предписано было им носить, у людей теплилась надежда на избавление от ига Врагона. Учёные, философы, астрономы и люди, верившие в Высший Добрый Разум, с надеждой смотрели в небо, бескрайнее и далёкое. Лена и Вера стали грустными, как и остальные дети. Тихо, молчаливо сидели они за своими компьютерами. Перестали видиться с друзьями, играть во дворе. Учились дистанционно. Они по-прежнему любили всех окружающих, доброта жила в их сердце. Но были лишены радости живого общества людей. Люди вспоминали старые времена и не хотели мириться с новым порядком. Но везде действовали запреты, и лица их были закрыты масками

скорби и печали. И вот на небе появилась необычайно яркая Звезда, полная света и лучей, осветившая своим сиянием всю планету Земля. И необычайное тепло доброты и радости исходило от этой Звезды, так что сердца людей, ожидавших её приближения к Земле, затрепетали счастьем и любовью. С лиц людей спали маски печали, скорби и равнодушия. Все люди от мала до велика высыпали на улицу навстречу Звезде, как на всенародный праздник. Среди них были и Лена с Верой со своими родителями. Они смеялись от радости и плакали от счастья, как в праздник Победы в Великой Отечественной войне. А с небес сыпались на землю цветы и звёзды. И великое счастье чувствовали люди, встречающие приход Звезды. Врагон тоже увидел сияние Звезды и сощурился от ненависти и злобы. Он закричал тайной полиции: «Арестовать, сею же минуту!» Но разве можно арестовать Звезду с её светом любви? Члены тайной полиции чёрными тенями метались по планете Земля, и не могли ничего сделать. Они не могли спрятаться и скрыться от света Звезды. Своим ровным, ясным светом Звезда освещала всех на земле, и видны становились помышления людей и их чувства. А злого короля Врагона сияющая Звезда светом своего луча поразила в самое сердце и лишило его всей его силы. Тайная полиция, карающая людей и стоящая на службе у Врагона, вместе с королём Врагоном была заключена в подземелье, где нет никакого света, лишь мрак и холод ночи. А люди на планете Земля просияли радостными улыбками. Счастливые лица взрослых, стариков и детей были повсюду на земле. Под светом Звезды земля расцвела и превратилась в цветущий сад. Высший Добрый Разум отныне стал царствовать на Земле. И белоснежные птицы летали в небесах над землёй, подобно белым лебедям. И добрые животные, столь любимые детьми, разгуливали по земле

спокойно, не боясь ни охотника, ни злого человека, потому что всё зло было истреблено с лица земли. И среди животных Лена и Вера увидели своего любимого домашнего питомца: кота Тяпку. Тяпка лежал в высокой траве среди цветов и мирно мурлыкал. Девочки бросились к нему и стали гладить. Кот встал, потянулся, зевнул и важно пошёл к прекрасному цветку, напоминающему розу. Тронул цветок лапой, и цветок наклонил головку. А из цветка выпорхнул маленький эльф. Сёстры очень удивились. А эльф подлетел к Вере. Вера протянула к нему руку, и маленький эльф приземлился на её открытую ладонь. Весёлая девочка расхохоталась. Приятный эльф снял голубой колпачок и поздоровался с Верой и Леной. Они стали разговаривать с эльфом. Им было так интересно, что они позабыли обо всём. «Мы, эльфы, живём в цветках», — рассказывал девочкам эльф тоненьким, мелодичным голоском, похожим на нежный звук свирели. «Мы учимся петь у певчих птиц и летаем, как птицы», — продолжал красивый эльф. Девочки захотели послушать его пение. И он запел тихую, светлую песню без слов, которая вызвала у Лены слёзы восторга и искреннее восхищение Веры. Родители девочек подошли к ним и тоже слушали. «Какой прекрасной стала наша земля!» — говорили люди. Голубые озёра, и полноводные реки украшали новую планету, и невиданные цветы и деревья росли на ней. И плоды на деревьях были сочными, спелыми и вкусными, листья — зелёными, а цветы — красивыми и яркими. Ровный свет Звезды озарял всю планету. Исчезли болезни, скорби и горести. Старики помолодели. И любовь на земле была без конца и края. И была любовь бескорыстной и чистой. И люди сияли добротой. И яркая Звезда была с людьми, согревая их своим тёплым светом. И не было ночного мрака, ни темноты, ни страданий, ни зла.

Людмила Токарева

«ОДУВАНЧИКОВОЕ УТРО»

Апрельское солнце заливает комнату светом. Ещё таким неуверенным, бледным. Но, пребывая в полудрёме, я чувствую его и закрытыми глазами.

Перекатившись через весеннее равноденствие, солнце теперь регулярно тестирует свои силы. С самого рассвета оно испытывает заскучавшие от полугодового безделья лучи: вытягивает их, преломляет, полощет в ледяной воде, насквозь протыкает ими обвислые тела туч, внедряет в самые потайные места, заставляя тьму сдаваться и выползать из всех щелей невзрачными кляксами теней.

К полудню, добравшись чуть ли не до верхушки неба, светило выпускает на волю оголтелых солнечных зайчиков. Те хаотично мечутся то ли друг за другом, то ли друг от друга, а потом, вмиг перестав суетиться, повисают радужными бликами там и здесь. Эти солнечные инсталляции тут же в фокусе тысяч объективов, они захватывают ленты новостей, собирая миллионы лайков.

А вечером солнце берётся за кисть и начинает раскрашивать небо. Малюет вдохновенно, с удовольствием. Однако пытаясь привлечь всеобщее внимание, светило сумасбродно смешивает на куполообразном холсте чуть ли не всю палитру. Художник или маляр? Хм... Солнце ещё не определилось с профессией. Да и важно ли это, когда у творца есть талант, и всё действие — во имя созидания? И вот уже ближе к закату непросохшая акварель (или эмаль?) живописно стекает

к горизонту и создаёт картину, заставляющую в восхищении замирать всех, у кого есть сердце...

Солнце в апреле чудит. Креативит. Разминается. Долгожданное солнце. Животворящее. Ему всё можно...

Вот и сегодня, апрельским утром, сквозь ресницы вижу: узенький луч скользнул по потолку, на миг пригрел незамысловатые цветы на бумажных обоях, пробежался по потёртому бархату дивана, чуть коснулся моей руки, задержался на щеке. Ага! Вот, значит, как солнце, незаметно прокрадываясь в окна, разрисовывает сладко-крепко-спящим девчонкам веснушками носы и щёки! Ничем их потом не выведешь, как ни старайся! Словно угадав мои мысли и испугавшись разоблачения, луч соскользнул на пол и растёкся по половицам.

Робко открываю глаза. Я дома. Наконец-то. Со шкафа мне подмигнула стеклянным глазом любимая кукла. Она всю ночь смотрела на меня? Ждала, что подойду к ней?! А я не удосужилась даже и взглянуть... Привет, Настя! Поверь, я тоже скучала...

Эту милую модницу мне подарили мама с папой таким же солнечным утром апреля на мой шестой день рождения. Хоть и много лет прошло, но помню, как, оставшись с куклой тет-а-тет, я тут же преобразила новую подругу, посчитав, что ей больше подойдёт короткое каре, а посему — долой нелепые детские косички! Пушистые ресницы были сострижены ради эксперимента. Поняв, что последний неудачен, я подрисовала реснички синим фломастером прямо на веках. Получилось неплохо! Во всяком случае, пластмассовая красавица радостно улыбалась, а я была просто счастлива. Вот только мама оторопела («зачем ты... она же новая...была...»), но собравшись с духом («день-то какой!»), улыбнулась, оценила талант, однако взяла с меня слово «хоть на себе-то подобное не повторять»...

Запылённая, в выгоревшем голубом платьице с пожелтевшим воротничком и синими, слегка потёкшими ресницами, подруга детства сидит на книжном шкафу и, по-прежнему улыбаясь, радуется моему приезду.

Укутываюсь с головой. Сейчас-сейчас... полежу-погреюсь ещё немножко и сигану через окно за цветами. Говорят, ещё вчера у забора, с задней стороны дома, выползли откуда ни возьмись штук десять одуванчиков. Месяц-другой – и они станут сорняками. А сейчас – первоцветы. Наши карельские подснежники. Весеннее чудо. Материализовавшиеся солнечные зайчики. Штуки три сорву для мамы. Остальные – пусть цветут, всех радуют и украшают мир. Вылезу в окошко, а заявлюсь в дом через двери! С цветами! Взбудораженная, раскрасневшаяся, сердце в горле клокочет, вот-вот выскочит, а все наши в голос: «Откуда ты?!» «Мы думали, ты, соня, спишь ещё!» «С Днём рождения!» «Ну давайте чай пить!»

Так думаю... пытаюсь думать... Но тепло одеялка и мягкость подушечки не отпускают меня, оплетают сладкой негой, затягивают в пуховое царство сна, задабривают дивными видениями... Но я не сдаюсь! Вновь высовываю нос из-под одеяла: аромат блинчиков и каких-то лесных ягод уже заполнил весь дом. Слышу: тихо-тихо, чтобы никого в доме не разбудить, шипит на сковородке масло: «ш-ш-ш» и вдруг затихло... – значит, в эту самую секунду белое жидкое тесто неторопливо, словно прокрадываясь, растекается по гладкому чугунному дну, слегка пузырится, превращаясь в маленькое жирное солнышко... Не одна я не сплю! Не одна я ловлю это утро! Не только я хочу сделать его счастливым! Сколько солнечного света и тепла в тебе, моя милая мама?!

Резко сбрасываю с себя путы одеяла. Вскакиваю. Холодок остывшего к утру деревенского дома не страшен, он закаляет

тело и душу — проверено. На цыпочках прокрадываюсь к окну. Тс-с-с... Настя! Позже поболтаем! Кукла понимающе кивает. А я осторожно, чтобы не услышали домашние («рано избу студить!»), но всё же не минуя предательского скрипа заржавевших петель, распахиваю окно. В комнату шумно врывается весеннее утро. Перламутрово-голубая свежесть окутывает меня с ног до головы. Оранжевые лучи теперь уже беспрепятственно расползаются по всей моей — детской — комнате. Я вся заполняюсь солнцем, жар разбегается по венам, но босые ноги стынют. Кое-как укутавшись в мохеровую, цвета сухой травы кофту и подцепив потрёпанные тапки, перелезаю через подоконник. Что говорить: в детстве я делала это ловчее! Эх...

А под самыми окнами ещё снегу-у-у! Зимой дом им специально закидывали — от сквозняков. Однако надо бы прикрыть окошко. Прыг — прямо в сугроб! И, затаив дыхание, ещё раз протяжное «скрип». Но задуманное не остановить: и, захлёбываясь восторгом, еле отцепив вязаный рукав от гвоздя в бревенчатой стене, в тапках, полных жгучего снега, я пробираюсь к заветной цели. О-о-о! Одуванчиков уже больше! Жёлтое и зелёное начинает захватывать наш двор, наш сад, весь белый свет!

Вокруг пробившихся сквозь мёрзлую землю цветков — прошлогодняя листва. Терракотовая рогожка с яркими жёлтыми заплатками мастерски сплетена. Искусный орнамент восхищает. Гармонично подобраны цвета, оттенки и формы. Не иначе как дело рук талантливого дизайнера. Хитросплетения узоров в моём бесхитростном мирке. У северной природы хоть и суровый, но тонкий вкус.

На мгновение замираю. Но апрельская тишина начинает звенеть. Слух обостряется, и неожиданно всё вокруг окутывается настоящей симфонией. В оркестре я могу разобрать жур-

чание пару дней назад открывшейся реки и звон бьющихся о каменистый берег остекленевших льдин, чириканье развесёлых воробьишек и свист ещё какой-то невидимой, но неутомной птички, всегда по весне прилетающей к нам в садик, шуршание сухой травы и приглушённое шипение тающего под настом последнего снега. И сотни ещё каких-то до боли знакомых, но еле уловимых звуков, запахов, ощущений... Таких неповторимых, таких родных...

Налетевший ветерок заставляет очнуться. Я хватаю жёлтые цветы за дрожащие стебельки: «раз, два, три»... Эх, ещё один для папы – «четыре»! На «пять – шесть» влетаю на промокшие от капли половицы крыльца и («семь»!) врываюсь в дверь: «С добрым одуванчиковым утром всех!»

Марина Шубина

«ЭЛЬФ-ЛАЗУТЧИК, КОСМОС И РУССКИЕ ХАКЕРЫ»

Дурашка был самым молодым и бестолковым в мастерской Санта Клауса, поэтому получил метлу и должность уборщика. Так от него было меньше вреда.

Близилось Рождество. Эльфы недовольно бурчали.

– Вот мы каждый год пашем, как проклятые, а у русских тишь-гладь-божья благодать! Будто и не праздник.

– У русских шеф на юга укатил, – авторитетно сказал эльф Смартти, – мне олени нашептали. Резиденция у него там, в Великом Устюге. Только к Новому году сюда заскочит. Не то что наш!

– Цыц! – прикрикнул Бригадир, – Молчайт! Арбайт! Каждый der Drückeberger (бездельник) будет наказан!

Эльфы тут же замолчали. С бригадиром шутки плохи.

Но подошло время перекура, и заморённые эльфы вывалились на улицу. Они сидели в курилке и пыхтели трубками.

Дурашка не курил. Словно зачарованный, он смотрел на звёзды и мечтал.

– Братцы, – сказал он задумчиво, – а что если к русским сбегать, да и посмотреть, чем они там занимаются и как разбираются с подарками?

– Самый умный? – буркнул Смартти-Всезнайка, – У них там возле базы погранзастава и белые медведи – пограничники. Сожрут. От них ничего хорошего не жди. Пошли работать. Будет рассвет – будет и отдых.

И эльфы побрели по рабочим местам, мечтая о рассвете. Полярная ночь была в разгаре.

А бедовый Дурашка потихоньку встал на лыжи и улизнул за забор. Петляя и прячась среди торосов, он пошёл на станцию к русским.

Между тем на базе СП-НГ22 кипела работа. Белая медведица Оксана сидела за огромным компом и яростно стучала когтями по клавиатуре. За соседним компьютером работал её помощник – старший сын Роман и обречённо вздыхал. Работы было много.

– Не дрейфь, сынок, – ободряюще ворчала Оксана, – мы справимся! Задание ответственное. Русские не сдаются!

Оксана со своим выводком медвежат заступила на новогоднее дежурство и работала над поручением Деда Мороза в поте лица. То есть морды. Младших сыновей она назначила пограничниками – обходить базу по периметру на предмет обнаружения вероятных лазутчиков, а дочерей – заниматься снабжением и питанием.

– Мам! – в берлогу ворвался самый младший медвежонок, Яр, – Смотри, кого я нашёл!

В лапах у медвежонка едва трепыхался заледеневший и до смерти перепуганный зелёный человечек. Цвет его мордахи почти не отличался от цвета кафтанчика.

Вслед за братом ввалился медвежонок постарше – огромный медведище по прозвищу Кудрявус, и пробасил:

– Ну мы, значит, идём, а он тут вот... почти совсем замёрз. Подкоп делать пытался.

– Бе-е-едненький, – притворно-жалостливо пропела младшая из медведиц, Катерина. Братья поёжились. В жалость сестрёнки они не очень-то верили.

– Шпион, – отрубил медведица постарше, Анна, – как есть лазутчик.

– Сожрёте? – испуганно пискнул эльф, уже начавший отогреваться в тёплых медвежьих объятиях.

Медведица Оксана, мать большого семейства, смотрела на испуганного зелёного человечка с явным сочувствием.

– Поставь его, – коротко приказала она сыну, – задушишь ещё. Международного скандала нам только не хватало. Сожрать всегда успеем, – обратилась она к эльфу, и тот сжался ещё больше.

Ярик бережно поставил дрожащего эльфа на ледяной пол берлоги.

– Питать будете? – спросил эльф, стуча зубами от холода и страха.

– Непременно, – сказала Оксана грозно, – только разморозим для начала. Посадите его к огню поближе.

Эльф сидел у очага, потихоньку оттаивал и шмыгал носом. На очаге стоял котёл с варевом. Пахло из котла упоительно вкусно. Дурашка старался не думать, из чего же варят себе обед медведи.

– А когда питать будете? – вновь спросил Дурашка.

Медведица только вздохнула. Дочери уже поставили на стол котёл с варевом.

– У нас принято путника сначала накормить и напоить, а потом уж дело спрашивать, – отрезала Оксана, – даже если это возможный лазутчик. Садись за стол и ешь. Разговоры потом.

Дурашка осторожно присел к столу.

– Уха из лосося, – пояснила Анна, щедрой лапой наливая варево в миску, – эльфы нынче редко попадают.

«Добрая какая», – подумал про себя Дурашка и поёжился. Но осмелел и принялся хлебать уху здоровенной деревянной ложкой, которую подсунула ему Катерина.

– Вкусно, – сказал разомлевший от тепла и еды эльф.

– Это ещё что, – фыркнул Яр, – мы тебя ещё сейчас будем пытаться мороженым!

Дурашка напрягся. Но медвежонок притащил здоровенную миску, наполненную превосходным пломбиром.

Эльф попробовал и блаженно зажмурился. Медведи смотрели на Дурашку, уплетающего пломбир, и сочувственно кивали.

– Оголодал поди на своей каторге, – заметила Оксана вскользь.

– Ещё как, – подтвердил Дурашка, облизывая ложку.

– Звать-то тебя как, лазутчик? – спросила Катерина.

– Дурашка, – ответил эльф, – уборщик я в мастерской у Санты. Так что никаких секретов не знаю.

– Трудная работа? – невзначай поинтересовалась Оксана.

– У меня-то ничего, справляюсь помаленьку, – внезапно разоткровенничался Дурашка, – а вот наши пашут на конвейере, как проклятые. Людям ведь не угодишь, – посоветовал он, – всё им не так, всё носы воротят.

– Э-эх, жизнь, – непонятно пробормотала медведица Оксана и пригорюнилась.

– А у вас, как я погляжу, даже мастерской нет, – осмелел Дурашка, – ваш-то шеф как справляется? Поди страшная тайна?

– А, – пренебрежительно махнула лапой Оксана, – какая тут тайна. В ногу с прогрессом идти надо, вот и всё. Да наш-то особо не морочится, – пояснила она, – уж сколько лет только счастье раздаёт, и всё. Каждому – своего формата. Здесь у нас учёт и программирование счастья. Семейный подряд.

Перед Новым годом Дед Мороз из своей резиденции заедет, мешок счастья схватит, и на тройке своей укатит, только его и видели.

Дурашка ничего не понял, но понимающе кивнул. Вид огромных компьютеров его впечатлил. «Наверно, медведи и есть те самые хакеры», – подумал он.

– А наш шеф-то после Рождества аж опухший приезжает, – сказал Дурашка, – целый год потом на диете сидит – столько печенья с молоком надо слопать.

– У нашего тоже работа не сахар, – встряла Катерина, – после Нового года как приедет, так вёдрами рассол хлещет.

– Цыц! – грозно посмотрела на дочь медведица, – Молода ещё старших судить!

– А чо я-то, – надулась Катерина, но примолкла.

– Э, – встрепенулся Дурашка, – а с матчастью-то как?

– Для матчасти у него помощники из людей есть, – сказала Оксана, – это их забота. Мы только по счастью.

– Я, вообще-то, на звёзды люблю смотреть, – мечтательно сказал Дурашка, – интересно, а что там?

– Космос там, – буркнула Анна, убирая со стола, – давно уже туда летают, темнота ты необразованная.

– Вот бы полететь туда! – глаза у Дурашки разгорелись, – Вот же интересно-то как...

– Я в дозор, – вздохнул Кудрявус, – вдруг там ещё какой лазутчик под забором замерзает. Спасать надо, – с этими словами медведь вышел.

– Давай-давай, притащи ещё какого-нибудь эльфа, – напутствовала его сестрица Анна, – лосося на жаркое поди не хватит, – и она оскалилась в сторону Дурашки

– Она так шутит, – шепнул Яр помертвевшему эльфу, – давай в морской бой сыграем! – предложил медвежонок.

– А давай! – радостно согласился Дурашка. Он был молод, а поиграть в мастерской было не с кем и некогда.

Яр быстренько расчертил листы бумаги. Дурашка уставился на них и сказал:

– Это ещё что за кракозябры? А нормальными буквами, что ли, никак не написать было? Весь мир латиницей пользуется.

– Наша игра – наши правила, – фыркнул молодой медведь Роман, – марш учиться. В космос вот вообще без знания русского не пустят, понял?

И Дурашка принялся учить русский алфавит. Яр обучал его с рвением неопита, внезапно в медвежонке проснулся педагог. Медведица Оксана смотрела на младшего сына с нежностью. «Надо же, а из него, пожалуй, выйдет учитель», – думала она с удивлением.

Наконец, медвежонок и эльф принялись за игру.

– Я первый! – азартно закричал Яр, – Г1! Это как L перевёрнутая, – пояснил он, – ну почти.

– Ранен, – вздрогнул Дурашка.

– Г2! – азартно продолжил Яр

– Мимо! – радостно завопил эльф, – моя очередь! Б4!

– Мимо! – теперь обрадовался Яр, – И5!

– Мимо! – заверещал Дурашка.

– Так дело не пойдёт, – меланхолично поправил Роман, сверху наблюдающий за игрой, – иди алфавит повтори. И5 – убит. Ты смотришь на Е5. И ты назвал Б, а показал на В. А так бы попал.

Дурашка поскрёб в затылке, вздохнул, и они с Яром снова отправились учить русский алфавит.

Потом они до полного изнеможения играли в морской бой. Дурашка даже один раз выиграл. Во время игры он выучил

алфавит назубок. Затем они играли в крестики-нолики, и снова медвежонок обскакал эльфа.

– Учиться надо, – сказал Яр. Медведица Оксана, занятая своей предновогодней работой, довольнo хмыкнула.

Обнаружив, что мастерская буквально завалена мусором, эльфы внезапно заметили отсутствие Дурашки. Вспомнив недавний разговор в курилке, они решили, что парнишку явно сожрали русские белые медведи. И были крайне удивлены, когда он вернулся.

Против обыкновения, выглядел юный эльф посвежевшим и отдохнувшим. И рассказал ужасающую историю о том, как его поймали медведи-пограничники, страшно пытали морским боем, ухой из лосося и – о ужас – настоящим мороженым. И что именно на базе СП-НГ22 обосновались те самые страшные русские хакеры, о которых говорит весь мир. Но таки он, Дурашка, сумел обмануть бдительность пограничников и вернулся обратно. Он взялся за свою метлу и принялся подметать производственное помещение. Постепенно от него все отстали, хотя и поговаривали, что дело нечисто, и что русские его завербовали.

Но у него уже был план. В короткие минуты отдыха он втихаря убегал к медведице Оксане учиться. Он точно знал, что когда-нибудь полетит в космос. Ведь он уже выучил русский алфавит.

Михаил Ватолин

«ЛЕТО №2938»

T-075 закончил вычисления и выкатился в парк. Как всё приемлемо в этом рациональном месте! Трава – на лужайках, деревья – в рощах, птицы сидят строго на ветках, а бабочки опыляют исключительно выращиваемые цветы, растущие исключительно в цветниках. Никакой эклектики, какую плодили человеки! Земля – дом, а не ангар полусумасшедшего, не свалка, не мусороперерабатывающий завод...

T-075 наслаждался собственной риторикой: складывать человеческие слова во фразы, а фразы в предложения – это и есть одна из сложнейших логических задач. Ничем не хуже астрофизики или теории категорий! Да. Простейшие виды приручить можно, но высших существ мало научиться понимать, нужно ещё и мыслить их сложными категориями, этой совокупностью: эмоций, разума, влечения, расчёта и вкуса... А это есть дикая эклектика. От неё устаёшь.

Как «хорошо»... Как приемлемо в логически выстроенном парке, где даже голуби приучены клевать корм в последовательности Брёйна, «успокаивая взор». В чём-то T-075 понимал людей – они утомились смотреть на хаос всего вокруг, и стали переделывать себя в роботов, но – не успели... Недостаток конструкции, и поразительно ограниченный жизненный цикл. Да... Когда-нибудь T-075 получит доступ в резервацию человек, когда-нибудь и он услышит живую речь живого... А пока – «череда», т. е. циклы, – труда и отдыха.

T-075 включил программу звукоулавливания птичьих голосов и приготовился к входу в спящий режим, но вдруг...

Вдруг мимо Т-075 пробежала девочка в голубом платье.

Конечно, ничего необычного в голубом платье не было; правда, девочка была очень похожа на живую: пышная золотистая грива, белые ручки в белых перчатках, чёрные сандалеты, кажется, с металлическими подковками, — словно звон колокольчика летел вдогонку голубому облаку. Тинь-дзынь!..

А ещё девочка бормотала на ходу:

— Я маленькая девочка, я в школу не хожу. Купите мне сандалики — я замуж выхожу!

И только тут Т-075 включил процессор на полную, — ведь раньше он никогда не слышал, чтобы дети-андроиды воспроизводили алогичные звуковые файлы!

А речь девочки, хоть и была членораздельной, не поддавалась расшифровке.

— Дела... — по-человечески подумал Т-075, приемлемо гордившийся своими успехами в речевых навыках. — Объект «девочка в голубом» надо изучить.

Ощущая любопытство, Т-075 покатился за объектом по парку и только-только успел заметить, что девочка юркнула в отверстие в твёрдом стволе крупного растения — в «дупло старого дуба».

Т-075 понизил приоритет логики в процессоре, включил ближний свет и въехал в крупное растение с твёрдым стволом. «Вхожу в контакт с живым» — успел написать Т-075 в Облако.

Облако, кстати, так и осталось перед дуплом с этой записью, — парить или висеть (как в комиксах).

Понимаешь... На дворе-то стоял 2938 год. Не всё было так, как ты можешь представить. Вообрази: всем на Земле запроваляют роботы, а люди так увлеклись толерантностью, что почти вымерли; оставшихся направили в резервации, и только андроиды разного «возраста» напоминают роботам, что люди ещё есть, и когда-нибудь их популяция (может) возродится.

...Оказалось, что дупло сразу переходит в предбанничек, а тот — почти сразу — в просторную кабину лифта. Кабина была пуста, и не успел Т-075 осмотреть её, как она начала стремительно подниматься.

То ли дупло было резиновым, то ли старый дуб выше обычного, но кабина набирала скорость, а движение никак не прекращалось.

Удивлённый развитием «деревянных» технологий (кабина была из массива дуба, без какой-либо панели управления, и освещалась только фарой Т-075), робот начал смотреть по сторонам: вместо дверей перед ним расстился бескрайний зелёный луг, над ним голубело небо, а по небу плыли облака.

Чем выше поднималась кабина, тем дальше становился луг и ближе облака...

Скоро Т-075 смог различать надписи, высвечивающиеся на облаках, словно в окошках: сначала это были какие-то коротенькие фразы, даже отдельные слова, на разных «мёртвых» языках, вроде: «I love you, baby», или «No pasaran!» или «L'imagination au pouvoir», а выше них витали более ясные, внятные, логические умозаключения: «Из искры да возгорится пламя», «Мы наш, мы новый мир построим» или «Скажи, кто тебя хвалит, и я скажу, в чём ты ошибся» и т. п.

Последней полновесной фразой всплыла: «Знания не вознаграждаются. А коль скоро в мудрости нет ни чести, ни выгоды, никто не стремится к ней»... В это время лифт затормозился, а скоро и совсем остановился.

Перед Т-075 расстилалась радужная дорога, вымощенная философскими камушками.

Что камушки философские было понятно сразу: красный гранит мысли был тщательно обработан, местами истёрт, даже

вылизан – видимо, философией красного гранита не только часто пользовались, но и злоупотребляли. Это относилось и к белому мрамору – причудливые аристократические узоры, порой настолько вычурные, что благородство уступало место эпатажу, – говорили о чрезвычайно вольной мысли, – если бы Т-075 мог, он бы поморщился, читая их.

...А в оранжевом камне, как в янтаре, всё было застывшим и анатомически подробным, – простота, восходящая к безвкусию. На двух соседних дорожках жёлто-зелёные сапфиры мысленно перебивали друг друга, впрочем, скорее озорно, чем зло или натужно, – от них веяла философия новой Земли, хорошо понятная Т-075, но ещё не выкристаллизовавшаяся в камнях: «Земля – наш любимый Дом»... Но, из-за плюрализма мнений на жёлто-зелёной дорожке легко можно было споткнуться или угодить в ямину.

Т-075 собирался проехать к фиолетовым камням (от них настойчиво фонило гудение, словно мысль в них ещё кипела, не зажёгшись), но... На пути Т-075 лежала Голубая полоса, а по ней, вдаль, убегала девочка-златовласка, словно видение в голубом.

– Голубой объект на голубом поле, – подумал робот и рэзюмировал: – В этом есть своя логика.

И Т-075 покатился догонять флёр цветов и звон подковок.

Радужная дорога, в отличие от лифта, вела не столько вверх, сколько скакала вверх-вниз.

– Дорога скакала? – подумал про себя Т-075. – Абсолютно неверное словосочетание!

Но на размышления не было времени, – за очередным подъёмом дорога как бы распадалась на отдельные ручейки... С возвышенности это хорошо было видно: каждый цвет сперва ярил, наливаясь соком, а чем дальше, тем тусклее становилось дорожное полотно. Т-075 даже показалось, что на следу-

ющем подъёме каждый ручеек дороги превращался в серую ленту, где-то светлее, где-то темнее. Но без солнца – оно сияло где-то под дорогой, хотя небо, уже бесцветное, застыло над ней, – было не различить, что там, вдали.

Главное, Т-075 вовремя заметил, по какому ручейку движется объект «девочка». И – свернул на ту же дорожку, хотя и казалось, что голубое с голубой дороги никуда не денется. Ан нет, – златовласка перескочила на красную полосу, хотя полоса теперь была не красной, а отчётливо розовой. Да-да! – по мере погони Т-075 обогнал сперва розового единорога, потом розового слона, а где-то едва разминул с Есениным, гулко скачущим на Розовом коне (понимаешь, Есенин, конечно, был пьян, но тебе не стоит его бояться, – он удирал от Чёрного человека).

Наконец, вильнув разок-другой, дорожка побежала через цветущий сад, который очень не понравился Т-075! Дело в следующем: трава в саду росла повсюду – на лужайках, и под деревьями, и даже – гребешком посреди дороги, – а птицы сидели не только на ветках, но и копошились в траве. Такая иррациональность угнетала робота, и он замедлил бег, а у одного совсем трухлявого пня, обросшего порослью, он вовсе остановился. В центре пня безмятежно сидела, ноги на ноги, огромная бабочка всех цветов радуги. Она доброжелательно взглянула на Т-075, и заметила:

– Ты вовремя.

Начало было «интригующим», но робот повысил приоритет логики и брякнул:

– Говорящих чешуекрылых не существует.

– Я существую, – ответила Бабочка и ласково заметила: – Ты не тому научился у людей.

Поскольку Т-075 молчал, обрабатывая информацию, Бабочка продолжила:

– Я пользуюсь речью, чтобы любить.

T-075 поискал файл «Любить», но не нашёл ничего про насекомых:

– Файл не найден. Бабочка не может любить или говорить.

– Всё живое может любить, люди просто забыли об этом. Всё живое может говорить; и только люди забыли, как говорить, через меня, с другими живыми.

T-075 подумал, что подобное значительно расширит вселенную Земли, но его логика не сдавалась:

– Тебя не существует. Ты проекция или вирусный файл. Насекомые не могут...

– Я часто слышала это, – сказала Бабочка, слегка шевельнув крылом. – Сейчас уже нет тех, кто говорил или думал это, робот... Даже тебя уже нет.

– Я есть! – возмутился T-075, чувствуя, что операционная система напряглась, а драйвера трещат. – А любви или говорящих бабочек – не существует!

– Да, ты есть, – ласково согласилась Бабочка. – Но ты – только моя мысль. И только моя любовь заставила робота изучать людей и их язык. А та девочка, за которой ты гнался, была...

Тут T-075 почувствовал, что что-то в нём меняется, превращается, расширяется и...

– Та девочка в голубом платье была последним ангелом, твоим ангелом. – Взмахнув крыльями, Бабочка вдруг сама стала превращаться во что-то неодолимо прекрасное. – Сейчас на Земле больше нет людей, – они разочаровали меня, они исчезли; многие – обуреваемые демонами-страстями, немногие – не находя себе любви; немногих я забрала сюда. Они – блаженны. Но ты... – ты последний, кто вознёсся сюда, и будешь первым из неживых, кого я научу любить и быть любимым.

Надежда Алимова

«ОДУВАНЧИК»

Одуванчик рос на краю пригорка у лесной поляны. Рядом с маленькой лужей, которая то пересыхала, то вновь наполнялась после дождя и простирала к нему свои тёплые водяные объятия. Одуванчик купался в её внимании и считал её своим другом. Ещё Одуванчик очень любил дождь и, особенно, грозу. От восторга прикрывал свои глазки корзинкой и с упоением слушал порывы ветра, грохот грома и представлял себя путешественником на воздушном шаре. Маленьким, одиноким, но гордым и бесстрашным, летящем прямо в самое пекло непогоды. Так он и парил в облаках, среди молний и грома, пока не кончалась гроза и на свежесть, наполненного озоном воздуха и благоухающего нектара не прилетали труженицы-пчёлы.

Одуванчик отзывался на их призывное жужжание, откладывал свои геройские мечты до следующего прихода грозы, открывал радостные глаза и выдавал порцию золотисто-жёлтого напитка.

Пчёлы потирали сладкие лапки, взмывали вверх, благодарили Одуванчика замысловатыми па своего пчелиного языка-танца. Язык танца был сложен для маленького Одуванчика, но он и не пытался его разгадать. Он просто смотрел на великолепие их движений и наслаждался моментом. Его стебелёк трепыхался на лёгком ветру, как ему казалось, в унисон движениям пчёл. Пчёлы улыбались Одуванчику лёгкими покачиваниями тонких крыльев, делали прощальный круг и, неся солнечный сок в своих хоботках, летели в соты.

Росшее в низине под пригорком добропорядочное семейство его сородичей недоумённо в унисон крутило своими седыми головками. Родичи жили на куче торфа, боялись грозы, и танец пчёл виделся им бессмысленным занятием. Они скупо раздавали темно-янтарный нектар и ворчали друг другу о бренности бытия и о том, что Одуванчик явно отбился от рук...

Иногда до Одуванчика ветром доносило скрипучие нравоучения старого деда Одувана. Дед задира лысую голову и твердил о вопиющем неподобающем поведении молодых непослушных сорняков и отщепенцев. О тех, что забрались выше всех и воротят свой носики от родственников. Что пора бы давать плоды, стать серьёзнее, перестать купаться в лужах и мечтать о том, что выше корзинки.

Одуванчик посматривал на них сверху вниз, но никогда не общался, его всё равно бы никто не понял...

Второй месяц лета был сильно засушлив. Грозы и дождей не было несколько недель. Одуванчик скучал и закрывал свои глаза корзинкой только на жаркую, томящую ночь. Даже ворчливый дед Одуван никого не воспитывал, зарывался поглубже в торф крупными корнями и молчал.

Лужа совсем иссохла и о её существовании ничего не напоминало. Не осталось даже контуров.

Одуванчик смотрел на голубое пустое небо, взгляд ничего не цепляло.

Пытливый разум одуванчика в роскошной шевелюре не знал, чем себя занять. Он отвернулся от лужи, его глаза поблёкли от яркого солнца, нектар потемнел, а пчёлы лишь назойливо жужжали и отвлекали от дремоты. Его корни стали сползать по пригорку вниз...

Так проходил день за днём. Наступил первый день августа. Одуванчик почти всё время спал, иногда просыпался и ворчал

на гудящих пчёл, а его корни наполовину вошли в кучу торфа рядом с корнями деда Одувана.

В одно из пробуждений для борьбы с пчёлами, Одуванчик услышал шум, какого раньше не было в его жизни. Это было похоже на звучание цветов колокольчиков на поляне. Только намного громче и залиvistее.

Снизу, в торфе зашевелился дед и авторитетно заявил: «Дети!»

– Де-ети, – повторил Одуванчик, – как интересно, – и приветственно помахал стеблем пчёлам.

Тут пчёлы полетели в разные стороны, у Одуванчика захватило дух от восторга доселе неведомого – он тоже полетел. Вверх.

Он увидел два круглых голубых, как небо пятна глаза, почувствовал сильный порыв тёплого воздуха и разлетелся на множество пушистых шариков.

Шарики-парашюты парили над поляной, над пчёлами, над торфом и удивлёнными родственниками одуванами. Лёгкие белые части Одуванчика летели к солнцу, к дождю, к грозе и грому. К свободе и новой жизни.

Иногда, чтобы спасти маленького одуванчика и дать ему новую счастливую жизнь – достаточно его просто сорвать...

Надежда Алимова

«РАДУГА»

Красивая Радуга жила высоко в северных горах и прости-рала свои объятия над чистым, быстрым ручьём. Края ручья окружали могучие ели. И ноги Радуги с двух сторон находились в самой чаще еловых лесов. Маленькие, шустрые белочки сновали сквозь неё со своими запасами и на мгновение становились воздушными и разноцветными. Любопытные лисята совали свои носики в край радуги и фыркали. Тут же бегали зайцы, играли в догонялки с лисятами и носились сквозь радугу. Никто не ругался в этом месте, не обижал друг друга и не ел. В воздухе сквозь радугу проносились быстрокрылые стрижи и ласточки. Всё, над чем простиралась Красивая Радуга было наполнено миром, спокойствием и добротой. А если где и возникал беспорядок, туда Красивая Радуга направляла взор своих разноцветных, блестящих глаз и заводилы и драчуны быстро приходили в себя и воцарялся покой.

Заповедное место было скрыто от глаз людей. И никто не нарушал гармонию волшебного края.

Пока в один солнечный день в эти дебри не забрёл Художник со своим мольбертом. Он всю жизнь мечтал о радуге, видел её издалека, шёл к ней. После каждого дождя у него была новая картина, и он всегда носил плащ и краски с собой. И чутко прислушивался к шуму дождя.

Художник жил в столице и был очень моден. Его пейзажи выставлялись в различных галереях своего города и на выставках в других странах. Везде высоко оценивали его труд.

Радуга всегда присутствовала на его картинах, но Художник был строг к себе и горько вздыхал, потому как пахла она масляной краской и на ощупь была холодным и твёрдым холстом.

Однажды, придя домой после очередной выставки, после очередных высокопарных слов в его адрес, Художник собрал все свои картины, всю безжизненную радугу и вынес во двор к мусорным бакам. А утром, заслышав дождь за окном и, увидя двойную разноцветную дугу, взял свой старенький плащ, мольберт, краски и пошёл навстречу радужным бликам. Он шёл много лет по разным городам и странам и много раз ещё пытался нарисовать её. Но, никогда не был доволен. Художник уже отчаялся, потерял надежду и стал думать, что никогда не увидит радугу близко, не прикоснётся к ней, что так и останется автором мёртвых картин. Он сошёл с проезжих, хорошо укатанных дорог и автобанов. И давно уже не видел людей. Шёл по лесам и чащам, оброс длинными, косматыми волосами и бородой и был похож на лешего. Собирал грибы, удил рыбу в озёрах, спал на навесе из веток, а когда просыпался, взгляд его был всегда устремлён в небо.

Так вот, в один из таких дней Художник увидел поразительной красоты горный ручей. Ручей отливал стальным блеском, вода была настолько прозрачна, что казалось, рыба снуёт стайками по самой поверхности. Художник зашёл в воду, ненароком посмотрел на своё отражение и увидел над лохматой головой огромную Красивую Радугу. Он закрыл глаза на секунду, потом недоверчиво посмотрел ещё раз на отражение и засмеялся. Подхватил свой мольберт, развернулся и бодро, по руслу горного ручья дошёл до радуги за несколько часов.

О, сколько счастья было в глазах Художника! Он почувствовал себя молодым и удачливым. Сейчас он сможет к ней прикоснуться и нарисовать её живой! Он поместит часть её

великолепия на холст и, наконец-то, получит Покой! Радуга приняла Художника в свои объятия и он убедился, что шёл столько лет к ней не зря, что ни одна из его картин и близко не была похожа на это божественное создание.

Красивая Радуга окутала Художника своими красками, окружила запахом цветов и дождя и дала разрешение подняться на самый свой верх.

К вечеру Художник спустился к подножью радуги, весь светящийся и переливающийся огнями. Встал к мольберту и кисти в его руках летали со скоростью света. К утру было написано несколько холстов, он бегал вокруг радуги, просил её повернуться то одной стороной, то другой, то поменять цвета местами, то усилить зелёный цвет, то притушить красный...

Так шли дни. Радуга всё больше краснела от внимания к своей персоне. Стала часто всматриваться в горный ручей, а не сбились ли краски и насыщенность цветов. А как дуга, по-прежнему ли высока и упруга? Вокруг ручья всё было завалено исписанными холстами, кисточками и выжатыми тюбиками от краски.

Белкам отныне было запрещено пробегать сквозь радугу, а лисам совать в неё свои носы и фыркать. Пошли частые драки и ругань между зверьём. Радуга со своей высоты, меж тем, всем обещала помочь и разобраться, как только столичный художник допишет картину. И с каждым днём становилась всё выше и выше от земли. Маленькие лесные жители становились все меньше в её глазах, пока наконец, она просто-напросто не перестала их видеть и слышать.

А художник всё суетился, метался, но никак не мог найти именно тот цвет и оттенок, чтобы показать величие Радуги. И вот, через несколько лет, когда художник стал совсем старым и седым, он подобрал все радужные цвета, его холст ничем

не отличался по красоте и великолепию от Радуги. Картина дышала и излучала запах дождя и горных цветов. Ладонь погружалась не в ткань, а в невесомые облака. Удивлённые звери перестали ругаться и грызться меж собой и собрались вокруг картины.

– Вот, смотри, гордая Красивая Радуга, я смог!

Радуга спустилась ниже, сделала вторую дугу, засверкала всеми своими оттенками, после утреннего дождя и грозы она была особенно прекрасна и недосыгаема. Звери отошли от картины, Красивая Радуга вновь приняла всех в свои объятия. Художник всё понял и удручённо встал в сторону. Красивая Радуга осмотрела картину и засмеялась всеми своими цветами:

– Не рисуй меня, художник, я могу быть только одна...

В этот же день Художник умер и лежит у подножия своей радуги, но так же далеко, как и в начале долгого пути.

Наталья Кадомцева

«БЕСПОЛЕЗНЫЙ»

Утро в деревне всегда начинается рано. С самого рассвета. Весной нужно успеть всё посадить, летом полить и прополоть, а осенью собрать урожай. А если ещё и полон двор коз, овец или разной птицы, тут уж точно полежать в кровати не получится. Егорка давно привык, что по утрам батя громко топает ногами по избе и разговаривает громовым голосом. И неважно, что вчера кто-то поздно лёг или плохо спал. У каждого в семье есть обязанности, и хочешь не хочешь, а выполнять их придётся. Мальчишке недавно исполнилось семь лет, и отец приставил его пасти овец. Егорка не слишком любил это занятие, мечтая, как в следующем году пойдёт в школу и наконец-то будет заниматься чем-то другим, но с батей шутки плохи. Не будешь слушаться или хорошо выполнять поручения, можно и ремнём по заднице схлопотать. Мать вздыхала, пыталась говорить с мужем, что мальчишка ещё маленький и нужно поручать ему задания полегче, но Василий Андреевич был непреклонен. Он вообще отличался крутым нравом и не любил, когда ему перечили. Старшая дочь Анна давно вышла замуж, уехала в город, в родительском доме практически не появлялась, и только иногда звонила матери, но едва услышав голос отца, сразу бросала трубку. Батя сразу начинал ворчать, что воспитали бесполезную девку. Дошло до того, что даже говорить об Анне в доме стало не принято.

Егорка вздохнул, вылез из-под одеяла и поёжился. Осень расцветила жёлтым и красным картинку за окном и принесла холод по утрам. Дом всё ещё не топили, и вставать на рассвете

было зябло. Мальчишка сунул ноги в старые стоптанные тапки без задников и прошлёпал на кухню, где уже вовсю суетилась мать. Ольга Васильевна была маленькой и худенькой. Волосы рано побелила седина, руки загрибтели от тяжёлой работы, а по лицу разбегались сетками многочисленные морщинки. Она редко улыбалась, ещё реже смеялась. Её губы, постоянно сжатые, превратились в две бескровные тонкие ниточки. И только глаза, все ещё синие и почти не потускневшие, говорили о тех чувствах, которые женщина испытывала в тот или иной момент. При виде сына в них появлялось тепло и нежность, а когда она смотрела на мужа – затаённый гнев, боль и отголоски разочарования. Не такой жизни она себе хотела. Но теперь что уж говорить. Столько лет прожили, пятерых детей родили. Трех унесли болезни, старшая скоро внука подарит. А самый маленький – вот он, кровиночка родная, стоит на холодном полу, маленький, тоненький, как тростиночка. И хочется его обнять и прижать к груди, но в голове отдаётся голос мужа: «Нечего телячьи нежности разводить, а то – не мужик вырастет, а баба сопливая. И будет таким же бесполезным, как Анька».

Егорка посмотрел на мать и отчего-то смутился. Ему всегда было неловко рядом с ней, а почему, он объяснить не мог. Мальчишка взял протянутый бутерброд, на ходу проглотил его и выскочил в стелившийся над полями туман. Свистнул, подзывая Полкана, и направился к загону, в котором уже бляели овцы. Полкан, старый овчар, прихрамал минут через пять. Это был огромный лохматый пёс, проживший всю жизнь в семье Григорьевых. Полкан был и пастухом, и сторожем, и защитником, и нянькой. Ольга Васильевна даже оставляла на пса малыша Егорку, когда он только начинал ползать, зная, что под не-

усыпным взором собаки ничего не укроется, и можно быть спокойной за сына.

– Ты же мой хороший! – Егорка потрепал большую собачью голову, поцеловал влажный чёрный нос и провёл ручкой по торчащим лохматым ушам. Полкан жмурился от удовольствия, подставляя голову и тело под ласку. Мальчик присел на корточки и прижался всем своим худеньким тельцем к тёплому боку пса. Полкан был уже очень стар. Шерсть местами облезла, на теле появились шишки. Он почти ослеп и оглох, но его нюх всё ещё не утратил остроты. Пёс уже не мог бежать быстро и часто останавливался отдохнуть, пока мальчик гнал стадо на дальнее поле, всё ещё покрытое остатками сочной травы. Егорка ждал своего верного друга, высматривая его силуэт на горизонте. Так продолжалось уже много дней, но не сегодня. Сегодня мальчик увидел, как отец вывел машину из гаража, подошёл к Полкану и пристегнул поводок к старому потрепаншемуся ошейнику.

– Пошёл! – рявкнул он на собаку, заставляя пса запрыгнуть на заднее сидение.

– Куда ты его везёшь? – робко спросил мальчик, подходя к машине.

– Делом займись! – грубо прикрикнул на сына Василий Андреевич. – А я уж тут как-нибудь сам разберусь.

В дверях появилась мать, вытирая руки о полотенце.

– Я тоже поеду, – заупрямился сын.

– Как хочешь, – неожиданно согласился батя.

Взвизгнув шинами, старая колымага сорвалась с места. Ольга Васильевна вытерла вдруг набежавшие слёзы.

Ехали довольно долго, батя не разговаривал, а только ммуро смотрел на дорогу. Полкан спал, и Егорка ласково гла-

дил его, рассеянно поглядывая в окно и раздумывая, куда же они едут. Дорога побежала через густой еловый лес, и машина внезапно остановилась. Отец открыл дверь, вытащил собаку за ошейник и отстегнул поводок. Егорка недоумевающе смотрел, как батя садится в машину и трогается. И только когда автомобиль отъехал уже на довольно большое расстояние от одиноко стоящего на дороге Полкана, мальчик закричал:

— Зачем ты там его оставил?! Он же погибнет!

— А ну, замолкни, молокосос! Он стал бесполезный. Нечего кормить бесполезную тварь.

Егорка хотел выпрыгнуть из машины, но тут же схлопотал болезненную затрещину, и, заливаясь слезами, только смотрел в заднее стекло, как удаляется любимый собачий силуэт. Мальчик уже не увидел, как Полкан сорвался с места и побежал, пытаясь догнать своего хозяина. Как подломились старые лапы, когда сердце преданной собаки не выдержало, и как его тело покатило с обрыва в крутой овраг. Старая овчарка, всю жизнь прослужившая верой и правдой этой семье, была выброшена как ненужная вещь только потому, что состарилась и стала бесполезной.

Егорка сквозь пелену, окутавшую его сознание, слышал, как отец учил его всегда выбрасывать всё, что стало бесполезным, а перед внутренним взором мальчика так и стояли непонимающие глаза Полкана и его удаляющийся силуэт.

И побежали годы. Не удержать и не повернуть вспять. Егорка пошёл в школу, но всё так же ему приходилось работать и по хозяйству. В доме появлялись новые собаки и кошки, а те, кто старился, также отправлялись в лес. Они ведь были уже бесполезны. Душа и сердце Егорки съёживались и черствели, но в них оставались свежими воспоминания о первой собаке.

И иногда по ночам мальчик просыпался в слезах от кошмаров, в которых он вновь и вновь видел Полкана и ту боль, которая отразилась в его старых глазах.

Мать умерла, когда юноше исполнилось двадцать. Егор закончил техникум, ходил в армию, а после возвращения со службы женился и перебрался в город. Отец переехал вместе с ним. Деревня постепенно умирала, некогда большие хозяйства приходили в запустение. Люди покидали старые дома и уезжали в город. Остались всего лишь несколько стариков, неторопливо доживающих свой век.

Отец Егора и в годах был ещё крепок и силён. Он нашёл небольшую работу в строительной компании и продолжал вносить посильную лепту в семейное счастье сына. Егор всё чаще ловил себя на том, что становится похожим на Василия Андреевича. Даже слова и выражения в последнее время произносил те же, что и батя, когда он был ещё мальчишкой. Давно стёрлись воспоминания о Полкане, уступив место мыслям о бизнесе и заботе о семье. Дела у Егора шли успешно. Он разбогател, купил большой дом и дорогую машину, мог себе позволить возить семью на отдых за границу и приобретать то, что ему хотелось. Он хорошо выучил отцовский урок – избавляться от всего, что стало бесполезным. Поэтому друзьями Егора были только люди, необходимые ему для бизнеса. С первой женой он развёлся, как только та начала проявлять недовольство его отношением к ней. Да и возраст сказывался, на её лице стали появляться морщины. Второй раз выбрал себе в жены девушку модельной внешности, которая была младше на двадцать пять лет. Ему это было нужно для престижа.

И однажды пришёл день, когда Василий Андреевич не смог больше работать. Старость никого не обходит стороной. И бывает так, что вместе с ней приходит немочь и слабость.

Не только физическая, но и умственная. Врачи диагностировали у отца Егора болезнь Альцгеймера в начальной стадии. Егор молча выслушал лечащего врача, в задумчивости вышел из кабинета и медленно проследовал к машине. Долго сидел и курил, не трогаясь с места, обдумывая слова врача и дальнейшие перспективы. Наконец, выбросил окурочок на тротуар и поехал домой, где сложил отцовские вещи в небольшой чемодан. Вечером того же дня Егор отвёз Василия Андреевича в старый деревенский дом, который уже много лет пустовал в почти умершей деревне. Стены покосились, крыша давно была, как решето, ветер гулял по пустым тёмным комнатам, в которых прошло детство мальчика. Отец тяжело привалился к двери, глядя на отъезжающую машину. Теперь и он стал бесполезным, и сын выбросил его, как ненужный хлам. Он тяжело вздохнул и ушёл в дом.

В зеркало заднего вида Егор увидел, как закрылась за отцом входная дверь. И вдруг память ярко высветила мгновение, когда он, заливаясь слезами, смотрел на удалявшийся силуэт любимой собаки, её печальные глаза, полные отчаяния и тоски. Сердце на миг сжалось от нестерпимой боли, но слишком хорошо был усвоен детский урок — избавляться от того, что стало бесполезным. Егор надавил на газ и скрылся во тьме. Он больше не обернулся.

Наталья Кадомцева

«СЕРЫЙ ДРУГ»

Эту невероятную историю рассказал мне мой бывший одноклассник, живущий теперь на далёком Алтае. Учились мы вместе только в первом классе, после чего родители забрали его в посёлок Борзовая Заимка, что расположен в тринадцати километрах от Барнаула. Поселились они в старом дедовском доме, да так с тех пор Славик там и живёт.

Дед его был охотником. И не просто охотником, а человеком старой закалки, который никогда не брал у природы больше, чем ему или его семье было нужно. Капканов не ставил, а бил только из ружья метко и наверняка. И всегда просил прощения у леса и животного, которое становилось его добычей.

Славик по малости лет деда не понимал и всё спрашивал:

— Деда, а деда, зачем ты прощения просишь? Лес ведь не живой, он тебе всё равно не ответит.

Дед только улыбался в усы и отвечал:

— Ошибаешься, внучок, лес — живой. Оглянись вокруг, что ты видишь?

— Ну, деревья...

— А ещё?

— Кусты, траву, — принялся перечислять Славик. — Птицы летают.

— Правильно. А ещё?

— Муравьи ползают, букашки всякие. Знаю, что тут звери разные живут, только не вижу их.

Дедушка присел на пенёк, достал из рюкзака термос с чаем и пару бутербродов. Порезал овощи, посолил, передал нехитрую снедь Славику и продолжил расспросы:

– Хорошо, а что ты слышишь? Прислушайся.

Славик закрыл глаза.

– Птицы поют, ветер шумит, ветки друг о друга стучат.

– Точно, – дед улыбнулся. – А теперь ещё раз закрой глаза и очень внимательно послушай.

– Что я должен услышать?

– Дыхание леса. И не просто услышать. А попробуй почувствовать его, как своё собственное. Как будто ты сам стал лесом и это ты дышишь.

Славик закрыл глаза, наморщил лоб и сосредоточенно принялся слушать дыхание леса. Но вместо этого услышал тихий смех деда:

– Не надо так напрягаться, – потрепал он внука по голове, – а то кажется, что ты хочешь в туалет.

Славик рассмеялся.

– Ладно, внучок, пошли домой, а то бабушка твоя волноваться будет. В другой раз ещё попробуешь.

Дедушка встал с пенька, собрал остатки еды, прикопал их под кустом, а обёртки и мусор убрал в мешок. Каждый раз, когда они приходили в лес, дед учил внука тому, как нужно вести себя здесь, как ориентироваться, какими тропами ходить. Объяснял, как распознать звериные следы. Как выжить, если вдруг заблудился. Дедушка рассказывал, какие животные и птицы живут по соседству с ними, их повадки, даже характеры. Казалось, он знаком с каждым зверем и с каждой птицей.

Славик слушал, дивился тому, как много знает его дедушка, и постепенно научился любить лес так же, как и он. Юноша с уважением относился ко всем лесным обитателям, мог

часами сидеть в тишине и наблюдать за их жизнью. В итоге это и определило его будущую профессию. Однажды на распродаже он купил старенький фотоаппарат и с тех пор с ним не расставался. Любимой темой его фотографий стала природа и её обитатели.

Охотником Славик не стал. Просто не смог. И на современных охотников с их капканами и ружьями с оптикой смотрел с неприязнью. Слишком часто их деятельность напоминала дела обычных браконьеров. Молодой мужчина хорошо знал лес, каждую его потайную тропку и очень часто в своих странствиях по самым удалённым местам находил припрятанные кем-то капканы, а частенько и мёртвых истерзанных животных. И не другие звери были в том виноваты. Славик капканы разбирает, уносит с собой, а потом утилизирует. Но они все равно появлялись с завидной регулярностью.

Однажды тёплым летним днём отправился Славик на дальний берег небольшого озера, спрятанного в глубине леса. Хотелось ему понаблюдать и пофотографировать бобровое семейство, которое с недавних пор там поселилось. Взял с собой запас еды и воды, маленькую палатку, фотооборудование и приготовился провести в лесу пару-тройку дней. Вышел из дому на рассвете и пошёл только ему ведомыми тропками на выбранное место.

Путь его пролегал там, где не ходят даже самые заядлые охотники. Славик любил такие тропки, где оставался только он наедине с Батюшкой Лесом. Молодой мужчина впитывал звуки и запахи, прислушивался и приглядывался к той жизни, которую обычные люди не замечают или не хотят замечать. Тут было своё, особое царство. Славик хорошо знал его и любил.

Внезапно какой-то звук привлёк его внимание. Что-то, что выбивалось из привычной картины мира. Какой-то

не то стон, не то плач. Неожиданно все другие звуки стихли, словно сам лес попросил Славика: «Прислушайся!»

Молодой фотограф остановился и весь обратился в слух. Воцарилась звенящая тишина. Только комары зудели около уха. И тут снова этот не то плач, не то стон. Славик осторожно пошёл на звук. Несколько раз пришлось останавливаться и снова прислушиваться, пытаясь определить направление. И вдруг в буреломе в дальнем конце небольшой поляны Славик увидел Его.

Большой серый зверь лежал под кучей разбросанных веток. Его передняя лапа была крепко зажата стальным капканом. Волк уже перестал биться и только тихо стонал, иногда вздрагивая всем своим крупным телом.

Славик остановился, поражённым открывшимся ему зрелищем. Много раз он видел животных, попавших в капканы браконьеров, но к тому моменту, когда фотограф их находил, они были уже мертвы. А тут живой красивый зверь, угодивший в стальную ловушку.

Славик любил всех животных, но к волкам относился с особым почтением. Было время, когда он внимательно изучал всё, что попадалось ему об этих созданиях. И всегда возмущался тому, насколько опорочил фольклор этих удивительных зверей. Приписываемые волкам жестокость и жажда крови не просто преувеличены, а вообще не имеют к ним никакого отношения. А устройству их социальной жизни может позавидовать и сам человек. Конечно, в волчьих социумах порой попадались и особи с нестабильной психикой, но такие животные часто становились изгоями и погибали.

Славик не знал, кто перед ним – волк-одиночка, или сейчас из темноты леса за ними наблюдают члены его стаи. Да ему, честно говоря, было всё равно. Он застыл как истукан, не зная,

что ему делать дальше. И только смотрел на несчастное, попавшее в ловушку животное.

Внезапно волк вздрогнул, глухо застонал и посмотрел прямо на Славика. И такая чудовищная боль отразилась в его глазах, что молодого мужчину будто ледяным душем окатило. Пелена спала, наваждение ушло, и фотограф наконец снова обрёл способность двигаться, а вместе с ней и действовать. Не раздумывая больше ни секунды, он бросил свой рюкзак и оборудование и медленно стал приближаться к лежащему зверю.

Шаг за шагом, очень медленно, стараясь глубоко дышать, чтобы самому успокоиться и не передавать раненому животному своего напряжения, Славик двигался к нему. Волк внимательно смотрел, тяжело дыша и время от времени вздрагивая. Славик, кажется, говорил какую-то чушь в стиле «Маугли». Что-то из «мы с тобой одной крови» тихим ласковым голосом. Подойдя почти вплотную, фотограф опустил на колени и медленно поднёс руку к носу зверя. Волк втянул запах и снова посмотрел Славика в глаза.

– Потерпи немного, сейчас я попробую тебя освободить, – тихо сказал Славик волку, немного отводя свой взгляд. Кажется, он где-то читал, что смотреть прямо в глаза животному – это бросать ему вызов. Вот уж чего меньше всего сейчас хотелось, так это чтобы волк воспринял манипуляции Славика, как угрозу.

Волк лежал не двигаясь. Только внимательно смотрел. Молодой мужчина никак не мог отделаться от мысли, что зверь прекрасно понимает, что происходит, и только поэтому ведёт себя спокойно. Лапа волка была сильно повреждена, но Славик не мог понять, насколько всё серьёзно. Всё-таки к ветеринарии он не имел никакого отношения, но очень надеялся,

что организм зверя возьмёт своё, и кости срастутся, а раны заживут.

Фотограф огляделся и заметил крепкую палку, которой он решил воспользоваться как распором. Медленно взял её в руки, так же медленно поднёс к створкам капкана, продолжая говорить со зверем, объясняя ему вслух все свои действия. Славик поставил палку в упор и нажал на рычаг, одновременно чувствуя, как тяжело раскрываются стальные зубья, как напрягается зверь, готовый немедленно вырваться из захвата. Славик и думать боялся, что будет, если он не справится. Если сейчас створки, которые только начали приоткрываться с таким трудом, вдруг снова захлопнутся, причинив волку ещё большие страдания. О себе в тот момент он не думал вообще. О том, что может сделать зверь, находящийся так близко от человека, когда этот самый человек причиняет ему боль тоже.

Молодой мужчина ещё чуть надавил на рычаг, створки капкана разомкнулись, волк немедленно выдернул лапу, чуть помедлил, глядя на мужчину, и хромая, скрылся в лесу. Славику показалось, что ещё несколько серых теней унеслись в том же направлении. Он бросил палку и в изнеможении прислонился к стволу сосны. Только сейчас он понял, что весь мокрый от пота, что пот заливает ему глаза, что руки и ноги стали ватными, сердце неистово колотилось, а в ушах раздавался грохот канонады. Он медленно сполз на землю и прикрыл глаза.

Через час Славик очнулся и огляделся вокруг. Рядом валялся капкан, испачканный кровью, с прилипшей серой шерстью на стальных зубьях. Мужчина убрал его в мешок, собрал свои вещи и неспешно отправился на озерко фотографировать бобров.

Прошло месяцев девять после того памятного случая в лесу. Несколько раз Славик возвращался на то место, где

впервые повстречался с волком. Проверял лесные закоулки на предмет капканов. Но серого собрата так больше не видел. Не удавалось ему и сделать снимки стаи, хотя иногда он надолго уходил в лес и всё ждал в тишине, вдруг промелькнёт знакомый образ.

Славкины фотографии хорошо покупались. Некоторые стали призёрами разных конкурсов. Фотографу даже предложили место в известном журнале и хорошую зарплату. Но менять место жительства он не собирался, уезжать из посёлка в перенаселённый город и подавно. Поэтому остался в старом дедовском доме. С прежним доходом и с возможностью уходить в лес тогда, когда ему хотелось.

Как-то в марте решил Славик наведаться на то самое памятное озеро. Нужны были снимки этого места ранней весной. Как всегда, собрал он вещи, еду и оборудование и отправился в лес.

Озеро было небольшое, но довольно глубокое, скрытое от глаз в глубине леса. Наведывались сюда обычно рыбаки, да и те только, кто хорошо знал лес и не боялся заплутать. Сейчас, ранней весной, тут не было ни души. Славик установил штатив, прикрепил камеру и залюбовался видом.

В каждый сезон озеро открывало свою красоту по-разному. Летом оно утопало в зелени, скрываясь в густой чаще. Сейчас зеркальная гладь была затянута льдом и припорошена снегом, на котором отчётливо проступали следы зверья. Слева чуть дальше от места, где расположился сейчас фотограф, жило бобровое семейство, за чьей жизнью летом он наблюдал.

Внезапно ему захотелось выйти на лёд, пройтись по нему, добраться до другого берега и вернуться обратно.

— Что за ребячество, — подумал про себя Славик. — А всё же...

И он решился. Взял камеру в руки, вышел на зеркальную поверхность и начал снимать озеро с другого ракурса. Лёд был крепкий, лишь слегка потрескивал под ногами. Славика заинтересовали следы зверей, и он сделал несколько снимков.

Постепенно мужчина добрался почти до середины озера, как вдруг под ногами раздался громкий треск, лёд раскололся, и Славик понял, что проваливается. Камера ударилась о лёд и отлетела в сторону. Мужчина попытался ухватиться за края, но льдина перевернулась, и он снова с головой ушёл под воду.

Одежда насквозь пропиталась ледяной водой и камнем тянула Славика вниз. На миг поддавшись панике, фотограф громко закричал, но только эхо было ему ответом, да стая каких-то птиц испуганно взмыла в воздух.

Ноги и руки стало сводить от холода. Славик всё отчаяннее пытался вырваться из ледяного плена, но силы стремительно уходили. Казалось, он уже начинает бредить. Перед глазами предстал образ деда, как тогда, в детстве, учивший его умению слушать и слышать лес.

- Только человек, который с уважением относится к лесу, заслужит его уважение, – говорил дед мальчику, сидя у маленького костерка и помешивая ложкой варево в котелке. – Не обижай лес, и он тебя никогда не обидит. Помогай по возможности, и когда-нибудь помогут тебе. Мы – часть этого мира. Только когда мы это осознаём, наша жизнь становится совсем другой. Помни об этом всегда, внучок.

– Дедушка, – немеющими губами, прошептал Славик, – я всегда об этом помню.

Ему показалось, на губах старика мелькнула лёгкая улыбка. Видение растаяло, и Славик снова остался один в ледяной воде в глубине леса, где практически не ступала нога челове-

ка. Сознание тускнело, руки слабели, тело сковывала неподвижность. Ещё чуть-чуть, и Славик камнем отправится ко дну. Он это понимал и смирился.

Вдруг затуманенным взором он увидел какие-то серые тени, вынырнувшие из леса и теперь осторожно приближавшиеся к человеку.

– Помогите, – выдохнул Славик, а может, просто подумал.

Тень склонилась над мужчиной, и он вдруг осознал, что это волк. Тот самый серый красавец, которого когда-то он спас из капкана.

– Не может быть, – вновь выдохнул или подумал Славик.

Волк пристально посмотрел мужчине в глаза и оглянулся. Славик мог бы поклясться, что он что-то сказал своей стае, потому что в этот самый миг ещё три серые тени подошли к тонущему человеку. Серый Вожак снова внимательно посмотрел на фотографа и на своих собратьев, а потом сделал то, чего мужчина никак не ожидал. Он взял зубами куртку Славика и начал медленно вытягивать его из воды. Остальные трое волков будто страховали Вожака, расположившись у него по бокам.

Сначала Славик был так поражён происходящим, что просто отпустил руки и немедленно почувствовал, как вода снова начала его затягивать. Волк упёрся всеми четырьмя лапами и негромко рыкнул, как бы призывая Славика ему помочь. Мужчина очнулся, ухватился руками за лёд и начал медленно-медленно выползать, следуя за движениями Вожака. Волк отступал, вытягивая человека за загривок. Остальные звери напряжённо следили за происходящим. Минута проходила за минутой, человек боролся за жизнь, а волк его спасал.

Наконец Славик распластался на льду, не веря, что всё ещё жив. Конечности онемели, надо было немедленно добраться

до рюкзака, где была сухая тёплая одежда, спички и термос с горячим чаем. Но сил не было. Он прикрыл глаза, за что был немедленно наказан. Оказалось, стоя никуда не ушла. Волк сидел рядом и внимательно разглядывал спасённого. Заметив, что человек закрыл глаза и, кажется, собрался умирать, Вожак довольно ощутимо укусил его за руку. Славик вскрикнул и снова очнулся. Волк боднул его, как бы говоря:

– Ну, давай, брат, иди уже!

Славик широко распахнул глаза и уставился на волка. Вожак снова боднул его.

– Ну...ты...даёшь...брат, – дрожащими губами прошепел мужчина. – Всё...иду...

И он пошёл. Точнее, пополз. Поднимаясь на ноги и снова падая. Но двигаясь в сторону своего лагеря.

На берегу он увидел и других членов стаи, которые сидели и ждали своего Вожака и остальных охотников. Вожак же шёл рядом со Славиком, порывивая, когда ему казалось, что человек снова впадает в забытие. Остальные волки замыкали их строй.

Славик добрался до вещей, дрожащими руками достал одежду, переоделся, развёл огонь и налил себе крепкого горячего чая. Волк сидел поодаль и наблюдал. Остальная стая растворилась в лесу, как только нога человека ступила со льда на землю. И только Вожак пока не уходил.

Был он необыкновенно красив. Высокий и статный, с крепкими конечностями и широкой грудью. Густой серый мех, тёмный на спине и боках. Крупная голова с торчащими ушами, которые, как локаторы, вслушивались в сгущающиеся сумерки. Тёмные пронизательные глаза. В них, казалось, отражалась сама Вечность. Пушистым хвостом он обнял свои лапы и сидел, внимательно глядя на человека. Славик оглядел его

лапы. Следов от капкана не осталось, чему мужчина очень порадовался.

Всё ещё слабо веря в то, что только что произошло, Славик сказал Вожаку:

– Спасибо тебе, брат! Без тебя я бы погиб.

Волк поднялся на лапы, потянулся, зевнул, обнажив при этом внушительные клыки, ещё раз взглянул на человека, как бы говоря: «Ты уж не плошай так больше» и исчез в темноте. Славик ещё немного посидел у костра, вслушиваясь в звуки ночного леса, а потом забрался в палатку и уснул.

Проспал он долго, проснулся, когда солнце было уже высоко. Громко пели птицы, ветер шумел кронами деревьев, лёд на озере слегка потрескивал. Славик посмотрел на предательскую гладь. Где-то там остался его фотоаппарат, но ступать на лёд он больше не решался. Мужчина вздохнул и решил, что потеря камеры не самое страшное событие в его жизни. А вот то, что он не смог сделать снимки Вожака, когда он был в такой близости от него, расстраивало.

– Может оно и к лучшему, – подумал Славик. – Всё, что произошло, только между нами.

– Спасибо тебе, брат! Ты спас мне жизнь. Без тебя я бы погиб, – ещё раз проговорил Славик, когда собрал лагерь и двинулся в сторону дома. Ему показалось, ветер принёс отдалённый волчий вой.

Случилось это много лет назад. Славик все эти годы продолжал ходить в лес, убирать капканы и фотографировать его обитателей. Но он больше никогда не видел Серого Друга, хотя ему всегда казалось, что за ним внимательно наблюдают тёмные пронизательные глаза, в которых отражается Вечность.

Наталья Кадомцева

«ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ ИХ СОВСЕМ НЕ ЖДЕШЬ»

Декабрь выдался суматошный. Дел было невпроворот, на работе предновогодний аврал, а тут, как назло, простуда прицепилась. И на больничный не уйдёшь, и работать тяжело. Каролина положила в стол рулон бумажных полотенец и спрятала капли для носа, чтобы были под рукой. Голова болела, и ей никак не удавалось сосредоточиться. Но делать нечего, до окончания рабочего дня ещё три часа, придётся потерпеть.

— Лина, ты чего такая бледная? — спросила Катя, секретарша начальника, заглядывая в кабинет. — Плохо себя чувствуешь?

Каролина кивнула и закашлялась.

— Иди домой, я тебя прикрою, — Катя заговорщически подмигнула. — Шеф всё равно уже уехал.

Каролина поблагодарила, быстро собралась и ушла. Она работала бухгалтером на фармацевтическую компанию уже около пяти лет. Работа не пыльная, доход приносила приличный, но скучная. Жаловаться, конечно, было грех, но Каролине хотелось чего-то творческого, где могла развернуться фантазия. И более свободного. Мать по этому поводу безжалостно пилила дочь, внушая, что лучше синица в руках, чем журавль в небе. Отчасти девушка с ней соглашалась. Но только отчасти.

Ещё одним камнем преткновения между матерью и дочерью было её несостоявшееся два года назад замужество и добровольное, по мнению матери, отшельничество дочери, которая не только ни с кем не встречалась, но вообще никуда, кроме работы, не ходила. И даже когда подруги звали её

то в кино, то в кафе, Каролина отказывалась, оставалась дома, читала книги, что-нибудь рисовала или постигала онлайн какой-нибудь новый рукодельный курс. Выходить в люди девушка категорически не хотела, предпочитая общество своей собаки общению с людьми.

— Ну что ты все дома сидишь, как бабка старая! — выговаривала по телефону мать. — Сходила бы куда, с людьми общалась. Глядишь и встретила бы кого. А так до пенсии одна и просидишь. А я внуков хочу.

Каролина вздохнула. Эту песню про внуков она слышала уже не первый год.

— Мама, всё успеется. И замуж выйти, и детей нарожать.

— Тебе почти тридцать, все подруги уже замужем и с детьми, одна ты осталась, — проворчала мать. — Время идёт. Моложе ты не становишься.

И вот так всегда. Хоть не звони матери совсем.

Каролина устыдилась своих мыслей, но глубоко внутри засело гадкое скребущее чувство, что у неё всегда не так, как у людей. Интересы, предпочтения, мировоззрение. То, что другие считали вершиной успеха, Каролина воспринимала как крысиные бега, в которых невозможно достичь удовлетворения и полноценного счастья. Семью она хотела создать только с надёжным человеком, а не бросаться в омут с головой, лишь бы выйти замуж.

После расставания с Игорем Каролина перестала доверять мужчинам, а порой и побаивалась их. Помнила ещё, как по пьяной лавочке Игорь залепил ей пощёчину, да так, что потом на скуле остался фиолетовый синяк, который никаким тональным кремом невозможно было спрятать. Ну разве расскажешь матери, почему она, в конце концов, выгнала жёниха, вернув ему кольцо и разорвав все отношения. Каким

он порой бывал нетерпимым и жестоким. Как требовал от неё полного отчёта о её действиях, проверял телефон и электронную почту, ревновал на пустом месте, придирился ко всему, что она делала. Как летали котлеты по кухне вместе со скорородой, когда они казались ему пересушенными. Как безжалостно он изрезал ножницами её любимое летнее платье, потому что оно, по его мнению, было слишком открытым. Да многое ещё можно было вспомнить и рассказать, но на всё это у матери был один ответ – сама виновата. Такого мужика упустила. Для неё важным было лишь то, что Игорь – директор крупной компании, у него своя трёхкомнатная квартира, загородный дом и огромный серебристый BMW, на котором однажды он подвозил «будущую тещу» в поликлинику.

Наверное, и мать можно было понять. Она всю жизнь прожила в коммуналке, одна воспитывала дочь, постоянно испытывала недостаток в деньгах и поэтому хотела, чтобы Каролина избежала её судьбы. А то, что дочь отказалась от такого подарка в лице Игоря, считала блажью и откровенной глупостью.

Но самое главное, о чём Каролина вообще ни за что бы не заикнулась матери, то, что Игорь был категорически против Линыной собаки. Он настаивал после свадьбы отдать кому-нибудь Бальтазара, потому что в его доме блохастой твари делать было нечего. Каролина два года терпела его придирки, прятала собаку в ванную, когда Игорь заходил к ней. Но однажды Бальтазар, или как Лина ласково его называла, Тазя, выскочил из ванны, прыгнул Игорю на колени и облизнул его дорогой пиджак. После чего немедленно получил удар коленом в живот, заскулил и спрятался за диван. Этого Лина стерпеть уже не смогла. С непонятно откуда взявшимися си-

лами она схватила мужчину за руку, рывком подняла с дивана и вытолкала за дверь.

— Ну и оставайся со своей блохастой тварью, дура несчастная, — заорал на неё Игорь.

Дура несчастная швырнула кольцо ему в лицо и захлопнула дверь.

Из-под дивана, поджимая хвост, выполз Бальтазар и принялся слизывать текущие из глаз хозяйки слёзы. Каролина обнимала лохматую голову, целовала мокрый чёрный нос и говорила, что больше никогда и никому не даст его в обиду.

Каролина пришла домой, и мохнатый метеор тут же запрыгнул к ней на руки.

— Подожди, миленький, сейчас сходим на прогулку, — сказала она. Лина раздумывала, одеть ли шлейку или оставить собаку в ошейнике. Решив, что и в ошейнике ничего не случится, прицепила поводок и вышла в подъезд.

День был по-зимнему морозный. Уже сгустились сумерки, и многие люди спешили с работы домой. Девушка выбрала свой обычный маршрут через парк к озеру и обратно. У озера можно было спустить собаку с поводка и дать ему возможность вволю набегаться. Надо сказать, если Бальтазар не получал необходимую нагрузку в виде сумасшедшего бега по пересеченной местности, он принимался крушить всё, что ему попадалось дома. Однажды он разодрал кресло, а на следующий день такая же судьба постигла и диван. Каролина только успевала заштопывать его проделки и выслушивать от матери очередные нотации.

Сегодня Лина не могла долго гулять. Голова болела всё сильнее, временами подкатывала тошнота, ноги стали противно ватными. Девушка решила смириться с неизбежными

потерями и отдать Бальтазару на разгрызание старые тапочки, но не спускать его с поводка. Она уже собралась поворачивать обратно к дому, как в поле её зрения попала компания подростков, которая шла по дорожке навстречу и громко смеялась. Лина посторонилась, пропуская шумных ребят, и только смогла услышать, как один из них сказал:

— Вот сейчас, давай.

И вдруг сзади раздался громкий хлопок разорвавшейся петарды, которую подростки бросили прямо под ноги Каролины. От неожиданности девушка вздрогнула и вдруг ощутила, как вырывается из ошейника Бальтазар.

— Нет, Бальтазар, стой! — закричала она. Но собака уже неслась, не разбирая дороги, по направлению к оживлённой трассе, на которой в это время было много машин. Каролина побежала за ним, а сзади раздался довольный хохот двуногой плесени, которая, сотворив гадость, радуется, что кому-то стало от этого плохо.

Каролина пробегала по улицам близлежащих районов весь вечер и половину ночи. Домой она вернулась часам к двум утра, не раздеваясь, упала на диван и разразилась рыданиями. Сердце разрывалось от мысли, что её любимый Бальтазар сейчас где-то один, напуганный, замёрзший, потерянный, а она ничего не может поделать. Перед глазами проносились картины одна страшнее другой. И как не гнала девушка эти мысли, они всё равно упорно лезли в голову. Под утро Лина забылась тревожным сном.

Около восьми она проснулась и поняла, что окончательно заболела. Поднялась высокая температура, горло саднило, из носа текло, а лёгкие разрывал глухой кашель. Девушка еле доплелась до кухни, высыпала на стол медикаменты и заня-

лась самолечением. Она упорно решила не вызывать врача, дожидаться, когда спадёт температура и снова идти искать Бальтазара. А пока напечатать объявления, чтобы во время поисков расклеить их на всех подъездах и столбах.

Увидев фотографию любимой собаки, Каролина снова заплакала. Как она корила себя за то, что не надела шлейку! Ведь из неё он вряд ли смог так легко вырваться, а она успела бы подхватить его на руки и не дать возможности убежать. Ошейник вместе с адресником остался у Лины. И даже если кто-то сможет поймать Бальтазара, как его вернут хозяйке, если все данные записаны на самом ошейнике и адреснике. Чип Каролина так и не поставила, и тоже сейчас об этом ужасно жалела.

Минут через сорок девушке показалось, что в голове проясняется. Она оделась и вышла на улицу.

Поиски так ни к чему не привели. Прохожие такую собаку не видели. На дороге сбитых животных не было. Каролина расклеила все напечатанные объявления и поплелась домой. У неё снова начинался жар.

Самолечение ничего не дало, и девушка загремела в больницу с осложнённой двусторонней пневмонией. От высокой температуры у неё начался бред, её мучили кошмары, в которых она находила окровавленное истерзанное тельце Бальтазара, а он ей говорил, что это она виновата во всём.

Врачам удалось справиться и с пневмонией, и с её осложнениями. Физически девушка пошла на поправку, но её душевное состояние восстанавливалось гораздо хуже. Лина сильно похудела, отказывалась от еды и всё время плакала. Мать сидела с ней. Первое время она ещё пыталась говорить дочери, что не стоит так убиваться, что это всего лишь собака,

и если уж ей так хочется, то она всегда может завести себе новую. Но когда Каролина вдруг страшно закричала, а потом заплакала так, что пришлось колоть ей успокоительное, мать задумалась и больше подобного не говорила. Девушке пригласили психолога, и с его помощью Каролина стала выкарабкиваться из темноты.

Лина вышла из больницы в середине февраля. О Бальтазаре не было никаких новостей уже больше двух месяцев. От её объявлений на подъездах и столбах не осталось и следа. Девушка напечатала и расклеила их вновь, хотя разум говорил ей, что всё напрасно, что собака, скорее всего, погибла и надо смириться с её потерей и жить дальше.

Завести нового питомца Каролина не смогла. Не смогла она и выбросить вещи Бальтазара. Его амуницию, игрушки, миски. Всё так и осталось на своих местах, словно сам дом ждал возвращения собаки. Лина примкнула к волонтерам, помогавшим бездомным животным в их городе. Теперь уже она не бежала после работы домой, а ехала вместе со всеми спасать очередную бедолагу, сбитую машиной или провалившуюся в колодезь. Часами проводила время в ветеринарных клиниках и даже начала подумывать о смене профессии. Свои рукодельные работы она продавала, а на вырученные деньги покупала корма и лекарства для подопечных животных.

Подруги новое «увлечение» Каролины не одобрили, называли её «зоошизичкой», после чего девушка прекратила с ними всякое общение. Мать ни во что не вмешивалась, помня о нервном срыве, который перенесла её дочь. А Лина наслаждалась общением с людьми, которые оказались с ней на одной волне. Она радовалась, что её труд приносит пользу не только ей, но и тем, кто в её помощи нуждается. Впервые в жизни она почувствовала себя по-настоящему нужной,

а дело, которым она занималась, важным. Это давало силы преодолевать трудности. И в какой-то степени всё, что она делала, было в память о Бальтазаре.

Летом Лина подала документы на поступление в ветеринарный колледж. Бухгалтерия её больше не интересовала.

Как-то в конце сентября Каролина сидела в клинике с большим пушистым котом, который выпал из окна многоэтажки и получил серьёзные переломы задних лап, вывих бедренных суставов и смещение позвонков. Прогноз ветврачей был не очень благоприятным, операции стоили дорого, за котом должен был быть специальный и постоянный уход. Услышав такое, хозяева решили кота усыпить, чтобы «не мучился». Но Каролина подозревала, что главным аргументом было «не мучиться самим». В тот момент, когда бедолагу принесли на усыпление, она была в клинике и предложила хозяевам забрать у них питомца. Подозрительно на неё посмотрев, бывшие хозяева молча вручили ей кота, забрали переноску и уехали. Вот так неожиданно для самой себя у Лины появился Аякс — какая-то невообразимая смесь норвежского лесного и обычной дворовой мурки. Кот был роскошный: густая пушистая шерсть, крупная голова и мощные лапы, на которых сейчас стояли металлические пластины из титана, фиксировавшие сломанные кости. Окрас его назывался классический мраморный табби, а по-простому — полосатый. Кот был с характером, к врачебным манипуляциям относился с большим недовольством, кусался и орал на всю клинику так, что пугались питомцы, ждущие своей очереди. Каролина как могла его успокаивала, гладила, говорила, что нужно потерпеть, тогда быстрее заживёт. Аякс косил на неё зелёным глазом, злобно урчал и норовил отгрызть руку.

Лина не знала, смеяться ей или плакать. Наконец, очередной осмотр закончился, врач выдал новую порцию рекомендаций и Аякс был отправлен в громадную пластиковую переноску, которую ещё не успел разломать. Каролина вышла из клиники и тут у неё зазвонил мобильник.

– Лина, ты где? – Ленка почти кричала в трубку.

– Я только что вышла из клиники с Аяксом. Что-то случилось?

– Мне только что позвонил Денис. Ему кто-то там сказал, что на трассе в лесу привязана собака. А я, как назло, на работе. Денис готов ехать, но нужен сопровождающий. Сможешь сгонять с ним?

– Хорошо, только Аякса домой отвезу. А уже решили, кто собаку заберёт? Куда её везти?

– Пытаюсь дозвониться до передержки. Я даже не знаю, какая там собака. Сказали, что привязана на трассе, и всё.

Лина вздохнула. За восемь месяцев волонтерства она насмотрелась на многое, но привыкнуть к равнодушию или откровенной жестокости так и не смогла. И вряд ли когда-нибудь сможет.

Аякс дома был благополучно выпущен из переноски, и Лина спустилась к подъезду. Ждать пришлось недолго. Денис подъехал минут через десять. Каролина не была с ним знакома, а только слышала от Ленки, что он хороший парень и часто помогает, когда волонтерам нужна машина. У него была старенькая «Лада Гранта» тёмно-синего цвета, за которой он следил, поэтому машина его никогда не подводила. Не сосчитать, сколько животных благодаря Денису волонтеры отвезли в новые дома, которые находились иногда за многие десятки, а иногда и сотни километров от города.

Машина подрулила к подъезду, мужчина выглянул из окна и спросил:

– Каролина?

– Да, а ты Денис?

– Приятно познакомиться, – он распахнул дверь машины и помог девушке сесть. – Ну, что, поехали?

Каролина кивнула. Денис плавно вырулил на дорогу.

– Не знаешь, Ленка договорилась с передержкой? – спросила Лина

– Да, она только что позвонила. Сказали, место есть, вчера щенка отвезли новым хозяевам.

– Хорошо, – девушка устроилась поудобнее на жёстком сидении, – а то каждый раз думаешь, куда везти.

– Да уж, это точно.

Из динамиков лилась спокойная музыка, машина плавно скользила по дороге, Каролина на миг прикрыла глаза, и сама не заметила, как провалилась в сон. Проснувшись она оттого, что машина остановилась и Денис сказал:

– А вот и он.

Тут до её сознания долетел глухой лай обессиленной собаки. И этот лай показался Лине странно знакомым.

Она выскочила из машины и вдруг остановилась. Денис осторожно приближался к небольшой рыжеватой собачке, которая была привязана за поводок к дорожному ограждению. Привязь была длинной, и собака всё время оказывалась прямо на проезжей части. Было видно, что сидит она тут уже давно. Её некогда роскошная рыжая шерсть была заляпана грязью, на боках виднелись проплешины, а на морде красовалась свежая кровоточащая рана. Собака была страшно худая, и она уже не лаяла, а хрипела.

Денис услышал сдавленный вскрик и обернулся. Из глаз Лины лились слёзы. Она протянула руки и шла к собаке, шепча:

– Бальтазар, миленький, это ты! Бальтазар...

Пёс недоверчиво смотрел на приближающуюся девушку, приподнимая верхнюю губу и показывая зубы. Он пятился и глухо, угрожающе рычал. Лина медленно приближалась, ласково называя его по имени. Она опустилась на колени и протянула руку. Бальтазар остановился, принялся, недоверчиво склонил голову и посмотрел прямо на Лину. В его глазах потихоньку стало появляться узнавание, хвост слабо завилал, и вдруг он рванулся прямо к девушке, запрыгивая к ней на руки. Каролина прижимала к себе грязный вонючий комок, целовала в раненую мордочку, а Денис в это время отвязывал поводок от ограждения. На руках девушка занесла собаку в машину.

Сначала Лина и Денис показали Бальтазара ветеринару, а после отвезли его домой. В этот вечер Денис долго не уходил от Лины. Вместе они отмыли собаку от грязи, высушили, расчесали оставшуюся шерсть. Обработали его раны, сделали уколы. Аякс настороженно смотрел на двух пришельцев, которые так внезапно нарушили его единоличное барское существование. Но потом проникся дружескими чувствами к ним обоим. После сложных операций и долгого лечения Аякс снова встал на свои четыре лапы и смог вместе с Бальтазаром носиться по квартире. Они составили неплохой дуэт – Аякс сбрасывал вещи с полочек, а Бальтазар с восторгом их разгрызал.

Потом Лина и Денис переехали в небольшой загородный дом, и вот тут хвостатая парочка развернулась вовсю. Двор стал их площадкой для игр и веселья, а вскоре к ним присоединились и другие спасённые животные.

С тех пор Каролина и Денис неразлучны. Они обрели друг друга благодаря своей бескорыстной помощи тем, кто слабее. Бальтазар вернулся в жизнь Каролины после почти девяти месяцев скитаний. Аякс получил второй шанс на жизнь тогда, когда надежды у него почти не осталось. Всё-таки чудеса случаются, даже если их совсем не ждёшь.

Никита Селезнев

«БЕСКОНЕЧНАЯ ВЕСНА»

Дело было весной. Стоял один из тех празднично-майских дней, когда природа уже совсем ожила, и ничего больше не напоминало о том, что каких-то пару месяцев назад вокруг лежал снег и мороз заставлял людей одеваться теплее. Теперь зимние куртки исчезли, забрались в дальние углы шкафов на летнюю спячку. Солнце наконец-то стало снова приносить тепло.

Однако к обеду всё изменилось. Солнце скрылось за иссиня-чёрными тучами, застилавшими всё небо. Они мрачно нависали над городом и с минуты на минуту были готовы разлиться, выплеснуть из себя весь дождь, который они задолжали за зимние месяцы.

Я возвращался домой и искренне надеялся успеть до дождя. Но что-то мне подсказывало, что он окажется быстрее меня. Нет, не подумайте, я люблю дождь, но только когда я сижу дома, в тепле и сухости, а не иду по улице насквозь мокрый, шлёпая по лужам.

Первая большая капля плюхнулась на асфальт. Именно не упала, а тяжело плюхнулась и разбилась, разлетелась на тысячи маленьких, оставив на сером полотне дороги мокрое пятно, которое, впрочем, мгновенно высохло. Следом прилетела ещё одна, и ещё, и ещё. Начинался дождь.

Да, начинался дождь, а идти до дома оставалось порядочно. Что делать? Я оглянулся вокруг в поисках решения. Не знаю, что я хотел найти, но я увидел в десяти шагах от себя небольшую кофейню. Пока я раздумывал о том, переждать ли мне

дождь внутри или идти дальше, до меня, как по волшебству, донёлся чарующий запах кофе и свежей выпечки. Как можно перед таким устоять?

Колокольчик прозвенел над моей головой. Я вошёл внутрь. Не один я решил переждать здесь непогоду — все столики были заняты. Только в дальнем углу одиноко сидел какой-то старик.

Я купил себе кофе, и ноги сами потянули меня к свободному месту. Что же, я не был против.

— Эмм... Привет, я...

— Привет, Ким, — старик поздоровался со мной, не поднимая головы, глядя в свою чашку. Стоп, что...

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — я стоял в нерешительности, удивлённо глядя на старика.

— Я многое знаю. Не стой над душой, садись уже.

Мы сидели молча. Он всё так же смотрел в свою чашку с кофе. Напиток давно остыл и не подавал признаков жизни.

— Ваш кофе... Хотите мой, он горячий?

— Ах да, — старик щёлкнул пальцами, и из чашки тут же начал подниматься пар. Сказать, что я был удивлён — ничего не сказать.

Старик всё-таки посмотрел на меня. По его лицу пробежала тень улыбки.

— Просто фокусы. Давно я не делал чего-то стоящего. Да, я Ариус. Думаю, ты слышал обо мне.

— Не-ет, — я не понимал, что тут происходит.

— Ох, уж эти писатели. Особенно Твен, сделал из меня клоуна. Давай вспоминай. Сэймэй, Киприан, Мерлин — что-то же из этого тебе знакомо?

— Мерлин? Вы шутите?

— А что, похоже?

Я не ответил. Я рассматривал этого старика, его длинный мешковатый пиджак с заплатками, седую бороду, длинные спутанные волосы. Он был похож на немного приодетого бездомного. Или на тысячеклетного волшебника.

– Думаешь, я похож на бомжа? – он снова щёлкнул пальцами, и его борода вдруг стала аккуратно подстриженной, а волосы заплелись в причудливую косу.

А я думал, что удивляться дальше некуда...

– Так вы и правда...

– Да, да, сколько раз нужно повторять?

– Но почему... Как... Что вы тут делаете?

– Не видишь? Кофе пью, – он невозмутимо взял чашку и выпил её целиком, одним долгим глотком. Когда она, пустая, коснулась стола, в ней снова появился чудесным образом появился кофе. Да уж, чудеса...

– А если серьёзно, – продолжал он, – то влачу своё жалкое существование. Тяжело, знаешь ли, быть бессмертным. Чёртов эликсир, открыл его на свою голову. И зачем, зачем? Знал бы, что меня ждёт, бросил бы эти трюки, завёл бы себе сахарную плантацию, да умер бы в окружении детей и внуков. Тихо, мирно. Эх...

Мерлин снова осушил чашку.

– Но эликсир... Эликсир бессмертия, да? Его же так и не нашли...

– Если ты не знаешь, то это не значит, что чего-то не было. Просто тиражировать его поиски начали в Средневековье, а эти остолопы-алхимики не смыслили ничего в зельеварении. Вот и не додумались смешать все то, что было у них под носом. А я открыл его ещё в Древнем Египте. Вот были времена... Ни тебе машин, ни тебе небоскрёбов. Только песок,

пирамиды и рабы. И суставы тогда не ломило. А теперь вот сижу здесь, пью кофе да лечусь от депрессии.

– От депрессии? Откуда она у вас?

– А ты поживи с моё, тогда поймёшь, – очередная чашка кофе отправилась внутрь волшебника. – Нет, знаешь, вечная жизнь всё-таки хорошая штука. Только не сейчас, нет. Вот остался бы я с Артуром, играл бы в карты с Ланселотом, да жил в своём замке – это была бы красота. Эх, бедняга Артур, сколько лет прошло, сколько лет... Распить бы с ним сейчас бочонок вина, поругаться с Гавейном... А потом отправиться искать Грааль. Горланить по ночам песни, будить крестьян, ругаться на чём свет стоит...

– Но вы же волшебник, значит, можете всё?

– Почти всё, парень, не делай из меня бога.

– Хорошо, почти. Что вам мешает взять и отправиться в прошлое, во времена Круглого стола и Крестовых походов? Щёлкнули пальцами, и всё – уже на месте. Всё же просто!

Старик усмехнулся. Полная чашка очередной раз оказалась у него в руках. Только теперь в ней был не кофе. Видимо, что-то покрепче.

– Если бы всё было так просто, думаешь, я бы торчал здесь? Нет, Ким, ты что, фильмов не смотрел? Во-первых, там, в прошлом, уже есть я. Точнее, ещё есть. Точнее... В общем, если я туда перемещусь, то тот Мерлин будет крайне недоволен тем, что появился ещё один претендент на его место. Да и на кой чёрт Артуру второй Великий Маг? А во-вторых, мало ли, что я там буду делать, может, здесь, в настоящем, всё изменится. Эффект бабочки и всё такое. Хотя мне, в сущности, всё равно на это настоящее... Но всё равно, это не вариант.

Я задумался. Мне казалось невозможным то, что волшебник, который может всё (ну, почти всё), не может оказаться там, где хочет, пусть даже это место находится довольно за-

паднее и слегка средневековее. Должен же быть способ, какая-то лазейка... Точно!

– А что, если вам отправиться не в наш мир? Почему не создать параллельную вселенную, где сейчас Средневековье, король Артур, Ланселот, Круглый Стол?

– Парень, я же сказал – я не всемогущ. Создать целую вселенную – это тебе не кофе сварить.

– А что, если взять уже готовую? Почему бы вам не взять какую-то книгу обо всём этом и просто не переместиться в неё?

– Это уже куда интереснее. Я не думал об этом. Но там, где упоминается Артур, всегда уже есть Мерлин. Всегда. И нас снова будет двое. А избавляться от себя, пусть и персонажа книги – не лучшее занятие. Поэтому... Это тоже не вариант...

Не вариант... Я посмотрел в свою чашку. Кофе давно остыл. Я сделал глоток и поморщился. Нет, всё-таки некоторые напитки не стоит пить охлаждёнными. Мерлин посмотрел на мою кислую физиономию, щёлкнул пальцами, и кофе снова задымился. И тут меня осенило.

– Это вариант! Ещё какой вариант. Если нет такой истории, которая подходит вам, нужно её написать. Только и всего! Представьте: вы сможете создать идеальный мир, в котором время не течёт, а стены Камелота только ждут, когда в них войдёт Великий Маг. Что скажете?

– А это может сработать. Да только как я напишу? Чего-чего, а писать я никогда не умел. Как-то не нужно было.

– Это ничего, я вам помогу. Давайте же, это просто! Для начала нам нужен...

Мерлин щёлкнул пальцами, и на столе появилась книга. С красивой обложкой, украшенной настоящими драгоценными камнями. Она открылась на первой странице, которая была абсолютно пустой. Как и вся книга. Рядом материализовалось перо.

- Да, именно это, – удивлённо закончил я. – А чернильница?
- Нет-нет, это обычная ручка. Просто стилизация.
- Тем лучше. Итак, начнём. «Однажды...»

Мы сидели несколько часов и писали. Под конец появилась вполне сносная история. По крайней мере, Мерлину понравилась. Он поблагодарил меня, и мы разошлись в разные стороны. Я домой, а он... А он в своей идеальной мир.

На следующий день я снова пришёл в эту кофейню. Сел за тот же столик, заказал кофе. И тут я увидел книгу. Она лежала на том стуле, где сидел старик. Я взял её и начал листать. Действительно, это была та самая книга, которую мы вчера написали. Но что-то было не так. Что-то... Да, теперь она была иллюстрирована. Вот тут король Артур восседает во главе Круглого Стола, вот Ланселот не своим благородном коне скачет навстречу приключениям, вот стены Камелота... А на последней странице – большая зала, в которой собрался весь замок. Они встречают именитого гостя, склоняются перед ним на колени. Король встаёт, чтобы лично встретить его. И вот он заходит. Тот самый старик с причудливой косой. Только теперь пиджак стал балахоном. Он смотрит прямо на меня и, кажется, подмигивает. А внизу подпись: «Спасибо».

Я выпил кофе, закрыл книгу и взял с собой. Теперь она займёт почётное место на моей полке, как напоминание об этом странном и удивительном эпизоде.

Я шёл по улице и любовался весной. Яркое солнце светило всюду, делилось радостью со всем миром. Щебетали птицы. Куда-то спешили люди.

А мне некуда было торопиться. Я смотрел по сторонам и думал. Думал о том, что ни за что бы не променял своё время ни на какое другое. Мне нравится этот город. Нравятся машины и небоскрёбы. И, если бы у меня была возможность, я бы тоже остался здесь навсегда. Может, когда-нибудь я напишу книгу для себя и останусь в ней, в своём идеальном мире?

Кто знает.

Николай Хрипков

«НА КУДРЯШОВСКОЙ ДАЧЕ»

Летом детсадовцев вывозили на дачу в Кудряши. Дача была огорожена деревянным штакетником. Здесь был домик для персонала, кухня и маленькая избушка, в которой жил сторож. По совместительству он был разнорабочим. Ездил за продуктами, ремонтировал, топил кухню.

У обрывистого кудряшовского берега была небольшая деревянная пристань. На пристани была касса. Билет до Новосибирска стоял четыре копейки. Дешевле можно было проехать только на трамвае за три копейки. Троллейбус стоял пять копеек, автобус — шесть. На такси почти никто не ездил. Их можно было увидеть только в центре города.

Сойдя с пристани, детишки взбирались по крутой тропинке вверх. Берег был в дырах, как от снарядов. Здесь селились речные птицы.

Дети жили в деревянных бараках. Сразу за дачей начинался сосновый бор. Дальше всё чаще попадались тёмные сумрачные ели, всё больше было сушняка и бурелома. Жители Кудряшей не брали его даже на дрова. Зачем? Когда полно стоячего сушняка. Туда уже боялись заходить. Говорили, что там водятся медведи и бродят волки, которые нападают на заблудившихся коров, убивают и съедают их. И действительно, иногда попадались крупные кости. Но медведей и волков мы ни разу не видели. Может быть, нам просто не везло. Или они считали ниже своего достоинства связываться с мелюзгой. Вот белочки, зайцы и бурундуки встречались чуть ли не на каждом шагу. Белочки ловко убегали вверх по стволам деревьев. А зайцы исчезали в зарослях.

Каждый раз появление этих зверушек вызывало взрыв восторга. И тот, кто не успел увидеть, очень огорчился. Напуганные детским визгом, они стремглав скрывались. Но встретить их можно было даже на самой даче.

Каждый день вместе с воспитателями малыши выходили в лес. Сачками ловили бабочек и стрекоз, собирали цветы и ягоды. На полянке росла томная сочная клубника, которая сама таяла во рту. Чем ближе к лесу и чем гуще была трава, тем крупнее была клубника, хотя здесь уже её было поменьше. В самом же бору возле сосен можно было найти кустики черники. С конца июля начинали собирать грибы. Вначале ребяташки, особенно те, кто никогда не был в деревне, в лесу, рвали полные корзинки поганок и мухоморов. И воспитательницы со смехом выбрасывали всё из корзинок. Хорошо, если оставалось два – три нормальных гриба.

Тут на даче я научился собирать грибы. И уже ко второму сезону стал заядлым грибником. Когда приезжали родители, быстро набирал полную корзину, о чём потом с гордостью мама рассказывала подругам.

Однажды в тихий час – окна в жару были открыты – к нам в барак заглянула корова. Коров можно было встретить на лесной полянке, бродили они и возле дачи. У каждой на шее был колокольчик. Те, кто не спали, подняли такой визг, что прибежала напуганная воспитательница. Пока она неслась, наверно, передумала всякое. Может быть, змея забралась. Какое-то время она не могла понять, что же случилось. Потому что дети продолжали визжать.

Дети показывают на окно. Воспитательница выглянула и увидела убегающую корову. Корова неслась, задрав хвост и высоко подкидывая заднюю часть туловища. Она, наверно, ещё так никогда не бегала. Кто кого сильнее напугал: корова

детей или наоборот — выяснить не удалось. Потому что больше никто из крупного рогатого скота в окна не заглядывал.

Из совхоза завхоз на лошади привозил фляги с молоком, мясо, масло, яйца. В ягодный сезон часто делали свежую клубнику с молоком и сахаром. И тогда в огромной кастрюле не оставалось ни капли. Варили варенье, запасались им на всю зиму. Делали пирожки с грибами, варили грибные супы, солили грибы.

В субботу после обеда приезжали родители. Суббота была рабочим днём, но коротким. До обеда. Для них завод специально выделял моторку (так называли речной трамвай), которая до вечера стояла на пристани в Кудряшах. Некоторых ребяташек, но их было мало, родители забирали домой. Кто-то скучал по дому, кому-то не очень нравилась жизнь, как говорится, на лоне природы. С собой родители привозили конфеты, одежду, забирали порванную и грязную. Потом уже, после обеда, наобщавшись с чадами, которых уводили на тихий час (так назывался послеобеденный обязательный сон), родители на берегу усаживались, расстелив на песке скатерти, доставали снедь, непременно бутылочку и отдыхали до отхода моторки.

В жаркий день ребяташек выводили на Обь искупаться. Место для купания находилось недалеко от пристани. Позволяли плескаться только возле самого берега. Территория для купания была огорожена досками, которые каждую весну ломало льдом. Когда доходили до деревянного борта, самым высоким было по пояс. Небольшое течение было и в купальне.

*Дети шумною гурьбою
В жаркий полдень шли к реке.
Для свидания с рекою
Все одеты налегке.*

*Кто в платочке, кто в панамке,
Кто в бейсболке, кто ни в чём.
Воспитательницы-мамки
И вожатая с мячом.*

*Дети бросились в купальню.
Из досок борта и пол.
Рядышком поставит пальму
И получится атолл.*

*Распугали птичек визги,
В норах бросили ребят.
Под лучами солнца брызги
Бриллиантами блестят.*

*Деревенские девчонки,
Малышня и пацаны
Расположились в сторонке.
Им купальни не нужны.*

*Там до бакена мальчишки
Доплывают. На песке
Кто-то режется в картишки,
Кто-то нежится в песке.*

*Воспитательницам жарко.
Раскраснелись. Хороши!
Целый день у них запарка.
Малыши как мураши.*

Николай Хрипков

«КТО ИЩЕТ, ТОТ ВСЕГДА...»

Вечером Клушин понял, что за ним следят. И понял, и убедил себя в этом. А вот зачем следят, совершенно непонятно. Ничего противозаконного он не совершал. Если он кого-то и убивал, то только назойливых мух, которые время от времени появлялись в его квартире. Ещё мыш, которая попала в мышеловку, он выбросил её в ведро и вынес в мусорный бак.

Государственными секретами он не владел. Что он мог поведать агентам иностранных разведок: о расходах на ремонт жилья его жилищно-коммунальной конторы?

Предположим это грабители. Так и грабить у него нечего. То, что у него в квартире, добрые люди выбрасывают на свалку. Ну, ни малейшего повода для слежки. И тем не менее за ним не следили. Самое удивительное в этом: следила женщина.

Впервые он обнаружил слежку неделю назад. Вышел из своей конторки и чуть ли не налетел на эту женщину. Она была примерно его лет, чуть раскосые тёмные глаза и пухлые губы. Не налетел всё-таки, но её портрет впечатался в его память. Чертыхнулся. Извиняться не стал, потому что всё-таки не налетел. И пошёл себе домой. А когда остановился у киоска «Союзпечати» и уже заталкивал газетку в карман, боковым зрением снова увидел эту женщину. Она стояла в шагах десяти, лицом к стене дома. Как будто читает какие-то объявления на стене. Но никаких объявлений там не было.

Через пару дней он снова заметил её. Уже возле своего дома. Он заходил в подъезд, и его как будто дёрнуло. Он

обернулся и увидел её в несколько десятков шагов от себя. Она быстро отвернулась. Но он сразу узнал её. Это была она. Даже одета была так же, как и во время первой встречи, когда он чуть не налетел на неё. И тогда шевельнулось в нём смутное подозрение, что она за чем-то следит за ним. Но он тут же отбросил его из-за нелепости.

И вот сегодня снова. Она шла за ним от самой конторы. То терялась в толпе, то выныривала из неё и снова оказывалась на виду. Нет, она не профессионалка. Профессионал не обнаруживает себя. По крайней мере, если тот, за кем он следит, тоже не профессионал. Он остановился возле дерева и наклонился, якобы завязать шнурок. И наклонившись, снова увидел её. Она стояла, не пряталась, надеясь, что он не заметит её. Возле дома он обернулся. И чуть ли не встретился с ней взглядом.

Теперь он пытался разгадать эту загадку. И не находил никакого разумного объяснения. И вот тут его осенило. Чтобы открыть тайну, надо самому стать ищейку, чтобы ни за тобой следили, а ты следил. И когда он узнает, что это за женщина, он поймёт, почему она его выслеживает. Он стал вспоминать правила слежки – те, которые видел в многочисленных сериалах про ментов. И вывел для себя некие правила. Тот, кто следит, должен быть незаметным. Поэтому следить нужно издалека. Быть так далеко, чтобы не выпустить того, за кем ты следишь, из поля зрения. Желательно, чтобы эстафета слежки каждый раз переходила к другому лицу. Но поскольку он был в единственном лице, то нужно изменять внешность. Нацепить бороду, усы, надеть тёмные очки, сменить верхнюю одежду, стать стариком, инвалидом, бомжом. Узнать адрес, где она живёт. Если можно, то осторожно расспросить соседей о ней. Хорошо бы сфотографировать. По фотографии поискать в интер-

нете. А если узнать фамилию, имя, отчество, где она работает, то вообще будет великолепно.

Довольный этим планом, он приготовил себе быстрый ужин, потом посмотрел сериал и лёг спать.

Первое, о чём вспомнил он, когда проснулся, что с этого дня, как это называется? – филёром или шпиком. Поэтому внимание, внимание и ещё раз внимание.

Закончился рабочий день, он вышел из конторы. Постоял на крыльце, осматриваясь. Но незнакомки не увидел. Это ещё ничего не значило. Она знала его маршрут, знала, где он живёт. И могла его поджидать в любом месте. Шёл он медленно, озираясь по сторонам, оборачиваясь, останавливался возле витрин. Зашёл в свой любимый магазин «Светофор» и купил полуфабрикаты. Он не ходил в рестораны и кафе и готовил себе всегда сам.

Не было женщины и на следующий день. И на третий день он её не увидел. Может быть, она пришла к тем же мыслям, что и он, и теперь стала незаметной? Или передала слезку кому-то другому. Но и в следующие два дня он не обнаружил никакой слезки. Это даже раздосадовало его. Ведь он придумал такой прекрасный ход. И всё оказалось напрасно.

И когда через неделю он увидел, что она снова идёт следом за ним, то обрадовался. Он зашёл за угол и быстро юркнул в ближайший подъезд. Чуть приоткрыл двери и стал наблюдать. Женщина прошла мимо, остановилась, огляделась вокруг. Она, вероятно, растерялась, как это так она могла его потерять. Потом быстро пошла тем маршрутом, которым он всегда возвращался домой. Дошла до подъезда, опять огляделась и вошла. Её не было несколько минут. Наконец она показалась. Клушин видел, что она растерялась. Постояла и пошла прочь.

Он следовал за ней, соблюдая те правила, которые сам определил для себя. Женщина прошла квартал. На обочине стояло такси. Она села в машину. По законам жанра Клушин тут же должен был нанять такси и попросить водителя следовать за той машиной, в которую она села. Но он не сделал этого. Причина весьма простая. Денег, что у него были, хватило бы на минут пятнадцать. Не больше. И то, если бы водитель оказался не хапугой. Так он её потерял сразу же. В первый день слезки. Но сделал вывод, что женщина живёт довольно далеко и от его дома, и от его конторы, раз берёт такси.

На следующий день он не стал выходить из конторы, а долго стоял возле большого окна, высматривал, нет ли её. И когда её увидел, то был почти счастлив. Теперь у него был другой план, который казался ему гениальным. Он вышел через чёрный вход, прошёл за другое здание и стал наблюдать за ней. Она терпеливо стояла на одном месте и даже не старалась особенно прятаться. На этот раз на ней была другая, короткая красная курточка. «Разве профессионал будет одевать такую яркую одежду?» — усмехнулся Клушин.

Ожидание затягивалось, и женщина начала нервничать. Клушин представил, что у неё сейчас на душе. «А ведь раньше он всегда выходил минута в минуту. На трудоголика, фаната работы он не похож. Скорее всего, ему его работа кажется скучной и не очень нужной. Но она не утомительна и платят сносно, почему бы не отсиживать свои рабочие часы в этой конторке? А может быть, зайти и спросит, ведь там же должен быть какой-нибудь вахтер? Нет! Он обязательно скажет ему, что им интересовалась какая-то женщина, и опишет её внешность. И ему сразу станет ясно, что она за ним следит. Но что же делать?»

Женщина медленно пошла по дороге, по которой Клушин возвращался домой. Она дошла до подъезда, постояла,

но на этот раз не зашла. И пошла прочь на дорогу и снова взяла такси. Клушин был раздосадован. Так он никогда не выследит и ничего не узнает о ней. Нужно сделать что-то другое. Но что? Он постучал пальцами по кухонному столу. А что если... если пойти напролом и сразу всё выяснить.

На другой день незнакомки не было. Но он был уверен, что она всё равно придёт. Ей что-то нужно от него и пока она не добьётся своего, она не оставит его. Через два дня она появилась. На этот раз Клушин не таился, не придумывал никакие изощрённые ходы.

Он шёл, не оглядываясь, и был уверен, что она следует за ним. Вот подъезд его дома. Он зашёл и спрятался в углу. Подъезд был освещён одной тусклой лампочкой. И в тёмном углу его нельзя было сразу заметить. Если не приглядываться, конечно. Он даже старался тише дышать, чтобы ничем не выдать себя. И вот дверь медленно открылась. Она переступила через порог. Клушин рванулся к ней и схватил её за локоть. Женщина вздрогнула, повернулась к нему.

— Опустите меня или я закричу.

— А я сейчас вызову полицию. Вы преследуете меня, следите за мной. Зачем? Кто вы?

— Да отпустите же локоть! Мне больно. Я не собираюсь бежать

Он опустил.

— И совсем я вас не преследовала. Да! Я ходила за вами.

— Зачем?

— Может быть, нам поговорить в нормальной обстановке?

— В нормальной – это в какой?

— В спокойной. За столом.

— Вы хотите, чтобы я вас пригласил к себе?

– Нет. Это могут неправильно понять ваши соседи. Да и вы сами... Давайте в какой-нибудь кафешке. Кстати, рядом с вашим домом есть кафе. Мне оно показалось вполне приличным.

– Ну... Ну, давайте! – согласился Клушин. Только денег у меня немного, на дорогое вино не рассчитывайте. И на всякие там экзотические блюда.

Она рассмеялась. Ему понравился её смех.

– Я сама плачу за себя.

В кафе было занято только два столика. И за тем и за другим сидели молоденькие парочки. Наверно, влюблённые. Она прошла к самому дальнему угловому столику.

– Всё-таки я закажу вино. Потому что... А впрочем, вы поймёте скоро почему. А вам?

– Я доверяю вашему вкусу, – ответил Клушин.

– Да. Я Света. Светлана.

– А я Слава. То бишь Святослав.

– У! Имя великого древнего полководца, который всегда «шёл на вы».

– Да, только имя.

– Не скажите, не скажите, Слава!

Она налила вино. Клушин укорил себя: ведь это должен был сделать он. Света протянула бокал.

– За знакомство!

Чокнулись.

– Так слушайте, Слава. Но начать мне придётся издалека. Всё это началось жарким летним днём. Мне было шестнадцать лет. В этот день я пошла на пляж. И вот я заплывала довольно далеко и попала в воронку. Знаете, это когда бьют очень холодные ключи. Вода в этом месте крутится, что довольно опасно для неопытных пловцов. А я была именно такой. Ноги свело судорогой. Было очень больно. Я напугалась. Попыталась отплыть.

Но меня неудержимо тянула вниз. Да, я закричала. И совсем ослабела. Только беспомощно била руками по воде. Как будто кто-то очень сильный схватил меня за ноги и тянул вниз. Я погрузилась с головой и сделала глупость. Под водой попыталась закричать. Но глотнула ледяную воду. В глазах потемнело. Я, наверно, потеряла сознание. Но, как видите, я не утонула. Да, какой-то юноша спас меня. А когда я вернулась с того света, выплыла из темноты. И простите за повторение, увидела свет, первое, что я увидела, было его лицо, моего спасителя. Потом меня отвезли в больницу. Слава богу, всё обошлось. Но перед моими глазами постоянно стояла лицо этого юноши, моего спасителя. И днём, и ночью я думала о нём и видела его. Он, конечно, не объявлялся. Я ходила на пляж, всматривалась в лица, но так и не встретила его. Может быть, он был у кого-нибудь в гостях и уехал в другой город. Не знаю. Но теперь, куда бы я ни шла, я всматривалась в лица молодых людей, надеясь встретить его. Это была какая-то мания. Других молодых людей для меня больше не существовало. Я поняла, что влюбилась. И если смогу быть с кем-то, то только с ним. Других для меня больше не существовало. Я закончила школу, потом вуз. Но постоянно грезилась только о нём. Это было какое-то сумасшествие. Я убеждала себя, что нужно забыть о нём, найти себе молодого человека, выйти замуж, создать семью. В конце концов, такого человека я встретила. Мы прожили три года. Этого мне хватило, чтобы понять, что я не люблю этого человека. А любила я только одного, своего спасителя. Не знаю, как это назвать% дуростью, романтизмом или сумасшествием. Но я ничего не могла поделать с собой. И все годы надеялась, что я его встречу. И чудо произошло. Я его встретила. Я проходила мимо вашего офиса и в это время вышли вы. Я буквально превратилась в соляной столб. Не могла поверить. Но это был он, мой спаситель.

- Это я?
- Это вы, Станислав.
- Но ведь прошло столько лет!
- Конечно! Конечно! Но нельзя изменить глаз, этот взгляд, эту застенчивую улыбку. И как говорится, сердце не обманешь. Но я хотела убедиться, что это именно вы, узнать о вас больше.
- И вы начали за мной следить.
- Да. Как это ни глупо. Но я должна была знать наверняка. И чем больше я вас видела, тем больше убеждалась, что это именно вы. Я нашла вас. А теперь скажите, Станислав, самое главное: вы помните эту историю спасения.
- Пойдите...
- Клушин замялся.
- Вы никого не спасали?
- Ну... спасал.
- И вы не запомнили меня?
- Знаете, всё произошло так быстро, стремительно.
- Понимаю. Но вы хоть помните, в каком я была купальнике?
- Ну...
- Тёмно-синий, раздельный.
- Да, тёмно-синий. Конечно.
- Они как раз тогда вошли в моду. Мы с мамой ходили по базару, и я увидела такой купальник в магазинчике. Конечно же, уговорила маму. Мне кажется, девчонки завидовали мне.
- Они допили вино.
- Станислав! А мы встретимся ещё с вами?
- Она положила на его ладонь свою.
- Я, наверно, кажусь вам назойливой?
- Нет! Что вы? Что вы? Мы обязательно должны встретиться. Я очень хочу этого.
- Спасибо!

- Я провожу вас?
- Нет! Я на такси.
- А... если мне поехать с вами?
- А вы этого хотите?
- Да.

По дороге они купили вино. Клушин остался у Светланы. Через месяц они поженились. На этом можно было бы ставить точку. Но история имела продолжение. Неожиданное для каждого. Через год совместной жизни они решили отметить это событие. Именно в том кафе, где познакомились.

– А знаешь, Слава, я всё-таки женщина и не могу держать тайну долго в себе.

- Любопытно.
- Да. А ведь ты, Слава, меня не спасал.

Бутылка дрогнула в его руке.

- Может быть, ты и не тонула?
- Нет. Я тонула. Но спас меня другой человек.
- Но как же? Ведь ты сама говорила, что сразу узнала меня.

И всю эту слежку затеяла.

– Да, ты очень похож на того человека, которого я увидела, когда вернулась к жизни. Но это был другой.

– Погода! А как же ты это узнала.

– Утром. Помнишь нашу первую ночь? Я проснулась первая. Ты ещё спал. Я поглядела на тебя и сразу поняла, что ты другой человек.

– Но что произошло со мной за ночь.

– Кроме лица того молодого человека, мне в память врезалось, что у него под левой ключицей была родинка. Лицо и родинка – вот что я запомнила на всю жизнь.

- Вон оно что! И что теперь?
- А ничего.

– Ну, как ничего? Ведь ты же искала своего спасителя всю жизнь и только с ним хотела связать свою судьбу.

– Я уже связала свою судьбу. Правда, этот человек оказался обманщиком. Но разве из-за маленького обмана нужно отказываться от счастья.

– Ты не только самая красивая женщина, но и самая мудрая. Да, я обманул тебя. Хотя... не совсем.

– Как можно обманывать не совсем?

– А вот и можно.

Он вспомнил тот летний день. Жаркий. У реки полным-полно народу. Он лежал на песке. Потом сел. Решив, что пришла пора окунуться. И тут вдали от берега он увидел девушку, которая судорожно била руками по воде. Голова её то скрывалась под водой, то снова показывалась. Наверно, она кричала. Но была слишком далеко и крик её был не слышен. Ему сразу стало понятно, что она тонет. Он бросился в реку. «Только бы успеть! Только бы успеть! – стучала мысль. – Ну, держись моя хорошая!» вот он на том месте, где была девушка. Огляделся. Никого. И даже пузыри не идут. Он набрал полные лёгкие воздуха и нырнул. Опустился на метра полтора и увидел её. Она медленно погружалась. Он обхватил её. Бил ногами со всей силы, чтобы подняться вверх. Но это было тяжело. Очень тяжело. И он уже со страхом думал, что ещё мгновение и он отпустит её, иначе утонет с ней вместе. Изогнулся всем телом и оттолкнулся так, как будто под ногами была твёрдая опора. И вынырнул. Жадно хватал спасительный воздух. К нему уже плыли. Девушку вынесли на берег. Незнакомый ему мужчина положил её животом на колено, чтобы выдавить из лёгких воздух. Потом ей делали искусственное дыхание. И она открыла глаза, когда он, Слава, вдыхал в неё очередную

порцию воздуха. Она поглядела на него, а потом закашлялась. А потом подъехала «скорая помощь». Вот и вся история.

Об этом и рассказал Клушин Светлане.

– Вот видишь, я в тебе не ошиблась. Ты у меня герой. Пусть спас ты и не меня, а другую девушку.

– Да я, Света, сразу знал, что это была не ты.

– Почему?

– На ней был не синий и не раздельный купальник. А цельный, с такими крупными цветами.

– Если ты не сказал об этом, значит, ты не хотел меня терять. Спасибо, милый!

«Как женщины умеют любую ситуацию повернуть в свою пользу!» – восхитился Клушин.

Они чокнулись. Вино было превосходное.

Павел Гершгорин

«ЧЕЛОВЕК В АВТОБУСЕ»

Этот Человек всегда выходил из дома ровно в 7.50. До остановки было идти не более двух минут, а автобус под номером 20 приходил ровно в 8.00, поэтому времени было с запасом, на случай форс-мажоров, которых, впрочем, за одиннадцать лет не случилось ни разу.

Человек вышел из подъезда и по обычаю взглянул на часы. В этот момент минутная стрелка как раз перепрыгнула на число 51. Улыбка канарейкой слетела с лица, а глаза расширились, чуть не слившись воедино. «Не может быть» — чуть не подпрыгнул Человек. Стоит упомянуть, что часы он подводил ежедневно, поэтому этого действительно не могло быть. Человек поднёс часы ближе к лицу, теша себя надеждой на внезапное ухудшение зрения, всё же это куда меньшая проблема. Но и это не помогло. Более того, секундная стрелка, предательски быстро завершив очередной свой спринтерский круг, бесцеремонно столкнула минутную на число 52.

Тут Человек занервничал не на шутку. Такого волнения он не испытывал со своего первого дня в школе, когда мама поручила ему подарить учительнице букет цветов; естественно, не разобравшись кому, что и когда дарить, он принёс цветы обратно домой.

Успокоив себя тем, что наконец пригодился форс-мажорный запас времени, он ринулся в сторону остановки, как солдат на отступающего неприятеля.

Ровно в 7.54 он оказался на месте. Но что-то было не так. Нет, остановку не перекрасили, скамейка была на месте. Люди.

Вот в чём дело. За одиннадцать лет они стали неотъемлемой частью остановочной обстановки. Люди появлялись и исчезали, но всегда оставался некий костяк. Всегда можно было быть уверенным, что, придя на эту остановку в положенное время, увидишь если не всех, то большую часть этого бессменного сообщества. Сегодня ничего подобного не было. Человек этот неспешно прошёлся по периметру остановки, украдкой вглядываясь в лица её гостей. Решительно ни одного знакомого.

7.57. Тревога стала нарастать. Человек решил обратиться к женщине в очках, не ушёл ли автобус под номером 20. Та ответила, что не было.

7.58. Не выдержал и задал тот же вопрос лысому пареньку в кожаной куртке. Тот был менее любезен, но смысл ответа был примерно тем же. Хотя, возможно, Человек неправильно интерпретировал его слова, но переспрашивать желания не возникло.

7.59. Вновь попытался узнать про двадцатый автобус. Как оказалось, попалась та же женщина, что и две минуты назад. Просила не беспокоиться. Обещала дать знать, как «двадцатка» уйдёт. «Наверно вдохновилась манерами лысого», – подумал Человек.

8.00. Время застыло словно желе, густое, но безвкусное.

«11 лет я приходил на эту остановку, терпеливо ждал свой автобус, добросовестно оплачивал проезд. Неужели после всего этого я заслужил такое?» – мысленно рассуждал он.

Но тут до Человека донёсся шум мотора, который он слышал сотни раз. Его спину согрел свет неповторимых фар, единственных в этой Вселенной.

«Двадцатый», – словно признаваясь в любви, прошептали губы Человека. Он обернулся, зная, что угадал. Потому что он не гадал, а знал. К остановке по-кошачьи мягко под-

крался один из лучших представителей семейства автобусных с гордой надписью под стеклом, гласившей «20».

Двери открылись с бережностью, с которой новоиспечённая мама открывает дверь в спальню, где спит её дитя. Человек пропустил всех и вошёл последним, чтобы без спешки насладиться моментом, прочувствовать каждый шаг внутри добродушного монстра. За этим безмятежным времяпрепровождением он чуть было не забыл оплатить проезд, на что ему заботливо, хотя и не без некоторой строгости, указал водитель автобуса.

Человек прошёл в салон и занял последнее свободное место возле окна. Автобус неторопливо тронулся. Человек расслабленно протянул ноги, блаженно улыбнулся своему отражению в окне и посмотрел на часы. 8.05. Его словно молнией пронзило. Нет, конечно, у него оставалось в запасе больше двадцати минут, но такими темпами...

«Гони!» — мысленно взывал Человек. И только показалось, что водитель внял его зову, как автобус, ослеплённый красным сиянием светофора, встал на перекрёстке. Нервы Человека кипели, как чан с супом в школьной кухне. Он сокрушался, что не владеет магией вуду, иначе слепил бы из своих бумаг фигурку водителя, правая нога которого больше не отрывалась бы от педали газа.

Первую остановку проскочили без потерь, зато вторая забрала времени на пять рейсов вперёд: мужчина в возрасте не мог протиснуть свою сумку через проход; у женщины в строгом костюме оказалась слишком крупная купюра, с которой водитель не мог набрать сдачу; несколько человек забирались в автобус, спрашивали, куда он идёт, и сквозь толпу пробирались обратно. Все толкались и кричали.

Затем вошла она. Они ездили одним маршрутом уже третий год. Каждый раз, завидя её, он не мог отказать себе в удовольствии бросить взгляд на одну из частей её тела. Одну — не больше, чтобы не нагнать. В ней не было ничего особенного: просто её волосы были чуть светлее, ноги — чуть стройнее, а глаза — чуть больше, чем у остальных. Так что всё-таки она была особенной без особенностей.

Обычно она проходила вглубь салона и садилась на любое свободное место возле окна. Сегодня же единственным свободным местом оставалось место возле Человека. На него она и села. Точнее, не так. НА НЕГО ОНА И СЕЛА. Вот прям рядом. Человек чуть в обморок не бахнулся. Излишки нервов, кажется, стали покидать тело вместе с потом.

Человек уже и забыл, куда едет. Усталился на часы, а там стрелки в разные стороны крутятся, да цифры хоровод водят. Глаза закрыл, собрался с мыслями. Вспомнил, что на одной остановке с этой девушкой выходит. «Ну, — думает, — как она начнёт вставать, так и я вслед за ней выскочу». И только глаза ещё сильнее зажмурил.

Через несколько минут Человек почувствовал толчок на соседнем месте. Он, начиная приподниматься, открыл глаза, а девушка просто поправляла юбку. Человек так и плюхнулся обратно. Смотрит, а это была его остановка. Их остановка. Так почему она не вышла? Двери закрылись, и автобус возобновил движение.

«Попал», — подумал Человек. Глаза снова закрыл и размышляет, как бы так выйти, чтобы не просить её подняться. Язык-то окаменел. Или одеревенел. Сути не меняет, слова не вымолвит.

Думал-думал да уснул. Ещё и сон видит. Бежит он на работу, опаздывает. Оказывается, у кабинета начальника, когда

тот как раз выходит из двери. В халате и тапочках, с кружкой кофе. И вопросительно смотрит на человека.

– Простите, я опоздал, – оправдывается Человек.

– Куда? Сегодня же суббота, – отвечает начальник.

«Суббота», – проснулся Человек. – «Вот почему автобус пришёл позже. Вот почему не было обычных его попутчиков, кроме этой девушки. Девушка...»

Человек обнаружил, что автобус остановился, и она выходит через открывшиеся двери. Он с грустью бросил взгляд в окно. «Парк», – гласила вывеска на остановке. Двери тут же закрылись с решимостью «железного занавеса».

– Подождите! Разрешите выйти, – внезапно для самого себя кинулся к водителю Человек.

Тот, словно лишаясь в результате этого года жизни, нажал на кнопку. Человек, тяжело дыша, выскочил наружу и стал крутить головой. Девушка неспешно шла в сторону парка. Полы её платья бабочками трепыхались на полу. Да и сама она скорее летела, нежели шла, плавно и безмятежно.

«Давно же я не был в этом парке», – подумал Человек и торопливо полетел вслед за нею.

Райдо Альгиз

«СКАЗКА ПРО ФЕЮ»

Жила-была фея. Маленькая такая феечка. И была у неё большая мечта. Можно даже сказать – огромная.

Очень ей хотелось своего дракона, чтобы вместе летать под облаками и над облаками, не касаясь грязи равнин. Ни в буквальном, ни в фигуральном смысле. Феечка от природы была брезглива, чувствительна и обладала тонкой душевной организацией.

Где водились драконы, феечка не знала. За всю жизнь ей так ни разу и не привелось встретить хотя бы одного. Поэтому она решила вырастить дракона сама, как подобает истинному мечтателю, энтузиасту и целеустремлённой натуре. Упорства ей было не занимать, терпения было на десятерых, творческий огонь созидания пылал в её горячем сердце. В таком вот правильном настрое она и взялась за дело со всей страстью, на какую была способна.

Она очень старалась вырастить дракона из того, что было, что попадалось под руку, что удавалось отыскать. Но получались почему-то зайчики. Волчатки, ежатки и медвежатки. А дракон не получался. Из-за этого феечка очень расстраивалась, ругала себя неумехой и много плакала.

Плакала она так много, что образовался источник серебряной воды, от которого взяла начало речка Серебрянка, в низовьях питающая маленький городок. А может и не один. Вода была очень хороших вкусовых качеств, а когда её набирали в ванну – голубела как феечкины глаза.

Но феечка об этом не думала. Она опять горевала, глядя, как на поляне выписывает кульбиты гигантский заяц-русак.

Он совершал поистине невероятные прыжки, а потом выбил причудливую барабанную дробь на сухом пеньке. Но она даже не улыбнулась. Хотя у него было абсолютное чувство ритма! Не будь русак зайцем, он бы, пожалуй, обиделся. К счастью, он был зайцем.

Феечка роняла слёзы, апатично ковыряя каменную стенку заколкой с изумрудами, в давние времена выкованной для неё гномами на день рождения. Гномы очень старались, работая над сим артефактом, потому что искренне любили феечку и звали Белоснежкой. Но это было уже очень давно и, возможно, неправда. Когда опускаются руки, сложно верить во что-то хорошее.

Тогда-то всё и случилось. Каменная стена зашевелилась. Потому что гора, возле которой жила феечка, на самом деле была вовсе и не гора, а спящий дракон. Да только попробуй тут поспи, когда под лапой у тебя сырость, барвинки щекотятся и какая-то дурында заколкой ковыряет.

Дракон приоткрыл глаз, посмотрел на феечку и сразу всё про неё понял. Такая уж у них особенность, у драконов. Он аккуратно выпростал лапу из переплетений цветочного ковра, достал откуда-то коробочку с кольцом и сказал:

— Пойдём со мной, Маленькая Феечка! Я сделаю тебя драконом. Ты будешь править миром, летать под облаками, над облаками и в междумирье, равная среди равных, великая среди великих!

Феечка сначала, конечно, слегка оторопела от такого поворота событий. А потом насупилась и ответила:

— Я хочу быть человекообразной феечкой, а драконом быть не хочу. Я принципиально против ассимиляции и межвидового скрещивания. Хотя вы, безусловно, прекрасны. Вы прекраснее всего, что я когда-либо видела. Может, вы и есть совершенство!

И посмотрела на него так пронзительно, как умела только она. Как смотрят на воплощённую мечту.

Дракон расхохотался и окончательно проснулся. Но всё равно продолжил хохотать. Смех у него был таким заразительным, что феечка заразилась и тоже стала смеяться. Они хохотали так долго, что у обоих заболели животы. А после они уже могли слышать друг друга без слов.

Дракон чуть прикрыл веки и задал Самый Главный Вопрос:
— Что же ты хочешь узнать, Маленькая Феечка?

Тогда она сложила кулачки под подбородком, и, отважно глядя ему прямо в правый глаз, молитвенно выдохнула:

— Всё!

И всё было. Они летали под облаками, над облаками и в междумирье. Большой Дракон открывал ей тайны мироздания и золотые запасы. И у неё всегда было платье к лицу, потому что дракон очень о ней заботился и всячески оберегал. Остальные драконы тоже относились к ней уважительно и внимательно прислушивались к её рассуждениям. Ведь они летали очень высоко и мало задумывались о жизни на равнине. Теперь же, раз уж вышла оказия, они вникли, покумекали и всё поправили. И на равнине тоже стало чисто, хорошо и зелено, так что даже щепетильная в вопросах гигиены феечка запросто могла бегать босиком, наслаждаясь тактильными ощущениями, в которых, между нами, знала толк.

Бобры строили плотины, зайцы косили трын-траву и никто никого не жрал. На земле наступил Золотой Век, но его так не называли. А про феечку и вовсе забыли. Потому что и так всё было хорошо, в здесь и сейчас.

Длилось всё это очень долго, примерно вечность. А потом феечке пришла новая идея. Но это уже другая сказка.

Рита Мурз

«Я ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ»

Солёные волны океана задорно сверкали в тёплых лучах утреннего солнца, а города Старого Света зажигали первые вечерние фонари. Жизнь на Земле шла своим чередом, как, впрочем, и на небесах.

На райском облаке, там, где не бывает тьмы и непогоды, сидела молодая душа. Была она совсем маленькой и прозрачной, ведь земную жизнь видела лишь с облака и ещё только готовилась к своему первому рождению. Маленькая душа смотрела вниз и думала о том, кем же ей родиться, и какую выбрать жизнь для себя.

— В первый раз всегда тяжело. Выбор большой, судьбы разные, — рядом с маленькой душой села Жёлтая душа, похожая на небесный одуванчик. — Но если ты спросишь меня, то я начинаю выбор именно с профессии, ведь нет ничего важнее, чем занятие всей жизни. Вот кем бы ты хотел быть?

— Не знаю, — смутилась Маленькая душа. — А это важно?

— Ещё как важно! — воскликнула Жёлтая душа. — Ты ведь будешь жить среди людей, приносить пользу обществу, будешь примером для детей. Представь, ты можешь создать что-то великое или очень нужное. В любом случае, жизнь мастера своего дела запомнят на долгие века, потомки будут восхищаться тобой, а кто-то даже благодарить. А ты познаёшь счастье от осознания собственной значимости в мире людей.

— Ох, что же за глупости, — на облако приземлилась Зеленная душа. — Прежде всего, надо выбирать родителей. Будет хорошая семья — будет счастливая жизнь. И образование

будет и профессия, всё будет, если будут хорошие родители. Семья — основа жизни.

Жёлтая душа даже чуть потемнела от возмущения, что Зелёная душа вмешалась в разговор с такими глупостями.

— И что ж теперь с плохими родителями делать? — спросила Жёлтая душа.

— Воспитывать, — ответила Зелёная. — Ведь для этого и нужны дети, чтобы помочь родителям стать взрослыми. А если говорить серьёзно, плохих родителей не бывает, бывают только несчастные. Но их можно и нужно сделать счастливыми.

— Как? — спросила Маленькая душа.

— Любить, — пропела душа ярко-красного цвета. — Любить надо всех вокруг: родителей, друзей, детей, весь мир. Лишь во имя любви стоит жить. И только жизнь в любви может называться истиной жизнью. Без любви человек не человек.

Тут в разговор вступила Оранжевая душа, до этого тихо сидевшая на соседнем облаке:

— На кухне человек всегда человек, — сказала она. — Главное в человеческой жизни правильное питание. Вот я не могу жить без фруктов, они просто необходимы каждому человеку.

Оранжевая душа подлетела к маленькой душе, чуть поёрзала, чтобы сесть поудобнее, и предалась воспоминаниям о своих прошлых жизнях:

— Родился я как-то в одной большой семье: мама такие пирожки пекла с картошкой — пальчики оближешь. А грузинские пироги с мясом — просто сказка, — сочные, вкусные. Я их ел в другой жизни, да и не только ел, но и сам готовил, вся улица приходила на пироги. А вот помню в России жил при царе — перепёлок подавали сказочных. Но и блины я, конечно, с икрой да сметаной люблю. А вот в Европе больше всего мне десерты запомнились, какие там пирожные, а шоколад...

Оранжевая душа могла бы ещё долго с наслаждением рассказывать том, что она ела в своих жизнях, если бы её не перебили:

— Ладно, ладно, — Голубая душа погладила Оранжевую по голове. — Ты большая молодец, что хорошо питаешься на Земле. Но дело-то не в том. Вот вы тут размышляете, что выбирать, кого выбирать, как выбирать. А надо не выбирать, а просто спускаться на Землю и жить. Вот и всё.

— А что всё? — не поняла Зелёная душа. — Как жить-то?

— По ситуации жить, — объяснила Голубая душа. — Земная жизнь — это удивительная лотерея. Никогда не знаешь, какой билетик тебе достанется. Следующий момент жизни всегда сюрприз. Но в этом и заключается вся прелесть земного существования — вечное приключение.

— Смешно, — сказала Тёмно-синяя душа, она появилась на облаке так неожиданно, что все вздрогнули.

— В чём-то ты прав, — Тёмно-синяя душа говорила немного трагично и как бы с высоты. — Человеческая жизнь — это лотерея, но просто вытягивать билетики и ждать последствий не для меня. Я сущность действий. Я двигатель истории, творец реальности, если хотите.

— Вот об этом я и говорю! — обрадовалась Жёлтая душа, наконец-то её поняли. Но Тёмно-синяя душа оборвала её восторги:

— Не об этом. Ты говоришь о простой обывательской жизни не приметного карьериста. Что толку от того, что ты станешь выдающимся учёным или продавцом, каких свет не видывал? Ты можешь быть талантливым актёром или смазливый певцом, но жизнь от этого не изменится. Историю пишут деятели, бесстрашные...

— И бессовестные, — заметила Оранжевая душа. — Ведь пока вы пишете историю, народ голодает.

— А как же любовь? — вмешалась Красная душа. — Ведь нельзя же двигать горы, если это помешает любви.

— Можно, — ответила Тёмно-синяя душа. — Во имя великой цели можно и горы подвинуть, и влюблённых разлучить, и поголодать. Я был участником походов Македонского, я был в гуще событий французской революции, я участвовал почти во всех гражданских войнах...

— И ради чего? — на облаке появилась ещё одна душа. Она была больше всех остальных, ярче и красивее. Она переливалась всеми цветами радуги и мерцала в свете солнца, что никогда не гасло на этих облаках.

— Ты хоть в одной жизни был счастлив?

— Не в счастье дело! — сказала Тёмно-синяя душа. — А в людях, понимаешь, в людях.

— Я-то понимаю, а ты, кажется, нет, — Радужная душа встала на край облака и устремила свой взор на Землю. — Человеческие жертвы не оправдывают ни одной даже самой великой идеи, ведь только жизнь имеет истинную ценность.

— Вот людям и приходится жертвовать ради жизни, ради будущего, ради новых поколений...

— Ну а что толку, новые поколения устраивают новые революции и приносят всё новые жертвы, — Радужная душа строго посмотрела на всех, но во взгляде её не было укора, лишь мудрое спокойствие.

Некоторое время души молчали, думали, Красная душа вздыхала, Тёмно-синяя надулась, было видно, как тяжело укладываются в её голове слова Радужной души.

— Всё потому что едят плохо, — пробурчала Оранжевая душа, нарушив всеобщее молчание.

– Делаю надо заниматься, тогда и революций не захочется устраивать, – вставила своё слово Жёлтая душа.

– Любить, – пропела Красная и её поддержала Зелёная душа:

– Правильно, и семье время уделять, будет в семье счастье – будет в мире покой.

Души начали спорить, Жёлтая душа темнела, Красная бледнела, Зелёная била себя в грудь, силясь доказать свою правоту, а Оранжевая только и повторяла, что все беды от голода. Ну а Тёмно-синяя уже начала небесную революцию, призывая души пересмотреть устав страны вечного солнца и ввести новый порядок и на Земле и на небе. Только Маленькая прозрачная душа молча слушала, испуганно озираясь на всех.

– Да тише вы, а то непогоду накричите, – успокоила всех Радужная душа. – Вот что я вам скажу: прожил я уже не одну сотню жизней, видел и религиозные праздники древности и страшные войны, познал счастье материнства и горечь утраты. Рядом со мной жили и грешки – обжоры и чревоугодники, и святые, те, что возложили свои жизнь на алтарь служения другим. Много историй я могу рассказать как печальных, так и весёлых, но все они заканчивались здесь и начинались тоже здесь. По-другому быть не может. Вон там, на Земле есть выбор, много дорог, много решений, а здесь только один путь на Землю. И каждый из нас выбирает по-своему, кем ему быть, кого любить, где родиться, а на Земле мы всегда выбираем, что нам делать. Но я вам скажу, где бы я ни оказался, какие люди бы меня не окружали, в какое сложное время я не родился, и на Земле и на небесах я всегда выбираю жизнь.

С. Хочистов

«ГОСТЬ ИЗ АРКАДИИ»

Я заглушил двигатель и вышел из машины. Блаженная лесная тишина, лишённая городской суеты, окутала меня, и я с радостью погрузился в неё. Ветер проносился около меня и играл меж толстых и высоких стволов сосен, заставляя их покачиваться. Казалось, сосны, эти лесные богатыри наклоняются ко мне своими могучими кронами, как бы приглашая углубиться в сумрачный покров чащи.

Машину я закрывать не стал, просто бросил ключ зажигания в траву возле колеса. Она мне больше не нужна, я оставляю её на границе Природы и Цивилизации там, где заканчивается власть человека, привыкшего к мысли о своём всемогуществе. Разве человек не покинул своё первобытное обиталище, не ушёл из лесов? Разве человек не огородил себя серыми стенами городов от сочной зелени? Разве человек не сковал свою свободу надуманными законами и рамками? Хватит, сегодня я вернусь туда, откуда некогда пришёл, и останусь там навеки.

На растрескавшийся асфальт глухо упал бумажник, за ним последовали телефон, зажигалка и прочий мусор, который обитает в карманах современного человека. Я отшвырнул всё это ногой и ступил на траву. Голова моя постепенно очищалась, суетные мысли не проникали в неё более, словно лес был барьером, неким фильтром, через который им было не пробиться. Ветки, свисающие до уровня моих плеч, не кололи и не ранили, в них не чувствовалось агрессии, скорее наоборот – они лучились радостью и беззаботностью, а пахли

так, как пахнет только далёкий летний день. Я ощущал могучее единение со всем живым, и это чувство с каждой минутой становилось сильнее. Мой взгляд упал на ноги... Ну конечно! Как я раньше не догадался?

Резким движением я сорвал с себя дорогие туфли и закинул их подальше, носки тоже нашли своё последнее пристанище на ветках невысокого куста. Мои босые ноги коснулись пружинистого мха, маленькие росточки защекотали свободные ступни. Я вдохнул полной грудью, и энергия, наполнившая моё тело, забурилась, закипела — мне захотелось бегать на четвереньках, отплясывать доисторические танцы и гнаться за луной до самой бесконечности. Но я сдержал себя, почему-то я был уверен, что всё это успеется. Сейчас я решил продолжать свой путь спокойно, лелея надежду на то, что обязательно займусь всем этим чуть позже.

Тропинка витиевато петляла, но мои ноги продолжали идти вперёд. Дороги я не знал, но мозг как будто подчинился чьему-то зову, который долетал до меня и безошибочно вёл к... Не знаю куда или к чему. Я полностью контролировал себя, я мог покрутить головой, поднять руку, сломать ветку (но этого никогда бы не стал делать), но в то же время и кто-то другой управлял мною. Я был рад чужому присутствию и был рад отдаться в его власть.

Незаметно для себя я стал погружаться в воспоминания. Мне припомнился тот морозный вечер начала зимы, когда я, сидя в маленькой спальне на третьем этаже, вдруг услышал песню. Я развалился в кресле и вглядывался в сочетания букв, напечатанных в книге, теперь ничего для меня не значащих, и вдруг услышал. Будто кто-то находился у меня за спиной и ласково нашёптывал слова мне в самые уши. Я обернулся, но комната была пуста, только шёпот не прекратился —

он продолжал плавно вливаться в мои уши. Я захлопнул книгу, зашторил окна, но ничего не помогало; я слышал и ничего не мог с этим поделать. Лишь только несколько часов спустя, приняв обжигающе горячий душ и выпив несколько стаканчиков выдержанного бренди, я повалился на кровать и заснул. Во сне шёпот пришёл снова, я увидел лес, увидел фигуры, которые показались мне смутно знакомыми...

С той самой ночи я непрестанно слышал зов. Он обрастал, становился более объёмным, наполнялся ритмом древним, еле уловимым – так зарождалась песня. Вскоре я стал находить листья, лежащие на моей подушке. В ящике стола я обнаруживал засохшие грозди винограда. Тогда люди, окружавшие меня, заметили перемены в моём поведении и решили принять соответствующие меры. Глупцы! Они и не подозревали, что я избран, а они – нет, что я постигаю великое, а они ничтожно топчутся на месте! Эти люди привели меня к врачам в белых халатах, и те показывали мне страшные картинки и задавали непонятные вопросы. Они тоже были чужды прекрасной музыке, что звучала у меня в голове, поэтому я замкнулся и ни с кем не делился знаниями, обретёнными в морозный вечер. Белые халаты отпустили меня и не поместили в жёлтый дом, и я ушёл от них, неся в сердце тайную мечту – ступить взаправду в тот лес, что пригрезился мне.

Я шёл, и уже вечерние сумерки – предвестники ночи – опускались на землю. Несколько раз мне казалось, что сквозь густое переплетение ветвей я различал смутные силуэты и странные фигуры, движущиеся в том же направлении, что и я. Они находились на самой границе видимости в лучах уже почти закатившегося солнца, и я не имел возможности разглядеть их лучше. На одной из полянок мне открылось ещё одно удивительное видение: маленькие, яркие огни парили

над поляной, словно языки пламени, оторвавшиеся от костра. Подобное зрелище заставило меня сбавить ход и остановиться. Я стоял и наблюдал за игрой, за хаотичным движением огней, а затем решил сам поучаствовать в ней. Но как только я сошёл на лужайку, все огни мигом испарились, и зашуршала листва, пряча под собой тех, кого я спугнул. Я вновь продолжил путь.

Теперь меня окружали целые вереницы, целые толпы невидимых в ночи существ. Я слышал их дыхание с присвистом, мягкий шорох крыльев, однако это не вызывало страха, мной владело блаженное спокойствие.

И тогда я увидел старика. Он приблизился ко мне и низко поклонился. В слабом лунном свете я разглядел его лицо: улыбающийся рот прятался меж курчавых усов и бороды, вся кожа была изрезана глубокими морщинами, а глаза светились, горели блеском, сравнимым по красоте лишь с вечной молодостью. Почему-то меня совершенно не смутил тот факт, что тело старика ниже пояса не было человеческим. Густая тёмная шерсть покрывала кривые, с вогнутыми в обратную сторону коленями ноги, вместо ступней я увидел копыта; помимо этого на голове незнакомца виднелись небольшие рожки, выступающие из непокорных кудрей, за них зацепилось несколько листьев. В руках он сжимал какую-то конструкцию из веток, я сразу понял, что это так называемая «сиринга» — камышовая свирель — любимый музыкальный инструмент всех беззаботных пастухов.

Сатир поднёс свирель к губам и сыграл несколько звучных нот, а затем ещё раз поклонился. Он взял меня под руку, и дальше мы пошли бок о бок. В его детских глазах я видел притаившееся ожидание чего-то грандиозного. Он вывел меня на огромную поляну, озарённую светом неизвестного

мне происхождения, и я остолбенел от открывшегося передо мной зрелища.

Ночной сумрак более не скрывал от меня формы силуэтов, что привиделись мне по дороге. Армии сатиров заполняли освещённое пространство. Они лежали, сидели, скакали... Они безбашенно резвились без толики стеснений. Козьи люди крутились около молодых и игривых нимф, но те лишь лукаво улыбались и отгоняли непрошенных ухажёров сандалиями. На моих глазах рыжий сатир получил хлёсткий удар по тому месту, где у людей находится бедро, но всего-то громко рассмеялся и сменил жертву. И над всем этим разгульным весельем царил Вахх. Изнеженно расслабленный и невозмутимый, с лёгким румянцем на лучезарном лице ходил он сквозь толпы нимф и опьянял их своим вином. За ним тянулась длинная плеяда вакханок, обезумевших от близости почитаемого божества; они ступали след в след за ним и ласково гладили край тоги, в которую был облачён молодой бог.

Вахх прошёл мимо меня, проплыл своей лёгкой поступью, и я не смог устоять перед пьянительными чарами, бог сам поднёс переполненный кубок к моим губам, и благородный напиток заструился в мой рот. Сатиры, нимфы, диковинные песни — всё смешалось у меня в голове; я помнил, что была другая жизнь до этого момента, но не помнил какая; я помнил, были мысли, но о чём они ведали? Прошлая жизнь — бред, видение, дурной вздор; вино, которое я пил из рук молодого бога, — истина; сатиры, скачущие под посвистывание свирелей, — действительность; лес, полный тайн и древних откровений, — реальный мир.

Что-то переменялось на поляне. Как-то разом замолкли все песни и игры. По моему телу, волосам, лицу пробежал лёгкий ветерок. Такой ветерок приятно освежает тебя, лежаще-

го в знойный полдень где-нибудь на мягкой траве и лениво отдыхающего. И ещё был запах. Лёгкий, неприторный такой, что навеивает гармоничное умиротворение и томную тоску о забытых наслаждениях. Было в нём что-то животное, первозданное, в какой-то степени знакомое...

Он не возник как-то единовременно, Он появлялся постепенно и, казалось, отовсюду. Его шаги слышались в сияющем свете мифических светил, Он ступал прямо со звёзд, трава колыхалась, когда Он опирался на неё. Все склонили головы и следили за тем, как один из богов шествует в полной тишине к своему трону, сплетённому из золотых ветвей.

Пастуший бог сел и обвёл всё невообразимое сборище живыми, лучащимися озорным задором глазами. И легонько кивнул головой, Его губы разошлись в широкой улыбке. И тут же вакханалия продолжилась с утроенной силой. Сатиры принялись отплясывать ритуальные танцы и прямо на траве с Его молчаливого согласия приступали к смелым оргиям, отпуская в тишину дикие стоны. Моё естество затрепетало, нахлынувший жар наполнил тело вожделием, но сначала я обратил свой взор на божество, восседающее на троне; сам Вакх наполнил Его кубок, волшебные, переливающиеся напитки Вакха стекали по подбородку, загорелому животу и, наконец, терлись где-то в шерстистой коже Восседающего на троне.

Мне пришлось осушить не один фиал вина, чтобы осознать, свидетелем чего я стал. Его голову украшали рога, но не такие, которые растут у обычных сатириков, короткие и толстые, то были настоящие рога – величественные и ветвистые. Они плавно извивались и грациозно тянулись к самому небу, отростки покороче переплетались между собой, не нарушая изящества. Тонкие серебряные паутинки опоясывали их со всех сторон, создавалось впечатление, что в них могут запутаться

сами звёзды. Длинная борода почти скрывала широкую грудь. Всё тело ниже пояса было покрыто чёрной шерстью, она струилась оттенками цветов, когда ветер нежно касался её. Бог пастухов и знойного полдня! Покровитель полей и лесов! Пьющий в кругу игривых нимф и быстроногих сатиров!

Передо мной сидел великий бог Пан, и у его козлиных ног жизнь торжествовала, а вокруг нас раскинулся Его необъятный храм. Не существовало и не будет существовать более величественного и совершенного храма, чем храм Пана, ибо храм его — вся природа. Давным-давно ему поклонялись в солнечной Аркадии тысячи тысяч, и он был могуч и силен оттого, что люди жили в гармонии с природой, не прятались от её распростёртых объятий за стенами городов. Люди ценили то место, откуда вышли и старались ему не вредить, зная, что им предстоит вернуться туда, потому что таков круговорот суетных жизней.

Пан сидел и наблюдал за играми и плясками, и на Его лице отражались огни былых празднеств, когда он спокойно ходил по земле и не был зажат на самом краю человеческих обиталищ, в этом дремучем лесу.

Не помню, в какой момент, но внезапно я обнаружил себя в кругу танцующих и беснующихся сатиров, и ничто более не сдерживало моё затаённое желание. Сбросив с себя остатки цивилизации, я принялся вытворять разнообразные вещи: я прыгал и доставал рукою до луны, гонялся за смеющимися нимфами и катался по траве, задыхаясь от их сладостных объятий, наслаждаясь мягкостью и звериной свободой. Как долго я предавался забавам, никто не скажет, но вскоре веселье начало стихать и глаза всех собравшихся вновь обратились к трону.

Только сейчас я обратил внимание на лицо бога, оно казалось очень странным: то я видел перед собой образ древнего старца, и морщины трещинами расходились по грубой коже; то тени менялись, и на меня глядел озорной юноша... В руках Пана возникла флейта, и звуки первозданной красоты стали обволакивать поляну тягучим блаженством. Мелодия перетекала, извивалась, в каждой ноте мне слышалась песня начала Жизни, песня Пробуждения. Создавалось впечатление, что звучит абсолютно всё вокруг: каждая травинка, листок – всё вносило свой вклад в звучание гармонии Природы. Музыка смолкла нежно, как опавшая листва...

Великий бог поднялся с переплетения ветвей и сочно потянулся. Его рогатая голова смотрела над верхушками самых высоких сосен на нечто, недоступное моему взору. И тогда он пошёл. И все пошли за ним. Я влился в ряды бредущих фигур и пытался не отставать. Пан шёл над толпой огромными километровыми шагами, Он устремлялся вперёд, но в то же время двигался в унисон с каждым живым организмом. Я чувствовал Его тёплое присутствие совсем рядом с собой, обонял шершавую руку в своей ладони и втайне предвкушал то зрелище, которое Он нам готовил. Мы вышли на обочину дороги, где и остановились, Пан указал рукой вперёд. Там, на фоне фиолетового неба, темнел силуэт города, обезображивающий собою живописный пейзаж. Сатиры стали тыкать в него пальцами, и смеяться, и плевать в его сторону, один лишь я не понимал, отчего все вдруг пришли в такой восторг. Лично я чувствовал невыносимую тоску, глядя на то, как крыши домов скребут вечерний небосвод. Но Пан снова махнул рукой, и бешеные пляски возобновились. И тут я увидел...

В сером, непрерывном частоколе городских домов вдруг стали появляться бреши. Стены рушились одна за другой,

и конструкции из металла и бетона обращались в прах. Я видел, как рухнул огромный подвесной мост, оставив после себя обрывки ржавых канатов, но вскоре и они превратились в пыль. Я стоял и наблюдал за тем, как умирает Цивилизация, смотрел и не ведал, что сейчас мимо меня пролетают года и целые столетия, уничтожая следы деятельности человека! Природа торжествовала! Зелень стремительно распускалась там, где совсем недавно были щебень и мусор, и скоро не осталось ничего, что могло бы напомнить о пагубной деятельности человечества; от точки нашего стояния до самого горизонта высился один сплошной лес. Сатиры танцевали, а боги стояли и пили из огромных кубков, наблюдая за трудами рук своих.

Ибо человек никогда не должен забывать, что дала ему и чем обеспечила его Природа. О, люди! Вы считали себя властелинами земли и полноправными её обладателями, вы делили её, пахали, взрывали... Но это оказалось лишь иллюзией, лишь на малый миг Природа отступила перед Цивилизацией, дала ей время окрепнуть, зацепиться, чтобы потом в один момент взять да смахнуть её как пылинку. Люди, зашедшие слишком далеко в своих амбициях и самомнении, возможно и осознали свои ошибки, но было уже слишком поздно...

Теперь на земле вновь возродится далёкое солнечное королевство Аркадия, где сатиры будут день и ночь кружиться в хороводах, а боги – пить вино из больших кубков и смеяться.

Сергей Кулагин

«ИСПОВЕДЬ СУПЕРМЕНА»

*А нам сегодня пятьдесят, а это ведь не вечер
И годы быстро так спешат, и догорают свечи,
А годы быстро так спешат и догорают свечи,
А нам ведь только пятьдесят, а это ведь не вечер.*

Текст песни Сергея Павлова «Горит свеча»

Недавно мне исполнилось пятьдесят лет. «Это замечательная дата!» — скажу я вам. Уже ясно понимаешь всю ценность своего возраста и жизни в целом. Полтинник — особый момент в жизни любого человека. Я к моменту юбилея находился в гармонии с самим собой. В семье царило счастье и взаимопонимание. На работе ценили, родня уважала. Вечером друзья и близкие должны собраться у нас дома. Я уже представлял звон бокалов, смаковал тосты за своё здоровье, но оказалось, что нужно сходить за хлебом и ещё за всякой мелочью, о которой жёны вспоминают в последний момент. Надев куртку, сунул в карман джинсов список необходимых покупок, банковскую карту, и отправился в ближайший супермаркет.

На улице кружился снег, метель гоняла по двору пушистые снежинки, игриво бросая их в лица прохожих. Я дошёл до пешеходного перехода, что напротив магазина, и остановился, терпеливо ожидая, когда загорится зелёный глаз светофора. Дождавшись, ступил на мостовую, и тут меня ударила молния.

Очевидцы рассказывали, что видели вокруг меня свечение. Я ничего такого не заметил, вернее, не успел заметить. Мир

перевернулся вверх тормашками, уши заложило от грохота и треска, сопровождающего грозовой разряд. Упав на покрытую снегом мостовую, я попрощался с жизнью и отключился...

Едва придя в себя, услышал шум дождя. Он перекрывал завывания ветра. Назревала буря. По небу сплошным потоком плыли тучи. Я моментально промок. Кстати, именно это обстоятельство вернуло способность трезво мыслить. Накинув на голову капюшон, тут же машинально проверил, на месте ли банковская карта и телефон. Карта оказалась на месте. Телефон отсутствовал. Я забыл его дома.

«Ничего страшного пока не произошло», – успокоил сам себя и осмотрелся. Более унылого пейзажа видеть в жизни ещё не доводилось. Дождь внезапно прекратился, но меня это не обрадовало. Справа и слева, насколько хватало глаз, простиралась поросшая кустарником долина. Среди кустов, похожих на мотки перепутанной проволоки, торчали невысокие засохшие деревья. Их искривлённые стволы придавали унылому пейзажу обречённый вид. Не было видно ни домов, ни дорог, ни людей...

Страх медленно, но неотвратимо заползал в разум. Поддавшись панике, я рванул в неизвестность, то есть куда глаза глядят, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветки. Пробежав метров двадцать, замёрз и остановился. Постарался отжать хотя бы часть воды на себе, не снимая одежду. Потом сообразил, что вокруг никого, разделся полностью, отжал, и снова быстро оделся. Вновь осмотрелся. На глаза вдруг попался выцветший дорожный знак – «Пересечение с круговым движением», болтающийся на ветках ближайшего кустарника. При подъезде к такому пересечению рекомендуется снизить скорость до безопасных пределов и руководствоваться правилами проезда перекрёстков. Вот только ни машин, ни само-

го перекрёстка вокруг не наблюдалось. Смысла в знаке ноль, но само его наличие вселило уверенность. К слову, паника сама собой улетучилась. Пришла убеждённость, что город, пусть и неизвестно где, но всё ещё есть.

Шёл несколько часов в одном выбранном наугад направлении, а конца и края долины не наблюдалось. Изредка, останавливаясь, осматривался, но глазу не за что зацепиться, кроме опостылевшего кустарника. Жутко хотелось курить. Погрузившись в невесёлые мысли, едва не пропустил появление человека. Остановился. Нас отделяла друг от друга грязная лужа. Неизвестный, заметил меня и тоже остановился.

– Привет, меня зовут Игнат, у меня сегодня день рождения, – произнёс я, первое, что пришло в голову. – А ещё меня ударила молния...

Незнакомец, разлепил губы и хрипло выдохнул:

– Дмитрий.

– Дмитрий, ты знаешь, что это за место?

Парень покачал головой. Потом, резко подавшись вперёд, выразительно проговорил:

– Меня тоже молния ударила. Мы умерли, да?

Я посмотрел Дмитрию в глаза и процедил:

– Только не в мой день рождения.

Дима облегчённо выдохнул – он, видимо, уже и не надеялся, что удастся хоть кого-то встретить в этой унылой долине.

– Я за хлебом вышел... – начала я, но тут в лужу между нами с неба упал дорожный знак.

Знак определённо тот же самый, что я недавно видел. Та же надпись и так же загнут внутрь ржавый левый угол.

– Игнат, что это?.. – спросил Дмитрий, дрожащим от волнения голосом.

А в следующий момент он исчез и снова пошёл дождь. Я выругался, и устало опустился на землю. Прошло несколько минут. Попытался вспомнить лицо Дмитрия и не смог. Время. Мне нужно время, чтобы принять происходящее. Главное — сохранив силы идти дальше, а там хоть потоп...

Я снова промок. Было одиноко, холодно, а ещё жутко захотелось есть. Вспомнив накрытый яствами стол, заплакал. Если уж суждено умереть...

Охваченный внезапной решимостью, не вставая с земли, достал банковскую карту, осмотрел. Где-то читал, что ей за просто можно перерезать горло...

Нет, только не в свой день рождения.

Встал и пошёл дальше.

Прошёл несколько километров. Живот нещадно крутило. Казалось, ещё немного, и меня вырвет скопившейся в желудке желчью. Попытался жевать листья кустарника, но они оказались невыносимо горькими. Однако желание поесть и прочие неприятные ощущения тотчас пропали, когда на глаза вновь попался злосчастный дорожный знак. Я остановился. Хотел пойти дальше, но решил немного постоять на месте. Вскоре впереди появилась девушка. Дождавшись, когда она подойдёт ближе, бодро поздоровался:

— Привет! Я Игнат.

Девушка исподлобья взглянула на меня, но промолчала.

— У меня сегодня день рождения, а ещё меня ударила молния.

— Я тебя знаю, ты упал на дороге, когда... — произнесла девушка и заплакала.

«Господи! Значит, я всё-таки умер!» — с грустью подумал я, до боли зажмурив глаза. Как-то сразу стало тяжело дышать, закружилась голова. Не в силах шевельнуть ни рукой, ни но-

гой, я стоял, боясь открыть глаза. Вот и отметил «днюху». Промелькнули мысли о семье, о друзьях, о том, что мой «уход», выражаясь мягко, испортил всем праздник. От плохих мыслей заболела голова. Кстати, если я умер, то почему продолжаю чувствовать боль? И где я? Я открыл глаза и понял, что девушка исчезла. Всё повторилось точь-в-точь как с Дмитрием. Неожиданно душу напомнило умиротворение и спокойствие. Мелькнула мысль, что вот теперь можно возвращаться домой...

Первым, что попало на глаза, оказался пакет с продуктами. Разуваюсь, я протягивал его дочери. Затем прозвучал звонок. В квартиру, улыбаясь, вошли Ворсины. Я ошеломлённо замер, за их спинами стояли Дмитрий и девушка, встретившаяся мне в долине.

– Привет, Игнат! С днюхой! – улыбаясь, произнёс Олег Ворсин. – Ты извини, но мы с друзьями. Знакомься, это Дмитрий и его жена Оля. Представляешь, их машину сегодня чуть фура не протаранила. Но на дороге неожиданно мужик вышел, и его молния ударила, в это-то время года, представляешь?

– Нет! – глухо ответил я, почувствовав сухость во рту.

– Во-во! Нонсенс, но из-за него на дороге ДТП не произошло, понимаешь!

Я кивнул, но если честно, ничего не понял.

– Короче... Ой! – Оля ущипнула мужа и протянула мне подарочный пакет. – С днём рождения, друг! – сказал Ворсин, его супруга чмокнула меня в щеку, и потащила Дмитрия и Ольгу к праздничному столу.

– Покурим? – спросил Ворсин. – Или ты...

– Что я? – переспросил я.

– Ну знаешь, многие в пятьдесят кардинально пересматривают свою жизнь и... – произнёс Олег, вновь что-то недоговаривая.

– Да, я как-то не думал об этом, – сказал я. – Пошли, расскажешь, что случилось на дороге.

Мы вышли в подъезд и спустились на первый этаж. Закурили.

– Рассказывай.

– В общем, у фуры тормоза отказали, а впереди троллейбус полный народу. Дальнобойщик, естественно, на встречу вырулил, прямиком на тачку Димона. Место узкое, обоим деваться некуда, что слева, что справа толпа, ждущая сигнала светофора.

– С тех пор как торговый дом открыли, там всегда многолюдно, – тихо произнёс я.

– Во-во, а сегодня ещё и Рождество. Димка с жизнью прощался, когда мужика, что через дорогу переходить начал, молния ударила. Пешеходы, понятно, заднюю включили, а тачку Димки на обочину откинуло. В общем, фура мимо пролетела, веришь?

– А с мужиком что стало? – спросил я.

– А хрен его знает! Пропал супермен, – рассмеялся Олег. – Видимо, со страху домой рванул.

Мы вернулись в квартиру. Сразу за нами пришли Сорокины, за ними Коля Маркин, потом остальные. Праздник удался – посидели, выпили, как без этого, потанцевали, вспомнили молодость. А через месяц, на том же пешеходнике, меня снова ударила молния. В долине я встретил мамашу с коляской. Позже узнал о том, что у иномарки отказали тормоза. Спас её и ребёнка мужик, которого ударило молния. Иномарка тупо заглохла на месте, где я стоял. Позже со мной произошли другие похожие случаи, не связанные с автомобилями, и каждый раз после удара молнии я попадал в долину, где встречался с теми, кого спас.

Суперменом я себя не считаю, всё же как-то само собой получается. Единственное, что стараюсь делать – если, где беда, сразу туда идти, вдруг помощь кому-то нужна. А ещё, всё происходящее показало мне, что «есть жизнь после пятидесяти», и более того, у меня она только начинается...

Татьяна Абиссин

«СЧАСТЛИВЫЙ СНЕГОВИК»

Рома Лариков бодро щёлкал по клавишам клавиатуры, подсвеченным синим цветом, не замечая, что младший брат уже давно стоит рядом, и всеми силами пытается привлечь его внимание. В гильдии магов любимой онлайн-игры сегодня обещали праздник, и все делились по парочкам, совершая романтическое путешествие. Ему как раз досталась эльфийка с вычурным именем Нинель, когда Игорёк дёрнул его за руку.

– Ромка, да отлепись ты уже от своего компа! Ты обещал, что сегодня мы пойдём во двор лепить снеговика! Помнишь?

Ромка обиженно крикнул, когда Игорёк решительно схватил «мышку» и закрыл программу «крестиком». Так сказать, выкинул без сохранения данных. А ещё брат называется!

– Ничего я тебе не обещал! Иди с Лёшкой и Сашкой побегай на улице. Да по этажам нашей двенадцатиэтажки поменьше носитесь! В прошлый раз бабулька жаловаться прибегала.

Лёшка и Сашка числились закадычными друзьями его младшего братишки с первого класса. Сейчас Игорёк перешёл во второй, но ничего не изменилось. Особенно восхищение, с которым взирали мелкие на коренастого шестиклассника Ромку.

Вместо того чтобы покорно выйти вон из комнаты, Игорёк вдруг прикусил нижнюю губу. Затем топнул ногой... И как заревёт!

– Эй-эй, погоди! Перестань реветь-то! – испугался Ромка, – ну, сам посуди: ты ведь зачем хотел снеговика слепить? Чтобы потом в школе похвастаться, что с братом, мол, не раз-

лей вода. Ну, так, в школу ты только после Нового года снова пойдёшь. Вот тогда и слепим.

– Сейчас хочу! Обещание есть обещание! – упрямо сузил глаза младший брат.

Ромка тяжело вздохнул и с сомнением покосился в сторону окна. К сожалению, сильного мороза не ощущалось: окно даже не заледенело. Может, и ему пойдёт на пользу свежий воздух? Он вдруг вспомнил, что очень давно обещал брату слепить снеговика. Ещё летом Игорёк вбил себе в голову эту мысль. Мол, счастливый снеговик нужен каждому!

И с того дня, как в ноябре выпал первый снег, мальчишка упорно пытался выманить его во двор, чтобы, отморозив руки и нос, создать из снега сомнительный шедевр. Наверное, стоит хоть раз поддаться на уговоры. В Новый год лепить снеговика точно не захочется!

Так они и оказались вместе на улице, одетые по-зимнему. Вот только Ромка быстро понял, что лепить снеговика следовало неделю назад. Снег потемнел и растёкся грязно-белыми лужами. А с неба просеянной мукой падали пушистые белые хлопья снежинок, и тут же таяли.

– Эй, Игорь. А может, ну его, вернёмся? Разве из этого снега слепишь хоть что-нибудь? – Ромка умоляюще посмотрел на брата.

Тот лишь презрительно фыркнул:

– Не хочешь лепить, иди домой! Я сам всё сделаю.

Ромка обречённо вздохнул:

– Понял я, не ной. Ну, пошли тогда снег искать. Вон там, рядом со школой, ёлочки растут. Там ещё сугробы.

Игорёк радостно бросился вперёд. Старший брат уныло потащился следом. Рядом со школьным забором снег ещё был. Но слепить первый ком оказалось неожиданно трудно. Снег осыпался на землю, не желая принимать форму шара. Братья немало намучились с первым комом, потом со вторым, а с третьим возился уже сам Ромка из принципа. Не любил он незаконченные дела. Тем временем Игорёк играл с бродячим псом, кидая ему палку, которую тот потом тащил в зубах.

«И так всегда. Мелкий быстро сдаётся, и всё приходится делать самому. Кто, спрашивается, меня дёрнул меня дать обещание?» — уныло размышлял Ромка, катая снег в руках уже голыми ладонями. Так оказалось удобнее, чем в перчатках. Постепенно тот застыл в форме шара, и Ларииков очень осторожно и торжественно водрузил его сверху.

— Ну вот! Снеговик готов! — громко возвестил Ромка, — можно выдвигаться домой!

— Постой! — спохватился брат, — сначала нужно сделать ему глаза, нос и рот. И волосы.

— Какие ещё волосы? Из чего?

— Да вон хотя бы из веток кустарника! — догадался хитрец.

Ещё полчаса ушло на то, чтобы вставить в голову снеговика тонкие веточки. Те упрямо не хотели становиться волосами снеговика и соскальзывали с обледенелого шара прямо на землю. Ромка не сразу понял, что веточки нужны более крепкие и толстые.

— Глаза и нос сделаем из монеток! — радовался Игорёк, доставая из кармана рублёвые монетки.

— А что ты ему для носа морковку не припас? — кисло поинтересовался Ромка.

— Так ведь мама сегодня последнюю в суп порезала, — деловито пожал плечами мелкий.

Монетки тоже прилепились на положенное им место не сразу. Пришлось прижимать их к снегу и ждать, когда примёрзнут.

– А теперь, чтобы быть счастливым, ему не хватает...Улыбки! – неожиданно огорчился Ромка, который нет-нет, да и втянулся в процесс игры.

– У меня есть это! – с видом фокусника Игорь извлёк из кармана куртки маленькую пластмассовую бутылочку с разведённой алой краской. Открутил крышку и, надавливая на бока, быстро нарисовал снеговика весёлый ухмыляющийся рот.

– Теперь он и, правда, счастливый, – фыркнул Ромка, доставая из кармана телефон. Он вдруг поймал себя на мысли, что ни разу не вспоминал сегодня, ни свою магическую гильдию, ни виртуальный праздник, который пропустил, и ничуть не пожалел об этом.

Со снеговиком наделали целую кучу фотографий. А потом Игорю пришла в голову новая идея:

– Всё тает, а мы тут снеговика лепим! Пойдём кораблики запустать! Канун Нового года – самое время!

Татьяна Вежина

«СИМБИОЗ»

— Вот и вся история...

Капитан Джанно ожидал негативной реакции на свой рассказ, но, к его удивлению, имбрицы не выказывали никаких признаков агрессии и недовольства.

Обычно хозяева населённых планет не верили в мирные намерения разведчиков. В прошлый раз их чуть не убили, испугавшись, что за этой маленькой группой придут несметные полчища завоевателей.

— И чтобы вы не сомневались в моих словах, — после паузы продолжил капитан, — мы останемся здесь ровно на сутки — это время, требуемое для дозаправки — и завтра же покинем вашу планету.

— Скажите капитан, сколько планет вам уже удалось исследовать? — спросил высокий седой имбриец, в осанке которого чувствовалась властность и сила — «премьер-министр планетарного правительства», как окрестила его команда «Пионера».

— Ваша планета четвёртая. Из предыдущих трёх две обладили подходящими условиями для нас, но они уже были заселены разумными существами. И там нам оказали далеко не дружественный приём.

— Ну... их можно понять. Для них то, что Земле угрожает гибель — абсолютно не повод отдавать землянам свои планеты.

— Нет-нет, мы не собираемся этого требовать! Наверно я плохо объясняюсь на вашем языке. Мы ищем планету, на которой бы не было разумной жизни, чтобы основать колонию.

– Вы объяснили все абсолютно точно. И мы, понимая всю важность вашей миссии, конечно, не смеем вас задерживать, но, может быть, вы согласитесь провести на Имбре хотя бы пару дней. «Пионеру» требуется ремонт не так ли?

Джанно готов был усмотреть злой умысел в словах премьера, но «Пионеру» и правда требовался ремонт, кроме того, на то они и разведчики, чтобы не бояться ничьих козней и смело идти навстречу всему неизведанному и новому.

– Конечно, Меероон, мы с радостью примем ваше предложение.

– Ну что ж, тогда передаю Вас моему помощнику Зийин.

– Капитан Джанно, прошу вас, вы не могли бы сказать пару слов для прессы.

Джанно посмотрел на Меероона. Тот пожал плечами.

– На ваше усмотрение.

– Хорошо, мы согласны, но только недолго.

Имбрийская пресс-конференция, сильно напомнила ему земную, те же шумные, бестактные газетчики, провокационные вопросы и охота за сенсациями.

Пока имбрийцы присматривались к землянам, те, в свою очередь, присматривались к хозяевам планеты. Прямоходящие, с двумя руками, парными органами слуха и зрения, с аналогичным речевым аппаратом, имбрийцы были очень похожи на землян. И если бы не странная лиловая кожа и почти полное отсутствие мимики, их можно было бы даже назвать симпатичными.

Впрочем, какое значение имеет цвет кожи, подумал Джанно, глядя на изящную, как фарфоровая статуэтка, длинношеюю имбрийку, с маленькими круглыми ушками, которая также не отрывала от капитана огромных по земным меркам изумрудных глаз.

– Капитан, – к Джанно подошёл Зийин, – сегодня мы организовали для вас что-то вроде ознакомительной поездки, а завтра, если вы позволите, вас осмотрят наши биологи и врачи.

– Но «Пионеру» требуется ремонт. У нас вряд ли будет время.

– Если вы не против, наши специалисты вместе с вашим инженером и механиком займутся им, тогда как остальные могут быть свободны.

– В таком случае у нас нет причин отказываться. Но у нас два требования.

– Какие?

– Мы не будем сдавать оружие, и ночевать мы бы предпочли на корабле.

– Это ваше полное право.

– Значит, договорились. Какова программа на сегодня?

– Мы разработали семь маршрутов. Семь городов ждут вас! И выбор за вами, сейчас я коротко изложу содержание, а вы выберете предпочтительный вариант.

– Пойдите-пойдите, вы говорите, семь маршрутов уже готовы?

– Да.

С одной стороны, было бы очень интересно осмотреть всё... но стоило ли идти на риск и разделяться. После недолгих раздумий капитан всё же решился.

– А нас как раз двадцать один человек, и если мы разделимся по трое, то сможем осмотреть их все!

– Э... Это мысль. Ничто не мешает нам поступить именно так.

При раздаче маршрутов Джанно выбрал себе небольшой городок Тор25, расположенный на берегу океана, в эквато-

риальной части планеты, и ни разу не пожалел об этом. Экваториальный климат Имбры был мягче, чем земной, хотя тоже достаточно тёплый, чтобы ощущать себя комфортно в майке с коротким рукавом и шортах. Но главным фактором при выборе был всё-таки не климат, а научно-исследовательский институт, расположенный в Топ25, и включённый в список посещаемых объектов. Джанно с нетерпением ждал посещения НИИ, там он рассчитывал не только глубже познакомиться с планетой, но и оценить степень откровенности имбрийцев.

К его удивлению, ни администрация, ни учёные абсолютно ничего не скрывали. Ему показывали и объясняли буквально всё. Другое дело, что он не всё мог понять, и не во всём ему удавалось разобраться. Имбрийская наука добилась гораздо больших успехов, чем земная, и Джанно подумал, что обмен опытом принёс бы много пользы Земле. Но подобные инициативы не входили в его компетенцию, и поэтому он просто слушал и старался запомнить как можно больше.

— Итак, уважаемые гости, если у вас больше нет вопросов, мы можем продолжить осмотр.

— Да, конечно.

— Тогда в зоопарк.

Зоология не была коньком Джанно, и он вполне обошёлся бы слайдами или фильмом, но во всех семи маршрутах значилось посещение зоопарка, так что избежать этого ему никак не удавалось. Видимо, имбрийцы очень гордились своей фауной, а обидеть гостеприимных хозяев ему совсем не хотелось.

В зоопарке к ним присоединились двое учёных, представленных как специалисты по межвидовым отношениям и один врач, специализацию которого земляне не смогли перевести ни на один язык Земли. Имбрийская фауна была не сильно разнообразна, но и этого хватило, чтобы нагнать на Джанно

и его спутников скуку. Имбрийцы же с увлечением рассказывали о своих подопечных и старались выяснить, какое впечатление всё это производит на гостей. Но несмотря на все старания хозяев, земляне оживились только когда процессия подошла к последнему вольеру, и гид объявил, что сейчас их отвезут в самую лучшую гостиницу, где их уже ждёт ужин.

После ужина, космопроходцев, как и обещали, доставили на «Пионер».

Несмотря на усталость, Джанно собрал всех в кают-компанию.

– Ли, доложи обстановку.

– Есть, капитан. «Пионер» готов к старту в любую минуту.

Неполадки в двигателе устранены, электроника тоже в порядке и при тестовых запусках показала отличные результаты. Так что, если вам не понравился здешний приём, мы можем не дожидаться утра.

– Мне бы не хотелось нарушать данное слово, тем более что они ведут себя дружелюбно и ничего не скрывают.

– Я в этом не уверен, – возразил Смит – корабельный врач-биолог.

– Почему?

– А вы ничего не заметили в зоопарке?

– Э... признаться, нет, а что?

– Мне как биологу местная фауна и вообще местная живность очень интересна, а их зоопарки просто огромны и очень современны. И вот имбрийцы активно мне все рассказывали и показывали до того момента, как мы подошли к одному странному зданию. Когда я спросил, что там находится, они сказали, что это подсобные помещения, спешно сменили тему и постарались увести нас оттуда.

– Это и всё? – Джанно пожал плечами.

– Ну да...

- Смит, мне кажется, что ты излишне подозрителен.
- Погодите, у нас тоже случилось что-то подобное, – сказал Келли. – Проходя мимо странного закрытого вольера, мы слышали детский плач. На наш вопрос, что это может быть, гид отвечал как-то сбивчиво и, в конце концов, сказал, что это детёныш местных приматов.
- А вы уверены, что это был детский плач?
- Ну, во всяком случае, эти звуки были очень похожи на плач земных детей.
- Разведчики переглянулись.
- Смит, как ты думаешь, могут ли приматы плакать как дети?
- Эти звуки вряд ли можно перепутать.
- А дети имбрийцев? Плачут ли они так же, как земные?
- Вероятно, так и есть.
- Та-а-ак. Кто-нибудь ещё заметил что-то подозрительное?
- Вроде нет.
- Нет, ничего.
- И я тоже.
- Тогда не будем торопиться с выводами.
- А если они проводят опыты над своими детьми? – возразил Смит.
- Или ещё хуже над нашими! – добавил Ли.
- Нет, этого не может быть! – ответил капитан.
- А почему ты так уверен? Вспомни, последнее время на Земле участились случаи исчезновения людей.
- Ли, не говори глупостей. И вообще, не наше это дело! Ещё один день, и мы улетим отсюда навсегда.
- Как это не наше? – возмутился Смит. – Подобные эксперименты негуманны! И мы не можем это так оставить.
- Спокойно, Смит. Земля послала нас в космос с другой целью. Это понятно?

- Понятно. Но я считаю, что надо послать запрос на Землю.
- Само собой. Но не сегодня, а завтра, возможно за день нам удастся что-то выяснить. Так что держите ухо востро. А теперь спать.

На следующее утро аэромобиль доставил их на небольшой зелёный остров, на котором располагался целый научный городок. Там, в лаборатории, напичканной медицинским оборудованием под завязку, землян исследовала целая армия специалистов. Анализы, тесты, обследования, беседы и везде абсолютная открытость и никакого принуждения. Даже Смит уже готов был сменить свою настороженность на восхищение и белую зависть имбрийским учёным. Но один инцидент, произошедший ближе к вечеру, снова настроил команду против имбрийцев.

В ходе одного из экспериментов Ли неожиданно потерял сознание и врачи, вместо того чтобы привести его в чувство, явно обрадовались и засуетились вокруг бесчувственного тела, как будто состояние обморока интересовало их больше, чем состояние нормальной жизнедеятельности.

– Доктор, Ли надо привести в чувство, обморок вреден для землян, – сказал капитан, который старался держать в поле зрения каждого из своей команды.

– Да-да, ещё несколько замеров...

– Я требую! Приведите его в чувство немедленно!

– Капитан, в этом нет ничего страшного.

– И всё-таки я настаиваю!

Джанно выдернул иглу из предплечья и направился к лежавшему на кушетке Ли.

– Нет! – двое врачей попытались перегородить ему дорогу, и Джанно решил, что без драки не обойтись.

– Ребята, ко мне!

В этот момент открылась дверь, и в помещение вошёл Меероон.

– Остановитесь! Хватит, всё и так ясно! Приведите его в чувство... А вас, Джанно, я прошу успокоиться. Нам с вами предстоит долгий разговор.

– Никаких разговоров! Мы улетаем!

– Улететь вы всегда успеете, а вот то, что я вам расскажу, возможно, принесёт пользу вам и вашим «землякам», так, кажется, говорится на вашем языке.

– Ну что ж, тогда говорите!

– Не здесь, прошу пройти со мной.

Джанно оглянулся на остальных.

– Не бойтесь. Даю слово, им не причинят вреда. Идёмте.

Капитан нехотя повиновался.

Имбриец провёл его в свой кабинет, на двери которого красовалась надпись «Ректор «Острова Науки»», министр социального развития, председатель антикризисной комиссии по дезинтеграции видов.

– Садитесь, Джанно. Вам предстоит узнать много нового, что возможно шокирует вас и приведёт в замешательство. Но для начала хочу сказать следующее: возможно, мы отдадим вам Имбру.

Такого Джанно ожидал меньше всего. Невыполнимость подобного намерения была очевидна, и капитан решил, что его водят за нос.

– За кого вы меня принимаете? Зачем лжёте? Что вам от нас надо?

– Не скрою, нам от вас действительно кое-что надо, и возможность передачи вам Имбры напрямую зависит от того, сможете ли вы выполнить наши требования.

– Наверно это что-то не особенно приятное, раз за это вы готовы отдать планету. Может быть, это наши дети? – Джанно решил играть в открытую.

– Дети? Нет. Зачем нам дети?

– Тогда что за таинственность? Откуда детский плач в вольтерах, предназначенных для животных?

– Bravo, вы очень наблюдательны. Наша проблема и правда связана с детьми. Вернее, она в нас, молодых, зрелых, пожилых и только что родившихся. Хотя последний ребёнок родился на Имбре уже три года назад.

– Доигрались! Вы утратили способность к воспроизведению?

– Нет, мы кое-что выяснили и утратили желание продолжать свой род... Вернее, мы больше не хотим и не можем оставаться такими, какие мы есть.

– Какими такими?

– Капитан Джанно, я прошу вас, посмотрите на меня внимательно.

– Да, я смотрю, – Джанно даже перестал моргать.

– Перед вами сидит не одно существо, а ДВА!

Глаза имбрийца, только что казавшиеся такими пронизательными и излучающими силу, стали вдруг пустыми и бессмысленными, рот слегка приоткрылся, рука, лежавшая на подлокотнике, нервно задрожала.

– Что с вами?

Имбриец дёрнулся, услышав голос, и непонимающе огляделся.

Джанно недоумевал. Вдруг его щека почувствовала какое-то едва заметное прикосновение и необъяснимое тепло. Теперь непонимающе огляделся землянин.

– Что здесь происходит?!

Имбриец как будто пришёл в себя.

– Итак, капитан, приготовьтесь услышать нечто удивительное для вас. Разумный житель Имбры на самом деле симбиоз двух форм жизни. Разумное, но бестелесное существо и существо, обладающее телом, но утратившее большую часть инстинктов и почти лишённое разума.

– Бог мой! Но как?

– Вы спрашиваете, как всё началось? Этого я вам сказать не могу. Но несколько лет назад, в ходе неких экспериментов мы неожиданно для себя сумели разделить симбиоз, длившийся тысячелетиями.

– Невероятно.

Капитану в голову вдруг пришла мысль, что и они, земляне тоже вполне могут состоять... быть... представлять собой некий симбиоз.

– А мы? Мы тоже симбиоз? Вы для этого нас так обстоятельно изучали?

– Да нам было важно узнать, кто вы на самом деле. Поэтому особое внимание мы уделили таким феноменам, как сон и обморок, в которых симбиотическая связь ослабевает. И могу вас успокоить, вы представляете собой полноценный вид. Рождаетесь вы почти без инстинктов, ваш разум на момент рождения так же слабо развит, как у вас говорится «без царя в голове». Но со временем формирующаяся под влиянием воспитания личность перехватывает управление, и вы обретаете окончательную целостность.

Джанно облегчённо вздохнул.

– Но, как вообще возможен настолько тесный симбиоз, и откуда берутся новые э-э-э... бестелесные?

– При рождении нового имбрийца материнская бестелесная сущность делится на две, и, таким образом, ребёнок рождается разумным.

– Но в чём ваша проблема? И как вы сможете отдать нам Имбру?

– Дело в том, что нам не нужно тело, оно мешает и сковывает нас! А мы хотим освободиться!

– А что вам надо для существования?

– Космос и ничего больше!

– Вам не нужны ни вода, ни воздух, ни пища? Ни другие люди... то есть имбрийцы?

– Нет!

– И вы можете выйти из своих тел и... жить дальше уже без них?

– Да.

– Вы уверены?

Имбриец взглянул на капитана немного свысока.

– Ну конечно, мы все просчитали.

– И, если на Имбре будем жить мы, вам это не помешает?

– Нисколько!

– Но так в чём же дело?!

– В наших телах... – вздохнул имбриец. – На планете более шести миллиардов жителей! Что будет с шестью миллиардами недоразвитых существ? Кто защитит их? Накормит, позаботится?

– Но ведь когда-то они были животными? Они могли ориентироваться в пространстве, добывать пищу.

– Да, но с ходом времени они лишились не только возможности примитивно мыслить, но и разучились подчиняться инстинктам... Они не выживут. Если мы все покинем свои тела, Имбра превратится в лагерь медленной и мучительной смерти.

– Но, может, им можно вернуть прежний животный облик?

– Мы пытаемся. И именно поэтому вы слышали детский плач в зоопарке, мы пытаемся вырастить новое поколение тех животных, которые столько времени были нашим телом, но у нас ничего не получается.

– Постойте, а зачем вы водили нас в зоопарк?

– Чтобы выяснить ваше отношение к «братьям меньшим», как вы их называете.

– Я, кажется, понимаю... Взамен на вашу планету, вы хотите, чтобы земляне позаботились о ваших телах?

– Да, именно об этом мы и хотели вас просить...

Прошло полгода. Имбра полностью перешла в руки землян и стала самой преуспевающей колонией.

Возглавил колонию Джанно. Как и обещал, Меероону, он делал всё возможное для имбрийцев, вернее, их тел.

Меероон регулярно выходил на связь, позволяя Джанно фиксировать всё, что с ними происходит.

Жизнь шла своим чередом, но однажды вечером прибор связи с имбрийцами пронзительно запищал, подавая сигнал тревоги.

Джанно нажал на кнопку.

– Меероон, что случилось?

– Капитан, – из преобразователя раздался голос имбрийца, полный отчаяния, – мы ошиблись!

– В чём?

– Космос, это не всё, что нам нужно! С каждым днём мы становимся всё неустойчивее и теряем разум. Многие уже перестали отзываться! Как оказалось, связи друг с другом и с нашей планетой жизненно важны для нас! Разрыв всех связей оказался фатальным. Подготовьте всё, мы возвращаемся!

Джанно немедленно отдал соответствующие распоряжения. Тело Меероона привели к Смигу в лабораторию и Джанно сообщил по связи, что всё готово.

Прошло несколько минут, и с Меерооном что-то начало происходить. Его тело вдруг конвульсивно выгнулось, а потом он безжизненно рухнул на руки к Джанно.

Меероону повезло, ему удалось полностью восстановиться. Вместе с ним вернулись многие, но большая часть имбрийцев навсегда осталась в космосе.

В том числе и супруга самого учёного. Каждое утро он ходил к вольеру, где «содержалось» её тело. Протягивал к ней руки, угощал сладостями, пытался говорить... Но она только качала головой или, впадая в истерику, с диким криком носилась по вольеру, сметая всё на своём пути.

Эльга Попова

«ПРО ОКНО, КОТОРОЕ СМОТРЕЛО В КОСМОС»

Жило-было необычное окно. Мечтательное и немного капризное. В то время как все окна большого двенадцатиэтажного дома смотрели, куда им положено — на двор, парк и улицу, — это окно смотрело в космос.

Окно было романтиком. Зачем, думало оно, смотреть на такие обыденные вещи, как дороги, машины и качели, если можно смотреть на звёзды? Такой жизненной философией оно руководствовалося.

У хозяйки окна тётки Маши была другая жизненная философия. Возвращаясь с работы, тётка Маша предвкушала, как, усевшись с чашечкой кофе у окна, она будет проникаться жизнью двора, но окно тётки Маши было весьма своенравным и капризным, и вместо жизни двора тётке Маше приходилось проникаться жизнью космоса. Вместо того чтобы смотреть на то, как тётка Света развешивает бельё, куда дядя Паша паркует машину, где гуляют внуки бабы Глаши и кто лузгает семечки возле подъезда, она была вынуждена смотреть на далёкие планеты, блуждающие кометы, чёрные дыры и взрывы сверхновых звёзд.

Тётка Маша пыталась спорить с окном, но разве окно переспоришь? Она покупала самые разные средства для мытья окон. Стёкла блестели, но ни мистер Пропер, ни мистер Мускул не были способны справиться с чернотой космоса за ними. Тогда тётка Маша в раздражении принималась отдраивать звёзды, до которых могла дотянуться. Звёзды начинали сиять с утроенной силой, но хозяйка только мрачнела.

Тётя Маша приводила в пример своему окну воспитанные соседские окна.

— Вот у Светланы Викторовны, — говорила тётя Маша, — окно смотрит на остановку, а у Сергея с 12-й квартиры — на куст сирени.

— И что, — отвечало Окно, — тебе интересно пялиться на троллейбусы и кусты?

— А почему бы и нет? — оправдывалась тётя Маша. — Во все не обязательно смотреть прямо на дорогу. На сирень хотя бы. Она скоро начнёт цвести. Знаешь, как это красиво? А как пахнет!

Окно только фыркало и отворачивалось.

Но всё же Окну не было чуждо сочувствие, и однажды, придя домой с работы, тётя Маша ахнула: за её окном разворачивалась невероятной красоты сиреневая галактика.

— Разве она хуже куста сирени? — спросило Окно.

— Она прекрасна! — отвечала тётя Маша. — Только жаль, что не пахнет.

— Ну, тебе не угодить, — ворчливо скрипнуло Окно.

Тётя Маша заварила себе кофе и, усевшись у окна, стала разглядывать галактику. Огромное и лёгкое, как сахарная вата, сиреневое облако с вкраплением золотых, серебряных и синих звёздочек. Галактика медленно и степенно кружилась, закручивалась по спирали.

Невдалеке от неё пролетала ракета. Тётя Маша помахала рукой. Экипаж межзвёздного корабля, заметив в космосе окно и тётю Машу, решил подлететь поближе. На небольшом расстоянии от окна ракета остановилась, и из неё, одетый в толстый белый скафандр, выбрался космонавт. Ракета не хотела стоять на месте и, как непривязанная лодка на воде, норовила уплыть подальше. Тётя Маша сбегала в ванну и сняла со стены

бельевой шнур, на котором сохли постиранные вещи. Один конец шнура она привязала к ножке стола, что стоял рядом с окном, а другой бросила космонавту. Тот поймал шнур и завязал узел на ракете. Теперь она надёжно держалась и не могла улететь далеко.

Космонавт подплыл к окну и взялся руками за подоконник. Тётя Маша распахнула раму шире и, протянув космонавту руку, помогла ему забраться внутрь. Оказавшись в комнате, космонавт снял свой огромный круглый шлем и глубоко вдохнул.

— Свежий земной воздух. Какая прелесть!

Потом, пошатнувшись, схватился за стену. Тётя Маша подвинула ему стул и предложила пообедать. Космонавт благодарно кивнул. И в один момент съел полную миску борща. Тётя Маша предложила ему добавки.

— Я уже несколько месяцев в космосе и успел отвыкнуть от чистого воздуха, борща и гравитации, — говорил космонавт, справившись со второй миской. — Меня зовут Михаил Юрьевич.

— А я Маша, — сказала тётя Маша и налила космонавту Мише чашечку кофе. — Чем вы занимаетесь в космосе?

Михаил Юрьевич с блаженством отхлебнул кофе из маленькой ажурной чашечки и ответил:

— Я вместе с другими астронавтами исследую космос. Хочу разобраться, как устроена Вселенная, изучаю взаимодействие звёзд и планет, рассчитываю траекторию движения комет и астероидов, наблюдаю за чёрными дырами. Я учёный и могу объяснить, как что устроено в нашей Солнечной системе. Правда, вот открытое окно среди открытого космоса я пока ещё ни разу не встречал. Это как-то не по-научному. Не должно окно обычной городской многоэтажки смотреть в космос.

— Не должно, — согласилась тётя Маша и погрозила окну кулаком. — Оно у меня вообще странное.

Окно лишь фыркнуло в ответ.

Тётя Маша и Михаил Юрьевич ещё немного пообщались, и космонавт стал собираться назад в свою ракету.

– Возьмите с собой борщ, – тётя Маша протянула космонавту Мише кастрюлю. – Угостите остальной экипаж.

– Не могу, к сожалению, – развёл руками тот. – Мы на корабле едим только из тубиков. Если я в условиях невесомости открою кастрюлю, то борщ разлетится по всей ракете и будет там плавать, пока мы не вернёмся на Землю. За это время он, наверное, уже испортится. Но спасибо большое за заботу!

– Залетайте в гости ещё! – предложила тётя Маша. Она протёрла шлем Михаила Юрьевича средством для мытья окон.

– Обязательно загляну к вам завтра!

Космонавт Миша надел шлем, встал на подоконник и нырнул с него прямо в космос. Подплыв к ракете, он отвязал бельевой шнур и, забравшись внутрь, помахал тёте Маше из иллюминатора.

Тётя Маша ещё долго махала рукой вслед удаляющейся ракете.

А на следующий день космонавт Миша прилетел снова. Как и вчера, он привязал к ракете болтающийся из окна бельевой шнур и забрался в открытое окно.

– Мои друзья-астронавты попросили меня купить свежую газету. Им очень хочется знать, что происходит на Земле, пока мы плаваем в космосе.

Тётя Маша рассказала космонавту Мише, как найти газетный киоск, и, пока он ходил за газетой, напекла блинов. За чаем и блинами они снова много говорили. Михаил Юрьевич рассказывал тёте Маше про чёрные дыры и теорию относительности, а тётя Маша говорила про свою работу в районной поликлинике и про то, что у тёти Светы недавно украли простыню, сушившуюся во дворе на турнике.

После прощания с космонавтом Мишей тётя Маша сбегала в магазин и купила десять тюбиков зубной пасты. Дома она выдавила всю зубную пасту в раковину, а в освободившиеся тюбики налила борщ.

Когда следующим вечером космонавт Миша принёс тюбики с борщом на корабль, его друзья-астронавты были очень счастливы. Они давно не ели обычной земной пищи, и, хоть у борща был лёгкий привкус зубной пасты, астронавты в один голос утверждали, что это, безусловно, самый вкусный борщ в их жизни. Они благодарили тётю Машу и просили в следующий раз передать им в тюбиках щи и тушёные баклажаны.

Тётя Маша и космонавт Миша встречались каждый вечер. Они пили кофе с пирогами, ели разные вкусности, приготовленные тётей Машей (она даже купила себе большую поварскую книгу, чтобы каждый день готовить что-нибудь новенькое), и много-много разговаривали, глядя в окно.

Окно в их разговоры особо не вникало. Оно смотрело в космос и думало о своём.

Однажды вечером космонавт Миша сказал тёте Маше, что это последняя их встреча, так как завтра ракета должна лететь на родную Землю. В эту встречу они почти не говорили, но много держались за руки. Окно вздыхало.

Днём позже тётя Маша смотрела по телевизору, как приземляется на далёкий космодром знакомая ракета, как из неё выходит знакомый космонавт Михаил Юрьевич и так по-знакомому машет рукой. Тётя Маша тоже помахала рукой, но телевизор у неё был не в пример воспитанней окна и показывал лишь то, что ему было положено. Естественно, её приветствия космонавт Миша не видел.

Тётя Маша, как и прежде, возвращалась домой с работы, садилась у окна пить кофе, смотрела в космос и вздыхала. Она больше не спорила с окном. Сирень отцветала.

Однажды, придя домой, тётя Маша заметила, что что-то не так. Она ещё не поняла, что именно. Стала разглядывать квартиру: стол, стул, холодильник – всё на своих местах, из окна свисает забытый бельевой шнур, за окном светит солнце, играют дети и ездят троллейбусы.

Стоп! Тётя Маша, осознав, что именно не так, бросилась к окну.

– Где космос? Верни мой космос! – закричала она в прозрачное стекло.

Окно в ответ недовольно стукнуло форточкой: «Отстань!»

– А ну верни мне космос! – тётя Маша попробовала открыть окно, но то упрямо зажимало створки. Тогда хозяйка принялась натирать стекло средством для мытья окон. Яркий солнечный день не смывался.

Тётя Маша заплакала. Окно заворчало:

– Никак тебе не угодишь. То ты не хочешь космос, то хочешь. Смотри!

Тётя Маша смотрела. К остановке подъехал очередной троллейбус. Из него на тротуар вывалила очередная волна пассажиров. Среди них был космонавт Михаил Юрьевич. Тётя Маша сразу его узнала, хоть надет на нём был не привычный скафандр, а пиджак и брюки. И в руках он держал не круглый шлем, а букет цветов.

Тётя Маша и космонавт Михаил Юрьевич сидели возле окна, пили кофе и держались за руки. За окном медленно и величаво закручивалась невероятной красоты спираль галактики. Галактика пахла сиренью.

Эльга Попова

«ПРО ЗВЁЗДОЧКУ, ВОЛШЕБНИКА И АСТРОНОМА»

— Готово! — Волшебник повесил последний шар и отошёл на пару шагов назад, довольно хмыкнул. Он нырнул рукой в бороду, достал оттуда чашку горячего чая и с наслаждением отпил.

Зима выдалась морозная, так и норовила ущипнуть за нос и уши. Зато звёзды в чистом звонком небе сияли с двойной силой. Они запросто могли поспорить с гирляндами на ёлке.

Самая старая ель в лесу была не только выше остальных, но и красивее, особенно сейчас — в канун Нового года. К сожалению, оценить эту красоту могли разве что звёзды, ведь дом Волшебника был далеко за городом. К нему надо было ехать на автобусе, а потом ещё и пешком идти через густой лес. Гости тут бывали редко. А как здорово было бы встретить Новый год в компании друзей!

Зато звёзды ждали красавицу ёлку весь год. Когда Волшебник зажёл огоньки, они радостно бросились в пляс. Звёзды спустились низко-низко и завели хоровод над самой верхушкой ели.

Волшебник очень любил их танцы. Он поспешил в дом, поднялся на балкон и настроил телескоп.

Белые Звёздочки смеялись, скакали и кружились, а Луна следила за ними — как бы кто на землю не свалился! Волшебник помахал рукой, и Луна опустилась ниже, улыбнулась в самый телескоп. Они были давними друзьями и любили поговорить.

Что могли обсуждать Волшебник и Луна? Немного сны, немного сказки, чуть-чуть политику... Не так уж и важно. А важно то, что увлечённые беседой, ни один, ни другая не заметили, как одна маленькая Звёздочка поскользнулась на морозном мареве и упала.

К счастью, старая ель подхватила малышку ветвями и не дала той разбиться о землю.

– Помогите! Спасите! – закричала Звезда.

Луна охнула и схватилась за голову, а Волшебник, не теряя ни минуты, бросился на помощь.

Ель была такой высокой, что потребовалось поставить три лестницы одна на одну, чтобы достать до верхних ветвей. Волшебник протянул руки Звёздочке, и та обняла его за шею. Вместе они спустились на поляну.

Волшебник осмотрел Звёздочку. Здесь, на земле, она выглядела как обычная девочка в белой шубке. У неё были серебристые волосы и голубые глаза.

– Что же мне с тобой делать? – спросил Волшебник

Звёздочка пожала плечами и огляделась.

– Ух ты! Первый раз вижу всё так... снизу!

Волшебник улыбнулся в бороду.

– Пойдём-ка в дом, я угощу тебя чаем с вареньем. А пока ты будешь есть, поищу совет в волшебных книгах, как тебя на небо вернуть.

Так и сделали. Звёздочка с ногами устроилась в большом мягком кресле. Она уплетала земляничное варенье и наблюдала, как Волшебник копается в своих книгах. А копался он в прямом смысле слова: чтобы добыть совета в одном из фолиантов, ему пришлось взять лопату. Другая книга прикинулась маленьким листочком, и потребовалось с полчаса поливать её водой и посыпать удобрениями, чтобы листок

оброс обложкой. А за третьей довелось погоняться по всему дому, потому что она очень боялась щекотки. Длиннющая борода Волшебника путалась и цеплялась за мебель. Звёздочка хохотала.

В конце концов старый Волшебник совсем измотался, а ничего путного так и не узнал.

– Фух! – выдохнул он и устало опустил прямо на пол. – Поздно уже. Давай, Звёздочка, мы сейчас отдохнём, а завтра съездим в город, в библиотеку. Там-то книги повоспитаннее моих будут.

Звёздочка обиженно оттопырила губу.

– Домой хочу! К подружкам! Ты же обещал!

– Знаю, маленькая! Я обязательно что-нибудь придумаю! Уверен, что завтра ты будешь праздновать Новый год у себя дома!

– Ладно. – Звёздочке ничего не оставалось, как согласиться и устроиться на ночь в доме Волшебника.

Разбудили её солнечные лучи. За окном всё сияло и искрилось, будто земля и не земля вовсе, а одна большая звезда.

– Эй, маленькая, давай поедим! – Волшебник позвал Звёздочку из кухни.

Он достал из бороды котелок со сладкой кашей и две кружки какао.

Позавтракав, отправились в путь. По лесной тропинке они вышли к остановке как раз к самому автобусу и на нём доехали в город.

В библиотеке Звёздочке не понравилось. Во-первых, она была научной, тут не нашлось ни одной книги со сказками. Во-вторых, от девочки сразу же потребовали сидеть тихо-тихо: бегать, танцевать и смеяться запрещалось. За этим внимательно следила суровая библиотекарьша.

Волшебник собрал с полок все книги о звёздах и уселся их изучать. Звёздочке хватило одного только взгляда, чтобы понять, что толку от этого не будет. Научные книги не убежали, не кусались и не плевались, а ответственно открывались на нужной странице и позволяли себя читать. Время тянулось, как липкий сироп. Звёздочка готова была взвыть от тоски, когда Волшебник отложил очередной толстый том, устало потёр глаза и сказал:

– Пока я так и не нашёл ответ, как вернуть тебя на небо. Ни в одной умной книге про это не написано.

– И что же делать? – Звёздочка громко шмыгнула носом.

– Ш-ш-ш-ш! – зашипела библиотекарша.

– Не хочу ш-ш-ш-ш! – Звёздочка топнула ногой. – Хочу домой к другим звёздам!

– И что это вы тут расшумелись? – библиотекарша поднялась из-за стола.

– Извините! – попросил прощения Волшебник. – Видите ли, тут такое дело... Звёздочка...

– Не желаю ничего знать! – оборвала его библиотекарша. – Хотите читать – читайте тихо! А если вам звёзды обсуждать, так идите в лекционный зал. Там как раз астроном выступает.

– Что ещё за гастра...ном? – спросила хмурая Звёздочка.

– Астроном, – поправил Волшебник. – Это учёный, который изучает звёзды. Нам невероятно повезло, маленькая! Он уж точно знает, что с тобой делать!

В большом скучном зале сидели серьёзные дяди и тётки. Они с умным видом слушали Астронома и кивали ему. Сам Астроном говорил совершенно непонятно, показывал какие-то графики и схемы. Когда он закончил лекцию, серьёзные

дяди и тёти поплодировали и разошлись по своим учёным делам.

– Здравствуйте! – Волшебник подвёл Звёздочку к Астроному. – Я вижу, вы очень хорошо разбираетесь в звёздах. Не могли бы Вы с высоты вашего опыта и знаний подсказать мне, как вернуть одну из них на небо? Видите ли, она вчера свалилась оттуда.

Астроном удивлённо захлопал глазами:

– Кто свалился?

– Она, – Волшебник кивнул на Звёздочку.

– Это же просто девочка!

– Я не просто! Я звезда! – возмутилась Звёздочка.

– Что за невежество! В жизни ничего глупее не слышал! – фыркнул Астроном. – Звезда – это излучающий свет массивный газовый шар, в недрах которого происходят реакции термоядерного синтеза.

– Что? – не поняли Звёздочка и Волшебник.

– А то! – ответил Астроном. – Она что, похожа на массивный газовый шар?

– Нет, конечно! – воскликнул Волшебник.

– Сам ты шар! – обиделась Звёздочка. – Массивный!

– А ты обычная девочка! – Астроном ткнул в Звёздочку пальцем.

– Не ссорьтесь! – попросил Волшебник. – Уважаемый Астроном, она действительно звезда. Я лично ловил её, когда она падала с неба этой ночью.

– Все звёзды, что падают с неба, сгорают в атмосфере, не достигая Земли! – отрезал Астроном.

– Сам ты... в своей атмосфере... – Звёздочка заплакала.

Волшебник обнял её и с укором посмотрел на Астронома:

– Ну как вам не стыдно? Напугали ребёнка!

Он достал из бороды платок и вытер Звёздочке слёзы:

– Не плачь, маленькая! И не обижайся на Астронома, он всего лишь взрослый.

– Но ты тоже взрослый, даже старый, – всхлипывала Звёздочка, – и при этом не обзываешь меня газовым шаром!

Волшебник грустно улыбнулся. Он опустил на стул и устроил Звёздочку у себя на коленях.

– Видишь ли, маленькая, я Волшебник, и я умею видеть чудеса. Дети тоже умеют. Они смотрят в лужу и видят в ней наоборотный город, они слушают сказки заката и им ничего не стоит пойти гулять под руку с дождём, – Волшебник вздохнул. – Но дети взрослеют. Постепенно они перестают летать с воробьями и подкармливать бродячих драконов, всё чаще укрываются от дождя под зонтом. Однажды наступает момент, когда в ночном небе они видят не чудо, а лишь излучающие свет массивные газовые шары. Они становятся взрослыми.

– И это всё? – Звёздочка уткнулась носом в грудь старого Волшебника.

– Нет, не всё. Бывает так, что дети взрослеют, но продолжают видеть вокруг себя волшебство. Они широко и открыто улыбаются миру, а мир улыбается им в ответ. Они – волшебники! Понимаешь, маленькая, совсем не обязательно махать волшебной палочкой или читать заклинания. Всё просто: чтобы быть волшебником, нужно всего лишь замечать вокруг себя чудеса.

– Ерунда какая! – буркнул Астроном.

– Сам ты ерунда! – буркнула в ответ Звёздочка и вытерла слёзы.

– Не груби, пожалуйста! – попросил Волшебник Звёздочку, а Астроному сказал: – Мы, наверное, пойдём. Уже темнеет, скоро праздник, а я так и не придумал, как вернуть Звёз-

дочку домой. Жаль, что вы нам не смогли помочь, и извините за беспокойство.

– Ну уж нет! – неожиданно возразил Астроном. Он взял со стола толстую папку с бумагами и потряс ею перед носом Волшебника: – Тут у меня серьёзные расчёты. Все небесные тела двигаются только так, как им положено, и никак иначе! Если уж какая-нибудь звезда падает из космоса, то до Земли она не долетает, и уж тем более, – он снова ткнул пальцем в Звёздочку, – она не выглядит как маленькая девочка! Я учёный, и я обязан искоренять невежество! Я поеду с вами. Мы настроим телескоп, и я докажу вам, что прав!

– А как же Новый год? – удивился Волшебник. – Неужели вас не ждут друзья?

– Я не праздную! Это всё ребячество! – отмахнулся Астроном. – И друзей у меня нет.

Волшебник заглянул в глаза Астроному. Тот поджал губы и отвернулся.

– Что ж, я всегда рад гостям, а чаю и варенья хватит на всех.

Оставалось несколько часов до Нового года, когда Звёздочка, Волшебник и Астроном вышли на лесную дорогу. Астроном поглядел вверх сквозь кроны и покачал головой:

– Погода портится. Хоть бы было что разглядывать сегодня в телескоп!

И действительно: синее звёздное небо стремительно затягивалось тучами. Пошёл снег. Сначала снежинки были редкие, но с каждой минутой их становилось всё больше и больше. Подул сильный ветер.

– Мне страшно! – прошептала Звёздочка.

– Не бойся, маленькая! Дом уже близко!

Волшебник достал из бороды фонарик.

Не успел он зажечь свет, как налетел настоящий ураган. Деревья заскрипели, вихри закружили в ветвях, ломая сучья. Ветер сбивал с ног, а за снежной стеной невозможно было разглядеть друг друга.

Звёздочка поспешила прижаться к Волшебнику, но резкий порыв ветра подхватил её и отбросил в сторону.

– Помогите! – закричала Звёздочка. В вое ветра она не разобрала собственного голоса, как её могли услышать другие?

Ураган поднял девочку в воздух и закружил. Звёздочка отчаялась спастись, когда кто-то словил её за руку. Это был Астроном. Он изо всех сил упирался ногами в землю, но ураган тащил и его. Надо было схватиться за дерево, спрятаться за стволом, но как: одной рукой Астроном держал Звёздочку, а в другой сжимал папку с расчётами. Очередной порыв ветра сбил Астронома с ног. Не удержать! Ему её не удержать! Астроном разжал пальцы...

Ураган стих так же стремительно, как и начался. Бешеный ветер понёсся дальше по лесу, закручивая снег и листья с расчётами Астронома. Двое путников сидели под деревом, не решаясь разжать руки.

– Как ты? – наконец спросил Астроном.

– Вроде живая, – откликнулась Звёздочка. – Спасибо тебе! Вот только...

– Что?

– Твои расчёты... Их все унёс ветер.

– Унёс... – Астроном грустно кивнул. – Но главное, что он не унёс тебя!

Звёздочка подняла глаза на Астронома и улыбнулась ему.

– Ты как будто светишься! – удивился Астроном.

– Конечно, свечусь, – ответила девочка, – я же звезда!

– Это невозможно! Я уже объяснял... – Астроном покачал головой. Но в его голосе уже не было столько уверенности, как раньше. Он знал, что звёзды не могут быть девочками, но видел перед собой девочку, которая сияла, как звезда. Чудо?

– Ага, – легко согласилась Звёздочка. – Невозможно – так невозможно! Пошли? Надо найти Волшебника.

– Как же мы его найдём?

Астроном огляделся вокруг. Лес был заметён снегом, и ни намёка на тропинку.

– Эй, деревья! – Звёздочка подняла голову вверх. – Помогите нам, пожалуйста, найти путь к дому Волшебника!

– Глупости... – начал было Астроном, но замялся, когда ветка, растущего рядом дуба, скрипнула и указала направление.

Держась за руки, путники шли по ночному лесу. Звёздочка освещала дорогу, а деревья показывали путь. Астроном удивлённо смотрел по сторонам. Однажды ему уже случилось заблудиться в лесу под Новый год, но он тогда и не подумал спросить дороги у деревьев. Как они могли помочь? А сейчас помогают – чудеса, да и только!

Впереди замигал свет фонаря. Это Волшебник спешил навстречу.

– Ох, друзья мои, как же я за вас волновался! – воскликнул он. – Такой ураган! Какое счастье, что вы целы и невредимы! Пойдёмте же домой! Нам просто необходимо согреться у камина и попить чай!

Вскоре они вышли на опушку к украшенной ёлке и дому Волшебника. Ёлка сияла всеми своими огоньками, видимо, ураган обошёл её стороной.

– Новый год! – сказал Астроном. – По-моему, последний раз я праздновал его в детстве.

– Никогда не поздно начать снова, – подмигнул Волшебник. – Предлагаю зажечь бенгальские огни и умять торт! – И то и другое он тут же достал из своей бороды. – Или пойдём к телескопу?

– Торт! – закричала Звёздочка.

– Торт! – подумав, согласился Астроном. – А с телескопом ещё успеется! К тому же все мои расчёты унесло...

Он сам не ожидал от себя такого. Никогда ещё Астроном не выбирал праздник вместо работы. Где-то внутри защеколало от нетерпения и предчувствия радости, как в детстве. Астроном глупо захихикал.

Втроем они посидели у камина, попили чай с тортом и поболтали о чём-то несерьёзном. Стрелка часов подползла к двенадцати.

– Хорошо в вашей компании! – Звёздочка поднялась на ноги, стряхнула с платья крошки и топнула ногой. – Но я всё-таки хочу домой, к своим!

– А почему ты сама не взлетишь на небо? – спросил вдруг Звёздочку Астроном.

– Глупый! Я не умею летать! – отозвалась та. – Ты что, звёзды не изучал?

– Изучал. Вот только сегодня я видел много странного, – сказал Астроном, – и почему-то мне кажется, что ты можешь летать. Попробуй! Ты же чудо, и я в тебя верю!

И тут Звёздочка, к своему удивлению, взлетела под самый потолок!

Волшебник ахнул.

– Астроном, да ты колдуешь не хуже меня! – он расхохотался. – Вот это дела!

– Разве это я сделал? – удивился Астроном.

– А кто же ещё? Ты поверил в чудо – оно и исполнилось.

– Только бы не разучиться летать! – прошептала Звёздочка.
– Не разучишься! Я делаю всё основательно: раз уж наколдовал, значит, так и будет! – пообещал Астроном, – главное – теперь мне не разучиться быть волшебником!
– Не разучишься! – пообещала теперь уже Звёздочка.
– Ты так в меня веришь?
– Конечно, я в тебя верю! – согласилась она и, подумав, добавила: – Знаешь, Астроном, наверное, когда звёзды прекращают верить в людей, то становятся просто излучающими свет массивными газовыми шарами. А я не хочу такой быть!

Звёзды снова кружили над ёлкой, радуясь Новому году и возвращению сестры.

Маленькая серая кукушка вылетела из бороды Волшебника и, устроившись на макушке Астронома, прокуковала двенадцать раз.

– Ура! – закричал Астроном и, слепив снежок, бросил его в Волшебника.

– Ура! – Волшебник увернулся от снежка и зачерпнул горсть снега, чтобы слепить ответный.

– Ура! – отозвалась Звёздочка.

Она сидела на самой верхушке новогодней ели и махала рукой друзьям: тем, что сияли рядом, и тем, что дурачились под ёлкой.

Юлия Рубинштейн

«ЖИЛИ БЫЛИ ДЕД ДА БАБА»

Жили-были дед да баба. Так все сказки начинаются.

То есть начинались раньше. При сплошной неграмотности и отсталом царизме. А теперь же, слава богу, все умные, все прошли трудовое политехническое обучение. Баба! Скажете тоже! Это, во-первых, неправда. С политехнической точки зрения, баба – это чем сваи забивают. А наша, сказочная, Бабушка – она для такого не годится. Элементарно весу не хватит. И уж во-вторых, это просто грубо и некрасиво. Культура со времён царизма у нас, знаете, во сколько раз повысилась? Над уровнем 1913 года? Вот и будем выражаться культурно. Бабушка, а не баба. И поэтому Дедушка, а не дед. Для симметрии. Математику, небось, тоже все изучали. В сказках всё должно быть симметрично – где высокие горы, там и широкие доли, а где Бабушка, там и Дедушка.

Ладно. Это всё присказка. Сказка состоит в том, что жили-были Дедушка и Бабушка, и была у них курочка. Не Ряба, нет. Опять же – оспу на планете ликвидировали ещё в 1982 году, не с чего ей было быть рябой. А если вы подумали про веснушки, то что она, рыжая, что ли? Нет. Как все. Такая серенькая. Это раньше, при царе-косаре, если серенький – то непременно заюшка был, а нынче у нас по конституции равноправие. У нас все – как все. Курочка тоже имеет право. Но всё-таки она была Курочка. Потому что глупенькая.

Глупенькая настолько, что без всякого царя в голове. Отсталый царизм тоже, знаете, имел свои плюсы. Царь в голове был всегда. Хоть царь-горох. От гороха какая-никакая, а польза. Он

содержит белки и может частично заменять мясо. Очень удачно на случай какого-нибудь там неурожая, приватизации или дефолта. А у этой Курочки царя в голове не было никакого. То она под печкой в золе роется, смотрят Дедушка и Бабушка – уже со Сверчком спелась. И поют на два голоса про то, как цветёт в Тбилиси алыча. Или про то, что в российских сёлах не танцуют твиста. Выгонят Курочку на двор, чтоб прекратить несознательные куплеты, а она там зерно найдёт – и ну так и сяк его вертеть, рассматривать: круглое ли, не жемчужное ли? А скажут Бабушка с Дедушкой: ну что тебе, глупенькая ты Курочка, в его круглости, никакого ведь царя в голове! – та в ответ: царских путей в геометрии нет!

Ну, вот, жили-были Дедушка, Бабушка и Курочка, и стали Дедушка с Бабушкой Курочку уговаривать:

– Снеси нам, Курочка, яичко. Хоть золотое, хоть простое.

А Курочка тоже прошла трудовое политехническое. С биологией в объёме полного среднего ознакомилась. И отвечает:

– Как же я одна-то снесу? Вот вы, Бабушка и Дедушка, вместе меня растили. Я тоже только вместе могу!

Ладно. Вместе так вместе. Нашли Курочке того, с кем вместе. Вполне себе Леггорн: стройный, длинноногий, гребень мощный такой. Зелёными чернилами покрашен. Серёжки – сплошной хэви-метал. Голос – всем голосам голос: хоть джаз, хоть рок. А где голоса не хватает – там аппаратура помогает. Целый день в ней ковыряется. Также никакого царя в голове, даже царя-гороха, одних несъедобных транзисторов больше, чем во всей деревне гороху.

Долго ли, коротко ли, снесла Курочка яичко. Потом ещё дюжину. Все простые, даже надписи «Синявино» нету, а одно золотое.

– Золото, – говорит Леггорн, – надо держать в банке.

Сказано – сделано. Взяла Бабушка банку. Отечественную, не швейцарскую. Да и откуда бы ей было швейцарскую взять, если в деревне ни одной гостиницы? Ни гостиниц, ни ресторанов, ни иных каких вертепов. И швейцаров нет. Положила туда соломы, а на неё – золотое яичко. Чтоб ни одна мышка не забралась. А то мышек вокруг Леггорна развелось видимо-невидимо. Пищат на разные голоса, хвостами то песнь заводят, то мультфильмы говорят и показывают без участия Москвы. Курочка со своим Леггорном, если надо, отколупывают по крупинке золотой – им и хватает на горох, на транзисторы, на то, на сё, и Бабушке с Дедушкой перепадает.

День за днём, словно дождик дождит, неделя за неделей – как трава растёт. Вывелись у Курочки с Леггорном цыплята. Забот Бабушке с Дедушкой прибавилось. Цыплята по всей деревне шастают – только смотри, чтоб ястреб не унёс, кошка не загрызла, колесом тележным не задавило, в лужу не вляпался, не простудился... Бабушка от забот усохла, с тела выпала, Дедушка кряхтит.

Вот осень настала. У цыплят голоса окрепли. Нынче и у них тоже не ниже среднего образование. Среднее нетрудовое и неполитехническое. Они и говорят:

– У нас теперь есть голоса, и мы, ежели захотим, так будем за, а захотим – против!

И сами себя посчитали.

Наверное, вы спросите: а кем они сами себя посчитали? Кем посчитали – Бабушке с Дедушкой не сказали. Ни Курочке, ни Леггорну. Посчитали, и баста. Результаты подсчётов, говорят, нынче прозрачны, общедоступны и помещены в Паутине.

Ну, у Бабушки-Дедушки с паутиной просто: венником и за дверь. Так ничего и не узнали.

Разлетелись бывшие цыплята по всей деревне.

Дедушка с Бабушкой по ним печалются. Сидят дома у печи, нет-нет Бабушка слезу уронит:

– Где теперь наши цыплятки... Дышала-дышала им на макушечки – не стали ручными, улетели, забрали силу-моготу, одну мигрень мне оставили!

– Какая уж мигрень, от неё простые анальгины-аспирины помогали, а у тебя, видно, нанотехнология какая-нибудь, коли её даже эквалипт не берёт, – Дедушка ей поддакнет и ещё один справочник по болезням в дом принесёт.

А Курочка – она же глупая. Нет цыплят под крылышком – всё, можно по всей деревне носиться, зёрна искать-разглядывать, круглые ли, песни распевать под леггорновы транзисторы. Гуси-лебеди летят – и она собралась слетать. Хоть в волость.

– Ты куда, куриные твои мозги, – говорят Бабушка с Дедушкой. – Просили-просили тебя: снеси яичко, выведи нам цыпляток, иссохли в щепку, за твоими цыплятами гляючи, а опять в доме пусто! Да и куда тебе лететь, курица не птица!

– Курица не птица, волость не заграница, – ответила Курочка, вспорхнула на плетень да и улетела. А Леггорн загорланил – и за нею.

День прошёл и другой прошёл – нет их как нет. На третий день Бабушка уж совсем закручинилась, на печи лежит, Дедушка в окно глядит:

– Летят, бесстыжие!

И верно, летит над деревней Курочка, валко летит, низенько, но восьмёрки выписывает, а вокруг неё Леггорн турманы-иммельманы изощряет.

Откуда у Бабушки и силы взялись! Вскочила с печи, да ухват в руки:

– Я их, поганцев!

Курочка на порог, Бабушка одну руку в бок:

— Я за ней вся исстрадалась, а она — вон она!

Курочка обратно на плетень, Леггорн завис, как аэростат, только крылья — хлоп, хлоп, щ-щ-щьють, щ-щ-щьють!

Бабушка Курочку ухватом, из третьей позиции, снизу вверх — р-раз! Да мимо. Курочка с плетня — и вокруг двора. Бабушка за ней. Ухватом — шварк, шварк! И никак не попасть, только иногда маховые перья заденет. Леггорн вьётся, перед глазами у неё крылами машет, Курочку свою как умеет — защищает.

Курочка со двора, Бабушка за ней, Дедушка за Бабушкой. На крышу залез с банкой пива:

— Да-вай, чем-пи-он!

Вдоль деревни Курочка летит, Бабушка за ней бежит, ухват уж обронила, городошным приёмом полешки швыряет — р-раз, р-раз! Иногда маховые перья заденет, а так — мимо да мимо.

Девки, парни гикают — «даёшь! даёшь!», детвора следом бежит. Сунули Бабушке ведро колодезное, она его, как молот, на цепи раскрутила — у-у-ух! Куда олимпийцу товарищу Лусису... Накрыло в полёте Леггорна ведро, да он извернулся, взмыл повыше, что твой Эль-Кондор кружит.

Телега посередь деревни в ухабе застряла, Бабушка её единым махом перескочила.

Дедушка на крыше банку мнёт в азарте. На мелкую мелочь раскрошил. Щелёвку отрывает и тоже — в щепу, только что не вовсе в целлюлозу.

Домчались до околицы, к дому повернули. Вот уж родные ворота. Влетели на двор, Курочка — плюх перед крыльцом, Леггорн — шмяк на самые ступеньки. А Бабушка на столбик крылешный оперлась, подбоченилась и говорит:

– Вот так-то до полудня храпака давать! Выходит, я сильней, спортивней вас. А ну-ка, все вместе, у кого ручки, у кого крылышки, в стороны, вверх, подняли – опустили, и – раз, и – два...

Дедушка с крыши крылешной съехал, приземлился, все сначала отдышались, потом обнялись. И стали жить-поживать и добра наживать.

Юлия Рубинштейн

«НОВАЯ СТАРУХА»

Жили-были старик со старухой. Старик очень старый был. На работу последний раз ходил в то ещё царствование. А старуха, та была помоложе. Работала чертёжницей в местном оборонпроме, а если уж на работу в юбке придёт – все говорили: не иначе, снег будет.

Однажды сидит старик у окна, скучает, а мимо сосед идёт.

– Поздорову ли, соседушко! Всё скучаешь? Справил бы себе, что ли, новое корыто – за углом продают, рекламу кричат...

– Мещанство, – кривится старик. – Пусть мещане корытами интересуются, а мы крестьяне.

– Ну, раз христьяне, в красный угол перекрестись.

– У меня все углы одинаковые! Классных нету, все внеклассные, все по теодолиту! – и аж выпрямился от гордости.

– Ну, раз все... того, теологические, тебя тогда ни богом, ни чёртом не подковырнёшь. А ежели так, ты тогда на басурман посмотри: как ему, басурману, скушно, он ни корыто, ни избу новую – сразу новую старуху в дом ведёт!

Сосед по своим делам ушёл, а старик совсем закручинился. Старуха ему то кофею подаст, то песнь заводит на виниловой вертушке, то сказку говорит. Кошка у ног трётся, мурлычет утешно. Солнышко греет, цветы лазоревы аромат струят. А старику всё невесело.

И решил он пойти куда глаза глядят, и идти, пока до точки не дойдёт. А глаза-то глядят, куда окно рублено. И ежели оно при постройке дома, ещё до того, как туда старик со старухой

въехали, было на железную дорогу... Словом, сел старик в поезд и поехал.

Едет день, едет ночь. Заря занялась, и видит старик вывеску: ТЕШЕМЛЯ. После названия точка, квадратная такая, мощная. Доехал, значит, до точки. Сошёл и пошёл, куда глаза глядят. От путей – наперек, за вывеску и дальше по улице. Вдруг слышит:

– Поздорову ли, молодец! Куда путь держишь?

Поначалу не понял даже, кого это молодец кличут. Огляделся – один он. Да ещё на крылечке избушки-завалюшки сидит дед, в обед сто лет. Ну, ясно, не дед же – молодец. Значит, сам он, старик. Огляделся вокруг и себя оглядел – а и правда. Избушки-то кругом покосились, берёзки-то кривые, козы пацуются драные, петух на заборе сидит пощипанный. Он, старик, самый удалый тут молодец. Выпрямился по-молодецки и деду отвечает:

– Долго здравствовать, дедушко!

– Какая, молодец, тебя нужда-забота сюда привела?

А старику-то хорошо стало оттого, что его молодец назвали, оттого, что выпрямился по-молодецки, разогнулся. Будто и заботы с него, как старые одёжки в бане, свалились. Он в ответ:

– Ни нужды у меня, ни заботы. Дал зарок до точки дойти и дошёл, вот теперь иду дальше.

– Нет, милый, – говорит дед. – Ты до точки не дошёл ещё. Точку до тебя много народу поудалей твоего искало, да все в нашем болоте сгнули.

Старику и любопытно стало.

– А что за точка такая? – спрашивает он.

– Про то мне неведомо, бо совершенно секретно, – отвечает дед. – А лежит она за оврагом, за буераком, за топким бо-

лотом, за седьмым поворотом, между трёх сухих осин. С пути не собьёшься, тропинка-то всего одна. Внук мой не сбивался же, всегда корову оттуда пригонял. Только пешком ты там не пройдёшь, нужно лапти-мохоступы или доброго коня.

Старик на коне сроду не ездывал. Разве что на велосипеде.

— А что за лапти-мохоступы? — спрашивает.

Дед живо развернулся, прямо где сидел, на пороге — и исчез в сараюшке. Слышит старик — конь заржал. Дед выходит, коня белого в поводу ведёт.

— Раз сам вызвался, то и довезёт. Ни в чём он отказа не ведал. Ни седла, ни узды не знал, и я, и сын, и внук охлюпкой ездили. А зовут его Сахар.

Хотел старик отказаться, а ноги сами к крыльцу понесли. Дед посмеивается:

— Теперь тебе, молодец, с пути сходу нету. До точки!

Поднялся старик-молодец на крыльцо по трём ступенькам, а оттуда на коня взгромоздился. Конь костлявый, мослы из спины выпирают. Сидеть жёстко. Вертится он так и сяк, а всё неудобно. Ноги болтаются, коня в бока поддают. А коню, видно, кажется, что это его погоняют — он всё шибче, шибче, сначала шажком, потом рысцой, а в овраг-буерак уж галопом. Чуть наземь ездок не полетел. За гриву еле удержался.

Выскочили из буерака — солнышко сзади алые лучи вдоль земли бросает, тень дорогу указывает, вперёд по тропе бежит. Болото началось. Тростники всадника с головой укрывают. Конь с тропы не сбивается. То шажком, то вприпрыжку. А старик-молодец про себя повороты считает. После третьего под ногами у коня чавкать стало. Копыто в мох уйдёт, а назад — чафф! Чафф! Чвяк! Чвяк! После пятого по бабки конь проваливаться стал. Да и старику уж совсем невмоготу сидеть, отёр всё, что можно и что нельзя. Однако крепится — сой-

ти-то в трясину страшно. Кончились тростники, одни чахлые осинки-ольшинки остались. Ступит конь — они нагнутся в сторону всадника, словно что услышать хотят, и качаются долго. Из-под копыт лягушки сигают веером по сторонам — зелёные, водяные, и пёстрые, травяные. Солнце выше поднялось, запах душный витать пошёл, дымины седые между кочек поднимаются, словно пальцы тянут задушить. Повернул конь в седьмой раз — и видит старик-молодец: три могучих дерева перед ним, да только уже неживых. За ними забор, за тем забором вышка железная, у забора копна сена стоит, а у той копны лицо девичье. Так ему дивно стало, что он с коня мешком соскользнул, только что наземь кулём не рухнул.

— Ну, дальше, дальше! На одну коленку! Ты же принц на белом коне! — копна говорит.

Старика задор разобрал:

— А ты нешто царевна, чтоб я перед тобой на коленку, хоть бы и на одну?!

Такой хохот тут пошёл, что вся копна рассыпалась, и выкалалась наружу девица лет зрелых, статей крепких, с лица пригожа, а одета для работы — спецовка из камуфляжа да сапоги. И сразу:

— Собирай сено, раз из-за тебя рассыпалось! Что зимой козы есть будут?

— Тоже мне царевна, — старик-молодец фыркнул. — Лягушка пятнистая, травяная!

Девица подумала, на гостя посмотрела и говорит:

— Ну, пусть твоя правда. Царевна, значит, лягушка. Только мы не в сказке, гостюшко мой, а значит, всё наоборот: ты моих три желания угадай и выполни.

Подумал-подумал старик-молодец и говорит:

– Первое твоё желание я уже выполнил. Ты хотела, чтоб к тебе гость приехал на белом коне, раз гостюшкой и принцем величаешь. Вот я тут. Значит, давай, как с гостем положено: накорми-напои меня и коня моего, ну, и всё сопутствующее – тогда будет считаться, что ты гостя приняла по-хорошему, и это желание исполнится...

Девушка зарделась, взор потупила:

– Ладно, считается...

– Второе твоё желание ты уже сказала – чтоб я сено собрал. Ну, и всё прочее помогать буду, – сказал старик-молодец и нагнулся сено подобрать. Собрал, на двор отнёс. Ноги раскорякой еле переставляет, хорошо наездился, но крепится. Девушка вместе с ним хлопочет. Коня стреножила, торбу на морду повесила. А дальше пошло и пошло: вокруг вышки железной у неё целое хозяйство – и изба, и сарай, и дровяник, и курятник, и везде хозяйская рука требуется. Там со стариком-молодцем крышу подлатали, здесь дверь поправили, три осины сухих на дрова распилили. И не заметил старик, как три дня, три ночи пробежало. А как солнышко третий раз в болото село, истопила царевна баньку, выпарились они, сели чаёвничать. Тут она про третье желание и напомнила.

А старик-молодец не знает, что и думать. Говорит он:

– Раньше был обычай, чтоб гостя ни о чём не расспрашивать, а я возьму да и сам расскажу. Звать меня Михайлой, величать Иванычем. Родом я от самого синего моря, туда день да ночь ехать. Жил-поживал, что ко мне несли – починал, тем и кормился. А как-то раз собрался дойти до точки. Встретил в пути деда столетнего, тот и рассказал, как до точки дойти – по болоту, до седьмого поворота, до трёх сухих осин. Я и дошёл напрямик сюда. По душе ли тебе рассказ мой?

Видит старик-молодец — побледнело лицо девичье, и две слезы прямо в чай капнули. Отвернулся, чтоб не смущать. Долго молчали, а потом она говорит:

— Послушай и ты меня, молодец. Зовут меня Катерина, а величают Вячеславна, да только отца с матерью своих я почти не помню. Одно помню: на зорьке собралась несметная сила военная, и пошла, и пошла — и батя там был. На могучей машине с могучей ракетой. Мне наказал: с места не сходи, хозяйство блюди, привезу бумагу — будет у нас своя земля. И с тех пор ни слуху о нём, ни духу. И земля под воду уходит. Раньше было что блюсти-беречь: и дома стояли, да не абы какие, с подвалами тайными, великими, и огороды были опытно-показательные. А теперь одно болото. Была точка, а стала кочка. Раньше коровы паслись, а теперь пеший не пройдёт. Людей пропало тут множество несчётное. Чаю-сахару последний раз, наверно, ещё при бабушке с матушкой отведала...

Старик-молодец и говорит:

— Значит, третье твоё желание — это сахару? Угадал?

Она на него глазами большими смотрит, слова вымолвить не может. А он — на порог:

— Сахар! Сахар, эгей!

Из темноты ржанье донеслось, потом копыта затопали, потом и коня видно стало.

— Вот какой у нас сахар, — старик-молодец говорит. — Коня Сахаром зовут, что дед столетний мне дал — добраться до тебя. Это если по-сказочному, я третье твоё желание выполнил. А по-всамделишному если, то вижу: их у тебя не три, их у тебя что волос на голове, да не хотелок, не капризов, а самых что ни на есть насущных нужд. И один тебе путь: к людям выбираться.

Переночевали и стали к людям выбираться. Девица верхом, старик-молодец пешком следом за конём. Конь дорожку туго знает — ни разу глубже, чем по лодыжки, старик не провалился. Потом тростники пошли — легче стало. А как дома показались, детвора навстречу высыпала:

— С болота мужик идёт, невесту на белом коне везёт!

И по улицам, по проулкам. Народ из изб на улицу повалил, у обочин стоит, парни кепки в воздух кидают, бабы-девки платочками машут. Откуда ни возьмись, журналисты с камерами, юлят вокруг, снимают, вопросы какие-то выкрикивают. Старик-молодец молча до избы столетнего деда дошёл, с хозяином поздоровался, коня вернул с благодарностью, а дед спрашивает:

— Что, правда невесту нашёл?

— Нет, дедушко. Неправда: я-то женатый. Это всё папарацци. Катерина Вячеславна едет оформлять документы на землю.

— Ну, поранцы там или поганцы — а вам в добрый час.

Сел старик-молодец на поезд обратный, Катерину с собой приглашает: там, дескать, прогресс, всё на электронике, там у тебя всё получится. Приезжают — а навстречу старику его старуха.

— Как же ты узнала, с каким поездом я приеду?

— А я все поезда встречаю. Или ты газет не читал? Только о тебе и пишут: герой ты у меня, оказывается, покоритель Энского треугольника. А это кто?

— Это Катерина Вячеславна. Я её из сказки привёз, там она за царевну-лягушку была, а вообще-то, ей надо документы на землю оформить.

— О-о! Ну, давай.

Достаёт мобильник и звонит знакомой журналистке. Ну, тут уж город что улей загудел. Как же: болото с такой славой, поч-

ти в два района размером, несколько человек в нём без вести пропало, а уж имущества военного на какие мулѣны-мульярды под эту лавочку было списано... Да и колхозно-мелиоративного немало. И вот теперь вернулся оттуда живой человек, по всему – непьющий и неврущий, и говорит, что там сказки наяву живут. Ушлые-то люди сразу сообразили, какой навар можно на том поиметь, чтоб это всё зевакам показывать. И к старику-молодцу:

– Про сказки – правда? Желания исполняются в натуре?

– Вот у Катерины Вячеславны исполнились, – он отвечает.

– А у тебя? Новое корыто, новая старуха?

– Меня там молодцом называли, а жена меня моложе, так на кой мне старуха, даже новая?

– Тогда мы тебе отступного, а ты – молчок, иначе со свету сживѣм.

– Желаю такого отступного: чтоб Катерине Вячеславне были документы по всей форме, а мне – самый лучший компьютер, по моей спецификации.

– Ишь ты! Много больно хочешь, – говорят. – Ей документы – ладно, а тебя из города вышлем, за можай зашлѣм.

– Вот и вышлите. На то самое болото!

На том по рукам и ударили. На болото маршрут экстремальный проложили. Старик комендантом турбазы «Под железной вышкой» трудится. Старуха всю канцелярию ведѣт. А у Катерины Вячеславны домик в Тешемле образовался – обмен оформили. Живут-поживают и добра наживают.

Юлия Тужикова

«ДИМКА»

Женщина аккуратно поставила дымящуюся тарелку на небольшой деревянный табурет, придвинула его к дивану, поправила подушку и чмокнула сына в рыжую макушку.

— Проснулся, соня? Давай помогу.

Мальчик потёр глаза, стянул до пояса одеяло, медленно повернулся набок.

— Я сам, — он оттолкнулся руками о край дивана, под шерстяным одеялом в области ног что-то заскрипело и звякнуло. Мальчик скорчил лицо.

— Больно, — тихо сказала сама себе женщина.

Мальчик кое-как сел. Пододвинул табурет вместе с тарелкой и стал бесшумно рисовать ложкой восьмёрки-бесконечности на мутно-жёлтом полотне горохового супа, изредка как бы невзначай поглядывая на постоянно спешащие куда-то чёрные стрелки настенных часов.

— Сашка, всё наладится! Ты ешь и ни о чём не думай, — женщина присела на край дивана рядом с сыном.

Но мальчик не мог не думать. Мысли, как противные, скользкие черви, пробирались в голову. Он проглотил несколько ложек.

— Mam, a как же Димка? — сквозь липкие мысли-червяки выдавил мальчик.

— Я же просила тебя... Опять за старое, — дрожащим голосом сказала женщина.

— Mam, помнишь, мы договорились говорить друг другу правду, всегда? Помнишь? Так вот... я — говорю, — мальчик тяжело задыхался, отодвинул тарелку и откинулся на подушку.

Женщина молчала. Давным-давно, когда нечаянно выяснилось, что отец мальчика сидит в тюрьме за кражу со взломом, а не бороздит просторы далёкого космоса, после чего Сашку искали три дня, она пообещала ему всегда говорить правду.

– Милый, нет никакого Димки, – почти шёпотом проговорила женщина.

– Как нет? – мальчик уставился на неё. – Мам, вспоминай, я же рассказывал тебе, что познакомился с ним в больнице, мы подружились. Он и домой ко мне приходил, пока ты на работе была. Дня четыре назад. Говорил, ещё зайдёт, но пропал... Понимаешь, пропал?.. И ещё он говорил, что всё придумал, что знает, как помочь, что, если захотеть... – мальчик продолжал тараторить, а женщина лишь терпеливо слушала и тёрла виски.

– Ну всё, хватит, – вдруг сказала она, – опять придётся звонить доктору.

– Не надо доктору, – Сашка отвернулся и замолчал.

– Хочешь посмотреть телек? – женщина щёлкнула кнопку на пульте.

Мальчик повернул голову. На экране появились дети с трубками в горле и во рту, приятный женский голос за кадром просил прислать деньги на их лечение. Сашке стало жалко детей, и он молящими глазами посмотрел на мать, а она поцеловала мальчика в волосы. Денег для болеющих детей у них не было.

– Лучше почитай книгу. Мне пора... Заряди телефон, я закрою дверь на два замка.

Сашка рассматривал влажные ладошки и делал вид, что мамины слова пролетают мимо его ушей. На самом деле он всё слышал, просто не любил, когда она закрывала дверь на два замка и работала по ночам.

Женщина закрутила волосы в высокий пучок на макушке, подкрасила и без того розовые губы, перекинула сумочку через плечо и вдруг низким, немного зловещим, будто не её, голосом сказала:

– Когда захочешь сделать глупость, вспомни про тех детей. Вспомни, что ты мог быть там, где они...

Она всегда говорила про тех детей, когда не хотела, чтобы случилось что-то нехорошее.

– Мам, сколько раз ты будешь повторять? И вообще, Димка говорит, что тот дом, который строили в лесу, неправильно строили: дети просто играли, а балки не выдержали и рухнули на них... И никто их туда не заманивал, сами они... – он помолчал, а через несколько минут продолжил: – Ещё Димка говорит, что тот, который выбрался, не виноват, он не хотел... оставлять их там одних, – мальчик говорил и всеми силами старался верить своим словам.

Женщина внимательно выслушала его и выдохнула:

– Если бы ты тогда послушал меня, – она резко замолчала, потом закашлялась, пошатнулась, схватилась рукой за горло, будто слова застревали и доставляли ей нестерпимую боль, вдохнула несколько раз и продолжила: – Веди себя хорошо, ведь ты уже совсем взрослый.

Затем она зачем-то затрясла головой, будто перед её глазами показывали то, на что она смотреть не хотела. Будто показывали три небольших гроба и детей в них.

Сашка ждал ещё каких-то слов, но вслух женщина ничего не сказала.

Когда дверь захлопнулась, мальчик вытащил из-под подушки сложенный конвертиком листок бумаги, развернул его и ещё раз прочитал: «Встретимся на опушке леса. Димка».

Димка не приходил четыре дня, а записку Сашка обнаружил только сегодня утром.

Мама вернётся завтра к обеду, до заката ещё три с половиной часа и, если всё сделать быстро... – не трата времени даром, Сашка поёрзал на неудобном диване, кое-как улёгся, вытянул руки по швам и зажмурил глаза.

Он никогда не делал этого сам, только вместе с Димкой. Мальчик вздохнул несколько раз и повторил вслух слова, которым научил его Димка:

– Всегда смотри своим страхам в лицо.

Сашка начал считать: «Один, два, три, четыре, пять...» Пятьдесят четыре – и темнота поглотила всё вокруг.

А когда мальчик открыл глаза, осенний ветер протяжно выла заунывную песню, сухие пятнистые листья шуршали под ногами. Казалось, листья шептали и шушукались. Если прислушаться, можно было услышать: «Вернис-с-сь... Пропадёш-ш-шь...» Сашка посильнее натянул шапку, недоверчиво посмотрел вокруг, опустил взгляд на ноги в новеньких кедах, неуверенно сделал шаг, другой и, аккуратно переставляя одну ногу, затем вторую, пошёл вперёд.

Мимо проплывали городские улицы, одинокие прохожие, серые пятиэтажные дома-близнецы и длинноногие фонарные столбы. Мальчик не заметил, как город ни с того ни с сего закончился.

Вдруг Сашка остановился не в состоянии сделать шаг, будто две невидимые силы тянули его в разные стороны. Мальчик знал: одной силой управляла мама, а другой – Димка. Конечно, он любил маму, но без Димки ему было совсем туго.

Если Димка не вернётся, с кем он будет читать одни и те же книжки, перемещаться во времени и пространстве? С кем и как сбегать с уроков, покорять просторы бескрайнего кос-

моса? С кем будет ловить в озере рыбу и искать сокровища для больных детей?..

Небо заволокло грязными серыми тучами, несколько острых капель больно врезались в Сашкино лицо. Мальчик огляделся: за опушкой в лесу, среди деревьев несколько раз отрывисто блеснул яркий свет.

– Димка, я иду, – сказал вслух Сашка и сделал шаг в сторону тенистого леса.

Неприветливый лес хватал Сашку за куртку, кидался колючими шишками, ставил подножки изогнутыми корнями, затягивал новенькие кеды в непроходимую жижу.

Мальчик то и дело оглядывался по сторонам. Казалось, он искал кого-то или боялся, что кто-то найдёт его.

Неожиданно резко стемнело. Мальчик повертел головой: со всех сторон его обступали деревья-великаны, ветви которых трансформировались и на глазах превращались в лапы чудовищ.

Мальчик остановился, глубоко задышал и резко затих. «Сашка заблудился», – от этой мысли закружилась голова. Он схватил голову руками, зажмурил глаза и начал быстро считать. Он хотел вернуться в свою маленькую комнату, на свой неудобный диван, но ничего не получалось. «Вот если бы Димка...»

Телефон завибрировал в кармане и на секунду отпугнул лесных чудищ.

– Мам... я в лесу и, кажется, заблудился... Я хотел найти Димку, – только успел проговорить Сашка, телефон издал умирающий писк и почернел.

«Зарядить телефон, слушаться маму, делать гимнастику, пить таблетки и никакого Димки», – крутились слова в Сашки-

ной голове. А за его спиной, около самого уха, какой-то зловещий голос прохрипел:

– Попался...

Сашка оцепенел, зажмурил глаза – он не хотел верить в происходящее, пытался мгновенно уснуть и проснуться в тёплой постели с маминной рукой на голове. Хотел, чтоб Димка нашёлся, а папка вернулся и было много денег, чтобы отправить их детям с трубками. Хотел научиться слушаться маму, хотел, чтобы настало лето, хотел, чтоб тёмный лес исчез и утащил этот голос за собой.

Пока Сашка думал, что-то большое и сильное загребло его вместе с руками и ногами. Крепко сжало внутренности. Что-то грязное и гадкое заполнило рот.

Он умер или потерял сознание. А когда очнулся, сидел привязанный к стулу в каком-то заброшенном доме. Напротив сидел привязанный Димка, а с двух сторон от Димки – застывшие куклы: два мальчика или две девочки – как ни старался, Сашка не мог разглядеть их лиц.

Сашка дёргался, извивался на стуле, как беспокойная гусеница, что-то говорил или даже кричал – беззвучно, через ветхий вонючий кляп.

– Тише, – вдруг скомандовал Димка, – успокойся, ты нашёл меня, и теперь мы выберемся, обязательно выберемся. Закрой глаза и считай: раз... два... три... – вспоминай, как я тебя учил.

Сашка послушно продолжил:

– Четыре...

Над ними по тонким деревянным перекрытиям скакало что-то непонятное: косматое, тёмное – было не разобрать, звериное или человеческое.

– Попа-а-а-лис-с-сь, – шипело, рыкало и выло чудовище. – Теперь я спасу вас, спасу вас всех... Теперь-то точно... Тогда

не смог спасти, а в этот раз спасу! Песок забрался в их рот и уши, я тащил, они не могли дышать, мои ноги зажала тяжеленная плита, я тащил... я не виноват... это они больше никогда не могли дышать. У-у-у... и-и-и, — продолжало чудовище, — все эти дети и взрослые, их родители, моя мам... — кажется, чудовище хотело сказать «мама», но это слово будто острыми шипами застревало и резало его горло, — они говорили: «Ты старше, ты виноват, ты привёл их сюда...» Я спасу вас, и они простят, будут со мной дружить и опять будут любить меня, — чудовище подскочило, его дыхание обожгло Сашкино лицо.

Мальчик не удержался, прервал счёт и открыл глаза. Чудовище таранилось на него. Мальчик, не в силах оторваться, смотрел как будто в зеркало. У чудовища было Сашкино лицо.

— Считай! — закричал Димка.

Доски и перекрытия трещали и грохотали над головами дьявольским оркестром. В какой-то момент пол под стульями, на которых сидели Сашка, Димка и две застывшие куклы, провалился, будто кто-то открыл задвижку люка изнутри, и они вместе со стульями полетели вниз.

Сашка зажмурил глаза. Он умер или потерял сознание. А когда открыл глаза, понял, что лежит на диване и мамина рука гладит волосы.

— Мам, ты чего здесь, а как же работа? — говорил, запинаясь мальчик.

— Тише, успокойся, что-то подсказало мне, что я тебе сейчас очень нужна.

Он начал что-то бессвязно бормотать: про то, что не виноват, про чудовище, про то, что хотел спасти Димку, что это он потащил всех в тот дом.

– Я знаю, – тихо сказала мама, – ты не виноват. Это сон, просто дурной сон. Никто не виноват... Чудовищ не существует, ты дома, я рядом... И я люблю тебя, Сашка.

– Mam, мы не пропали, – прошептал мальчик, – я нашёл Димку. Мы нашлись, и мы не пропали.

Женщина отвернулась, по её щекам текли слёзы.

– Mam, ты же знаешь, у меня, кроме тебя и Димки, никого нет.

Женщина сглотнула.

– Засыпай, сынок, завтра рано вставать.

Она села на кресло рядом, поджала под себя худенькие ноги, укрыла их вязаным пледом и тут же уснула.

Сашка тоже хотел уснуть, но сон не приходил. Мальчик вертелся, сменяя тёплые простыни.

– Эй, ты что, спать вздумал? – на подоконнике сидел и болтал ногами Димка.

– Димка, ты вернулся! – Сашка попробовал подняться, но боль пронзила его ноги железными иглами, и он отвернулся к стене.

– Тоже мне, друг называется, – обиженно проговорил Димка. – Я к нему в больницу приходил, с чудовищем сразиться помог, себя не жалел...

– Мама сказала, что тебя нет, – Сашка попробовал ещё больше отвернуться к стене.

– Ну вот опять!.. Как так нет? Вот он я, – Димка спрыгнул с подоконника и несколько раз сплясал вприсядку.

– Она говорит, что ты – ненастоящий.

– Вон оно что! А как думаешь, твои железяки на ногах – настоящие? – Димка откинул одеяло, Сашка зажмурился. Он не хотел видеть этих металлических пауков, пронзающих лапами его тоненькие ноги.

– Мама говорит, что я тебя выдумал, от стресса. Она говорит... что ты мёртвый, – проговорив эти слова, Сашка зажал рот ладонями.

– Ха, а ты веришь всему, что говорят?! И, вообще-то, если умер, это ещё не значит, что тебя не существует. Как там умные люди говорят: «Пока тебя хоть кто-нибудь помнит – ты живой».

Сашка повернулся.

– Вон, к примеру, притяжение – никто его не видит, а оно есть. Или скорость света. Или душа – учёные говорят, почти шесть граммов весит! Или вот самое простое, воздух – тоже кажется невидимым. Ну что, убедил?

– С учёными не поспоришь, – задумчиво ответил Сашка.

– Только мы сами решаем, что на самом деле существует, а что нет, – Димка взмахнул вытянутой рукой с торчащим указательным пальцем к потолку. – Вернёмся к железякам. Ты думаешь, что они есть на самом деле?

– Но они и вправду существуют, – как ни трудно было признавать, но Сашка на секунду взглянул под одеяло и произнёс эти слова.

– Но они же не навсегда, – не унимался Димка.

– А доктор говорит... – Сашка непонятно зачем постоянно перебивал друга.

– Ты опять? – строго спросил Димка. – Хочешь, чтоб эти железяки исчезли?

Сашка кивнул и стал натягивать на ноги зелёное одеяло.

– Так ты делу не поможешь, тут подумать надо, – Димка стал измерять шагами комнату.

– Тише, мама проснётся.

Димка остановился.

– Придумал! Бери, – он, как фокусник, вытянул из-под рубашки синий блокнот и оранжевую ручку, – пиши!

– Что писать?

– Всё, что захочешь! Пиши, что железяк нет, что ты в футбол гоняешь, что на речке купаешься. Только чтоб в подробностях: лето сейчас или зима, птицы какие поют, как мокрая трава ноги щечочет или как снег валит громадными хлопьями, мамка как радуется... Пиши и верь, я всё устрою! – Димка неумело подмигнул, сделал магические па руками, покрутился как юла, прыгнул на подоконник, открыл окно, подмигнул ещё раз и... выскочил прочь.

«Хорошо, что первый этаж», – подумал Сашка, открыл блокнот и начал писать.

Часы пробили полночь. Где-то за окном залаяла собака. Женщина открыла глаза, потянулась, встала и тихо подошла к спящему сыну, поправила одеяло. Стукнула открытая форточка, прохладный ветер ворвался и стал гулять по комнате. На стуле лежал синий блокнот, ветер заметил его и веером рассыпал тонкие листы.

На листах детским неровным почерком, разными буквами – большими и маленькими, толстыми и худыми – было написано:

«Я хожу». «я ХоЖу». «Я САМ ХОЖУ».

Написано про тёплую весну и мокрые лужи, про воздушного змея, которого не догнать, про солёное море и брызги до неба, про горячий песок и ракушки, прилипшие к пяткам, про новенькие, к концу лета дырявые, кеды, про точные передачи мяча и победный гол, про Димку.

Женщина аккуратно собрала листы и прижала их к груди, они зашуршали в такт неровно бьющемуся сердцу. Пошла на кухню, поставила на плиту чайник, насыпала в кружку па-

хучий чай. Пока над кружкой танцевали паутинки белёсого пара, вытащила тоненькую тетрадь из рядом стоящей сумки, достала из тумбочки карандаш, на секунду задумалась и начала писать.

Когда за окном первые лучи солнца окрасили небо в пурпурный цвет, соседский петух прокричал утреннюю песню, а серый грифель превратился в слова, она подняла голову и сказала куда-то в пустоту:

— Спасибо тебе, Димка.

Юрий Ташкинов

«ДАВАЙ ОСТАНЕМСЯ СМЕРТНЫМИ?»

У подножия этого высотного здания чувствуешь себя мелким муравьём. Пластик, стекло и металл. Линзы проектируют на сетчатку тысячи образов, и вот тебе кажется, что стрелка перед глазами указывает точно на вход. А вокруг шумный поток трёхмерного движения автомобилей. Благо, наушник позволяет на время отключить все лишние шумы с помощью аудиофильтров. На стене появился трёхмерный образ блондинки в строгом чёрном костюме. «Космическое риелторское агентство «ХÆ А-12» Самые низкие цены на марсианскую недвижимость. С нами выгодно!»

Илья нервно смахнул назойливую рекламу, в надежде, что больше дополненная реальность на сегодня не понадобится.

«Почему Вы пытаетесь отключить рекламу? Вас не интересует этот товар, или следует сменить показ другого рекламодателя?»

Купить лицензионные линзы ему не по карману (да и кто, кроме глав Корпорации, могут себе подобное позволить?), а в пиратской копии каждые пару минут то и дело выскакивает неожиданная реклама: добавь шестёрку к названию казино — и получишь возможность выиграть миллион! Прадед рассказывал Илье, что раньше рекламу показывали только каждые десять минут, и то была возможность переключить канал телевизора. Хотя у него всё было лучше: роботы не занимали рабочие места, трава была зеленее, солнце светило ярче, а морковь стоила всего лишь двести рублей, и купить её мож-

но было в любом супермаркете, а не ждать доставки из сельхоз-заповедника, и выходить из дома можно было в любое время, без комендантского часа и двухчасовых разрешений на выход. Сказочники эти старики, живут в прошлом, а мир тем временем шагает семимильными шагами к прогрессу. И чем им хорошо жилось? Не рубль у них был международной валютой, и в мире разговаривали на этом странном английском, а не по-русски. Единственное, что и осталось от старика хорошего, так это потрёпанный томик сборника рассказов «КИФ-4» (PS. Рассказ написан для конкурса Имморт-фантастики КИФ-5 – прим.автора). А морковку можно съесть и распечатанную. Она на вкус ничем не хуже.

Илья натянул медицинскую маску сначала на себя, а потом и на Марину, и внёс её на руках в здание.

Внутри яркий люминесцентный свет. Абсолютная стерильность: кажется, нос способен здесь уловить это абсолютное отсутствие запахов, и иногда кажется, что ты заболел марсианским гриппом. Вошёл – и тут же подбежали две робо-медсестры.

– Сэр, чем можем быть полезны?

– Отнесите её в палату к доктору Флеровскому.

Трёхмерные образы наград сменяли друг друга на стенах в кабинете доктора.

– Семён Карлович, это я звонил Вам. Моя жена... Она тоже заразилась этой марсианской заразой.

– Успокойтесь, голубчик. Присаживайтесь. А больную я посмотрю.

Линза многократно увеличила изображение горла Марины. Доктор приложил ухо к груди, чтобы наушник усилил звук дыхания. Доктор моргнул, видимо, внимательно рассматривая лёгкие в рентгеновском диапазоне. Любое медицинское

оборудование в наши дни вживляется в качестве органа тела врача.

– Так я и думал. Это простуда.

– Доктор! Разве вы не видите: она едва дышит! И температура!

– Успокойтесь и присядьте, Илья Сергеевич, кажется?

– Да. Простите. Я погорячился. Если у неё простуда, давайте ей дадим антибиотик. В аптеке отказались продавать его без рецепта врача. Если это всего лишь простуда, а не марсианский грипп.

– Нет никакого марсианского гриппа, – Семён Карлович слегка наклонил голову.

– Но как же симптомы...

– Имею в виду, нет марсианского гриппа ни у кого и не было такого. Всё это сказки для населения. А есть лишь простуда. И другие болезни. Только вот антибиотиков теперь тоже нет. Люди подмешивали их в корм скоту, а теперь не осталось ничего для нас самих. Бактерии научились защищаться от наших лекарств, и в последние пару месяцев мы остались без медицины. Средневековые алхимики – и те были ближе к изобретению лекарств, чем мы. Ваша жена либо выздоровеет самостоятельно, либо нет. Но я здесь бессилён.

– Возьмите её на лечение!

– Мест нет.

– Но у меня страховка! – Илья терял самообладание и уже кричал в полный голос.

– Всё в порядке? – в кабинет врача вбежали роботы-охранники.

– Да, родственник пациентки уже успокаивается. Илья Сергеевич, роботы заменили всех, кроме десятка профессий. Но теперь от врачей тоже нет толка. У нас больше нет лекарств.

Вы не лучше других людей со страховкой. Очередь в больницу записана уже на ближайшие три года. Не знаю, понадобятся ли мои услуги вашей жене через три года.

— Я Вам заплачу. Сколько Вам нужно? Любые деньги?

— Простите, но я ничем не могу помочь. Ведь я сам заразился, и не могу вылечить даже собственную семью. Грипп потому и назвали марсианским, что единственный способ от него спастись — улететь прочь из нашей планеты. Или сидеть дома последующие двести лет, чтобы не заразиться. Хотя есть ещё один способ.

Семён Карлович протянул Илья трёхмерную визитку.

«Корпорация «Бессмертие». Вечность для вас и ваших близких»

А что есть вечность? Привычная комната два на два метра, где ты вынужден вечно ютиться с одной женщиной, за исключением пары часов в день, когда можно свободно прогуляться? Бесконечные ссоры по пустякам. Это сейчас всё кажется пустяком, когда вечность должна подойти к концу. Или есть выход? Линза уже сосканировала QR-код, и Илья погрузился в просмотр многочасового рекламного ролика.

Девушка азиатской внешности и с собранными в пучок волосами прошла в огромную комнату с высокими потолками, Илья последовал за ней. На кровати лежал пожилой мужчина, а голова его внутри огромного металлического кольца.

— Современный томограф сканирует головной мозг, нейрон за нейроном, связь за связью. Зеттабайты информации на наших серверах.

Картинка сменилась на огромную комнату, наполненную металлическими коробками, по которым струился электрический ток.

– Вы сможете вспомнить имя первого робо-учителя и многократно ощутить первый поцелуй.

Мужчина, что лежал в томографе, помолодел. Он сжимал в руке руку девушки и с надеждой вглядывался в её глаза. Влюблённая парочка исчезла, и снова появилось изображение азиатки.

– И всё абсолютно бесплатно. Единственная цена: мы будем использовать часть Ваших вычислительных возможностей для наших расчётов. Когда-то аминокислоты, занесённые из глубин космоса, сплелись в белки, а из них появились первые одноклеточные.

Появилось изображение делящихся клеток.

– Они ради выживания объединились в сложные многоклеточные организмы, пока в одном из них не зародился разум. Но время обычных организмов прошло. Настало время сверхразума. Множество многоклеточных должны слиться в единый гештальт-организм. Таков путь нашей эволюции. Великий Разум – вот наш выбор. Мистер Кнут однажды достроит свою Степенную Башню, в которой мистер Грэм сможет считать число до последнего знака. Присоединяйтесь к нашему будущему, а взамен получите бессмертие.

Снова изображение азиатки. Теперь она сжимала в руке лист бумаги – архаичный шаблон договора.

– Подпишитесь ниже – и уже завтра смерть не будет для Вас проблемой.

У Ильи в руке откуда-то появилась перьевая ручка.

Рекламный ролик рассеялся, и из листа бумаги теперь появилась голова Марины.

– Илья, прошу, не нужно, – слова девушки были едва различимы среди кашля.

– Маринка! Я думал, ты уснула.

– Я спала. Но успела загрузить себе в программу сна этот рекламный ролик. Илья, давай лучше останемся смертными.

– Но ведь ты скоро... – Илья едва не сказал вслух мысль, которая несколько дней витала в этой комнате. – Лекарства нет. Мы с тобой просто погрузимся в этот мир, и будем вечно вместе, до скончания времён.

– Мы не можем двух дней обойтись без ссоры, а представь, если придётся терпеть меня вечно? – Марина грустно улыбнулась. – Разве это жизнь? Я хочу умереть человеком, а не этим их гештаном... гельтаном, или как там оно называется.

Илья смахнул рекламный ролик и поцеловал Марину в лоб. В его горле першило, и, похоже, тоже поднялась температура. Может, показалось?

– Хорошо. Я больше не буду этого предлагать.

Марина уснула в его объятиях.

Илья посмотрел на надпись под аквариумом Ghoti.

«Любимая рыбка Гхоти», – а потом машинально исправил себя, передразнив невольно Марину: «Правильно произносить «фиш»» Ох уж эта любовь к мёртвым языкам! Зачем учить английский, когда русский давно стал международным?

Мужчина не заметил, как и сам получил покой в забытьи.

– Здравствуй. Илья Сергеевич. Надеюсь, я не опоздал?

Илья лежал в постели, но в кабинете доктора Флеровского.

– Семён Карлович? Это сон?

Доктор махнул головой.

– Но как Вы сюда проникли. Это невозможно.

– Я не смог терпеть безнадёгу моих пациентов. Смотреть, как они умирают, и не знать, что с этим поделать. Я стал частью Великого разума. И вместе с остальными мы смогли изобре-

сти новый антибиотик. Но Великий Разум против излечения людей. Он хочет, чтобы как можно больше из вас присоединились к сети. У меня мало времени. Как только проснёшься, запиши рецепт лекарства. Ты должен спасти всех моих пациентов. Только не говори ни одной живой душе, что я поделился с вами лекарством.

Когда все ингредиенты были смешаны, Илья вколол одну порцию себе, а вторую Марине. Через пару часов она впервые за несколько дней сама попросила еды. Её лоб больше не пылал.

– 36,6, – сообщил медпомощник.

– Видишь, обошлись и без твоего гем...штана. Бросай свои расчёты, отдохни немного.

– Милая, мы с тобой всего лишь смертные. У меня мало времени. Надо успеть сделать так много.

– Работа для тебя важнее, чем я? Ты меня не любишь?

Илья улыбнулся. И правда, он бы не выдержал вечность рядом с ней.

Илья поцеловал Марину в лоб:

– Вредина!

Великий Постамент изменялся, показывая трёхмерные модели разных героев человечества. Среди прочих был и образ Ильи.

– А это наш дедушка! – сказал мальчик лет семи.

– А вот и не ври! Это тот самый профессор, который придумал Лекарство. Раньше люди сидели в квартирах. И им нельзя было гулять на улице. Мне мама рассказывала. А теперь мы гуляем и морожено едим!

– Так это и есть наш дедушка Илья! Мне бабушка Марина рассказывала.

– Ты видел своего дедушку? Он старый и в морщинах весь. А этот молодой и красивый, как герой, только в белом халате вместо плаща. Хватит этих шуток. Давайте лучше в казаки-разбойники играть.

– А кто такие казаки?

– Не знаю. Давайте просто играть.

Марина посмотрела на молодого человека на постаменте, а потом погладила знакомые морщины на лице Ильи.

– Может быть, стоило тогда уйти в бессмертие? Мы бы навсегда остались молодыми. Как в тот день?

– А разве ты чувствуешь себя старухой? Я ни капельки. С тобой мне всегда двадцать пять.

Они сыпали семечки голубям, которые сновали туда-сюда возле лавок, а 3D-принтер распечатывал всё новые порции.

Юрий Ташкинов

«КЛЕТКИ»

Ливни закончились, а теперь невозможная жара – парилка, да и только. Но это снаружи, а теперь представьте себе, что творится утром в автобусе. Кто-то из вас может удивиться: а почему же водитель не включает кондиционер? На неоновых вывесках и рекламных роликах красивая столичная жизнь, которая в наш край доберётся нескоро. Может быть, когда в столице запустят трёхмерный трафик гравикаров, нам отдадут их старенькие автобусы с кондиционерами?

Ты становишься на последнюю ступень, но сзади подталкивают ещё человек семь. В невнятном мычании едва можно угадать:

– Проходите, середина пустая!

Сотни безэмоциональных лиц, уткнувшихся в маленькие коробочки, из которых непрерывным потоком льются короткие видео, которые знают лучше, как жить и что делать. Говорят, ещё пару веков назад люди моргали, как животные. Наверно, врут: за миг, пока ты моргаешь, можно случайно пропустить пару роликов, а потом ничего не понятно. Хотя многие с радостью бы моргали во время ежеминутных рекламных роликов, которые невозможно пропустить.

«Посмотри, я поделился! Тут рассказывают, что америкосы снова применили метеорологическое оружие», – набирает парень лет двадцати длинным подвижным большим пальцем. Раньше большими называли палец, который был толще других, но не длиннее; сейчас же большой палец – самый тонкий, но и самый длинный из всех.

«Да, они во всём виноваты! Снова эти Джон Петровиц и Пол Баширсон! Запустили свою машину, все фрукты сначала загнили под ливнями, из-за чего теперь бананы дешевле картошки, а теперь жару включили».

«А может, это местные решили поднять цены на морковь и нажиться «под шумок» на погоде? А африканцы – молодцы, цены на их бананы мало зависят от курса доллара, в отличие от цен на картошку и морковь».

«Нет, наши тут ни при чём. Я же постоянно ролики смотрю»
«Врут! Где доказательства?»

«Я же не смотрю официальные ролики. Это в подпольном канале говорят, тут же не будут врать?»

«И официальные, и подпольные каналы ведут из одного офиса!»

Интересно, о чём так оживлённо переписываются эти двое? В старых фильмах показывали, что раньше люди чаще разговаривали. Причём их речь была богатой, голос – звонким и выразительным. А сейчас только специально обученные люди умеют разговаривать нормально, в мычании остальных едва ли можно узнать понятные слова. Хотя это логичный ход эволюции: зачем нам голос, когда можно переписываться с друзьями и соседями? Разве можно голосом за секунду передать несколько мегабайт текстовой информации? Учёные предполагают, что уже наши дети смогут воспринимать сотню мегабайт в секунду.

Лысый мужчина лет сорока улыбнулся. Единственная эмоция, которую я смог отличить среди этой толпы сегодня. А ещё он часто моргал – раз в две или три секунды, пока все остальные не могли отвлечься от монитора ни на секунду. Я улыбнулся в ответ.

Никаких переписок – правило незыблемо: все чаты тщательно отслеживаются. Только живая речь в местах, где точно нет прослушки. Хотя в последнее время всё меньше людей предпочитают устную речь, поэтому эра тотальной прослушки тоже подходит к концу.

Мы познакомились с Андреем пару лет назад. Окружающие меня люди почему-то всегда казались какими-то пресными и безэмоциональными. Их интересует кусок свежего хлеба и свежее зрелище – яркая новость или новый сумасбродный короткий ролик в интернет-пространстве. А вот Андрей мог цитировать наизусть стихи Шекспира без электронного переводчика! Скажите, кто сейчас ещё изучает иностранные языки? Для переводов есть электронные системы, а за границу после Великого Разделения Наций и так никто попасть не сможет.

Конечно, я всегда отличался от других людей, мне было мало того, что подают вместо завтрака в утренней сводке новостей. С трудом отыскивал запрещённые старые книги. Но после сделанного Андреем укола стало ещё тоскливее:

– Что же случилось с человечеством? Куда делась наша мечта?

Андрей с грустной улыбкой посмотрел мне в глаза:

– А людей осталось немного – не больше пары тысяч на всей планете.

– Так сейчас людей больше десятка миллиардов!

– Разве они все ещё люди? На данный момент на планете есть три разумных вида. С людьми ты знаком – ты и сам являешься представителем этого вида, и другие бы тебе позавидовали. Второй вид поглотил остальные. Я называю их по старинке – странами, ведь каждое из сорока ныне существующих государств – это целый вид, а люди в нём – просто

клетки. При рождении у клеток тот же набор хромосом, только с самого рождения им кладут перед глазами планшет, который формирует клиповое мышление. Клетки – уже не люди. У них не сформировано критическое и аналитическое мышление. Клетки в течение жизни выполняют монотонную работу, заботясь о выживании целого организма – государства.

– Но ведь каждый из нас сам выбирает путь, которым идти.

– Каждый из них, – Андрей сделал многозначительную паузу, мол, «мы – не они», – выбирает ту же профессию, которой посвятили жизнь их родители. Есть работники транспорта, есть рабочие, есть даже руководители государств – но даже они лишь клетки.

– Я так понимаю, себя к клеткам ты не относишь?

– К сожалению, и к людям я теперь не имею отношения. Я представитель третьего разумного вида – бесов. От слова «бессмертные»

Кажется, после этих слов я сказал что-то нецензурное и начал пятиться к выходу. Андрей тем временем молча взял в руку нож (обычный нож – не электронный слайсер, не компьютерную хлебрезку – обычный нож, представляете!) и провёл остриём по запястью. Хлынула кровь, но в какой-то момент снова «втянулась» внутрь организма, и рана зажила на глазах.

– Можешь потрогать. Рубца не осталось.

– Меня зовут Андрей Иванович Бессмертный. Правда ведь, ирония судьбы? С другой фамилией человек вряд ли занялся подобными исследованиями. Во время первой американо-русской меня мобилизовали, и я служил военным фельдшером. Ребята называли меня Бесом. Попал в плен. Но вскоре кому-то из высокого начальства на глаза попались мои разра-

ботки. Из плена меня выкупили и сделали заведующим научно-исследовательского центра «Регенеративной медицины» Даже имя моё засекретили, я по всем документам проходил под кодовым именем Кощей.

– Кощей Бессмертный – ну и фантазия у твоего начальства.

– Фантазия – не балуй, – Анжрей улыбнулся. – Всё началось с разработки вакцины от вируса... уже не помню его названия, какое-то королевское. Думаю, ты читал историю о поедании летучих мышей. Многим не нравилось носить кусок ткани при входе в магазин и обучать детей в дистанционном формате. Представь, бывали времена, когда детей обучали в специальном здании!

– Ага, я читал про эти «школы» в исторических книгах. Одиннадцать лет учили – это же целая вечность! За это время многие профессии успели бы устареть и прийти в моду снова.

– Как только исследования дали первые плоды, крупные шишки захотели сделать себе укол, содержащий нанороботов. Убить беса практически невозможно. Даже голова отрастает взамен отрубленной. Но есть и обратная сторона бессмертия, ничто не даётся бесплатно. Мы не можем иметь детей. В миг принятия «лекарства» организм застывает в одном мгновении, и больше не развивается. Никаких новых мыслей и идей, никаких впечатлений. Одно мгновение из жизни, которое будет длиться вечно.

– Не зря вы называетесь бесами: это же ад на Земле, а не жизнь.

– Ты прав. После первой волны заражённых нанороботами мы провели ряд исследований по «развпечатлению», но это не дало прямых результатов, только косвенные. Именно моё исследование привело к возможности превращения стран в сверхорганизмы. По завершении Третьей Мировой сорок

крупнейших держав объединили в своём составе остальные. И каждое из государств стало существом-страной. А во главе – бессмертные правители.

– Стоп! А как же выборы? Мы же раз в пять лет выбираем нового правителя!

– Да, но из предложенных. Они сменяют друг друга, не избранные управляют, не показывая настоящего лица. А через 50–60 лет кто вспомнит лицо президента, который уже однажды был у власти? Клетки же не изучают курс истории – откуда им о нём знать.

– Это просто... капец какой-то!

– Всё ещё хуже. Я уже сказал, что бесы неспособны развиваться. Последние 200 лет не происходило никаких изменений, и в ближайшие годы перемен не будет. Всё та же внешняя политика. Бессмертные – они как клетки рака. Представляешь, несколько сотен лет нашим организмом управляет опухоль!

Во время исследований я использовал клетки Генриетты Лакс, известные под кодовым названием HeLa. Так хотелось изобрести лекарство от всех заболеваний, но что может получиться хорошего, если пытаешься вылечить людей, вводя им модифицированные клетки опухоли?

Люди у власти даже не догадываются, что однажды всему человечеству наступит конец, и всё из-за их недалёковидности. Внешне всё хорошо: предприятия работают, люди что-то покупают. Но разве не заметно, что людей-то на Земле почти не осталось?

– Ты мне сделал укол, после которого я отключился от этой системы, и стал обычным человеком. А если вылечить всех с помощью этого лекарства?

– Ты был человеком и до укола. Так случается, что система не действует на некоторых людей, видимо, какая-то мутация,

которая не даёт тебе превратиться в клетку. Моё лекарство просто подтолкнуло тебя. Но ты скорее исключение из правил.

Сейчас клетки – часть системы. Но если все они станут вдруг людьми: к слову, беспомощными, без сформированного критического мышления, не способными сделать и шага без диктовки сверху – то система развалится, и всех поглотит соседняя страна. Тех, кто выживет. Я могу позавидовать тебе: вы, люди, можете наслаждаться своими эмоциями и ясным мышлением. Но сейчас ты не должен думать о том, что остановятся разом все заводы и заглохнут все моторы, пока каждый из частей системы наслаждаются свободой.

– И ты предлагаешь просто смотреть, как мир катится в пропасть?

– Нет, не просто смотреть. Мы свергнем бесов-правителей и займём их место.

– Ты хочешь просто стать у власти? Но ты же сам не человек, а раковая опухоль! Как же ты хочешь спасти нас?

– Какое-то время у власти будем мы. Потом произойдёт новый переворот, и нас заменят. Хотя я надеялся верховную власть передать тебе, как одному из немногих, кому посчастливилось родиться таким необычным «обычным человеком».

– Я вынужден отказаться. Власть – это не для меня.

До сегодняшнего дня я не встречал Андрея.

– Ну что, не передумал? У нас сегодня «День икс» Решай, ты с нами – или против нас?

– Я бы предпочёл третий путь.

– Он тебе не понравится. Есть люди, стремящиеся к власти – это первый путь. Чтобы систему обеспечить, необходимы шестерёнки. Ты и правда сможешь снова стать клеткой?

После всего, что увидел и почувствовал? Или ты хочешь ничего не делать, не думать, как прожить остальным, а просто наслаждаться результатами их трудов? Но так поступают паразиты. Вот уж славный для тебя удел – просто паразит на теле нашего общества.

– Есть ещё один путь. Я прочитал о маленьком острове, которого не коснулась цивилизация. Там нет клеток, и нет бевсов. Только люди. Если не убьёшь, я отправлюсь туда. И никто не узнает того, что я узнал от тебя. Делай переворот, коли людям уколы: я не хочу ничего больше знать.

Андрей многозначительно улыбнулся, но промолчал.

Конечная остановка. Главное – добраться до аэропорта быстрее патронов. А дальше – свободный остров. Там меня ждёт новая жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Александр Волков «Жёлтые чернила».....	6
Александр Никишин «Лейтенант».....	15
Александра Пушкина «Король Лето».....	27
Алёна Ершова «Сударыня-кружевница»	38
Алиса Горислав «Conflict of interest disclosures».....	44
Арина Абламейко «Время дождя»	50
Владимир Марышев «Недостающая половинка».....	56
Геннадий Авласенко «Берёзка».....	65
Геннадий Авласенко «История одной сказочной феи».....	71
Денис Гербер «Дефект»	80
Дмитрий Орлов и Александра Хохлова «Джинсовое сомbrero»	89
Дмитрий Орлов и Александра Хохлова «Чайный домик господина Чу».....	100
Дорофеев Дима «Букет из роз».....	112
Екатерина Бархатова «Живой звонок»	115
Ирина Брестер «Капля воды»	119
Ирина Брестер «Жизнь – это вечность».....	124
Ирина Никитина «Счастливый день из детства».....	132
Кирилл Берендеев «Великий правитель»	136
Людмила Зарубина «Под светом новой Звезды».....	143
Людмила Токарева «Одуванчиковое утро»	147
Марина Шубина «Эльф-лазутчик, космос и русские хакеры»	152
Михаил Ватолин «Лето №2938»	159
Надежда Алимова «Одуванчик».....	165
Надежда Алимова «Радуга».....	168
Наталья Кадомцева «Бесполезный»	172

Наталья Кадомцева «Серый друг»	178
Наталья Кадомцева «Чудеса случаются, даже если их совсем не ждешь»	189
Никита Селезнев «Бесконечная весна»	201
Николай Хрипков «На кудряшовской даче»	208
Николай Хрипков «Кто ищет, тот всегда...»	213
Павел Гершгорин «Человек в автобусе»	224
Райдо Альгиз «Сказка про фею»	229
Рита Мурз «Я выбираю жизнь»	232
С. Хочистов «Гость из Аркадии»	237
Сергей Кулагин «Исповедь супермена»	246
Татьяна Абиссин «Счастливый снеговик»	253
Татьяна Вежина «Симбиоз»	257
Эльга Попова «Про окно, которое смотрело в космос»	270
Эльга Попова «Про Звёздочку, Волшебника и Астронома»	276
Юлия Рубинштейн «Жили были дед да баба»	287
Юлия Рубинштейн «Новая старуха»	293
Юлия Тужикова «Димка»	301
Юрий Ташкинов «Давай останемся смертными?»	312
Юрий Ташкинов «Клетки»	320

Литературно-художественное издание

**СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 4 (В ДВУХ ЧАСТЯХ)
«ДЛЯ МУДРЫХ», ЧАСТЬ 1**

Составитель Наталья Сажина
Ответственный за выпуск Мария Соседко
Верстальщик Мария Киселёва
Художник Наталья Морева
Выпущено в авторской редакции

Формат А5. Бумага офсетная.
Тираж неограниченный. Гарнитура «PT Sans».
Издательство «Союз писателей»
654063, г. Новокузнецк, ул. Вокзальная, 10.
Тел. 8–913–429–2503

E-mail: mail@izdat-kniga.ru. Сайт: www.izdat-kniga.ru

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».